

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 6 2023

Литературно-художественный журнал

16+

В ДОМЕ-МУЗЕЕ ПАВЛА КУЗНЕЦОВА

«На постерах поколение не вырастишь...»
Интервью Анны Морковиной с Ольгой Бельской. Стр. 150

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 6 2023

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов
Союза писателей России (Москва)
С.А. Хомутов – член Союза писателей России (Рыбинск)

САРАТОВ
2023

№ 6 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Валерий СУХОВ. На горе стоит погост	3
СТАТЬИ	
Александр БАЛТИН. Русский нерв Валерия Сухова	9
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Ольга СЕРЕБРОВА. Бабушка с белыми чайничками	13
ПОЭТОГРАД	
Фёдор ГРИГОРЬЕВ. Рассветная пора	22
ОТРАЖЕНИЯ	
Елена ЕФИМОВА. Санаторий	26
ПОЭТОГРАД	
Иван ПЕЧАВИН. Всё, что выстрадал, любя...	78
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Ольга ЧЕРЕНЦОВА. Уничтоженный рисунок	82
ПОЭТОГРАД	
Оксана СОСНИНА. Дух дома	88
ОТРАЖЕНИЯ	
Марина СТРУКОВА. Сноб	91
СТАТЬИ	
Елена ВЕЛИЧКО. Увидеть «изнанку мира»	95
КАМЕРА АБСУРДА	
Сергей ПЫЛЁВ. Лужа	101
Олег ЗАХАРОВ. Эта тёмно-вишнёвая блуза	122
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Артём ПОПОВ. Год таволги	126
Эллина САВЧЕНКО. Птица над водой	132
ПЕРЕВОДЫ	
Залина БАСИЕВА, Нина ЯГОДИНЦЕВА. Монолог моего сердца	139
ЮБИЛЕЙ	
Стежён романтика и библиофила. Интервью Анны Морковиной с Алексеем Буссом	145
В МИРЕ ИСКУССТВА	
«На постерах поколение не вырастишь...» Интервью Анны Морковиной с Ольгой Бельской	150
ИНТЕРВЬЮ	
«Книга жизни». Беседа Елизаветы Мартыновой с Антоном Графченко	156
ПОЭТОГРАД	
Ольга ДАРАНОВА. Свет рябиновый	161
ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА	
«Из тысячи немислимых миров». Стихи поэтов г. Ульяновска	166
ПОЭТОГРАД	
Лариса РУДКОВСКАЯ. Заплела мне планида узорочье	176
МИНИАТЮРЫ	
Евгений МИРМОВИЧ. Бессмертие	179
ПОЭТОГРАД	
Александра ВИЗАНТИЙСКАЯ. Я и ветер	181
РЕЦЕНЗИИ	
Елизавета МАРТЫНОВА. «Человек на своей земле»	185
Единство литературы и жизни	187
Татьяна САБЛИНА. Дорога к свету	190

**Валерий
СУХОВ**

НА ГОРЕ СТОИТ ПОГОСТ

Памяти матери и отца

РОЖДЕНИЕ

Я родился в декабрьский мороз,
 Когда сыпались звёзды с берёз
 И сугробы вздымались до неба.
 Как снежок, я был слеплен из снега
 В час, когда вызревала заря,
 Снегириною грудью горя.
 И качали мать и метель
 Светлый месяц – мою колыбель...

Так, сквозь радость и сквозь беду
 Я по снежному полю иду.
 Пусть калечит кровавый век.
 Душу лечит мне русский снег.
 Приложу я снежинки к глазам –
 И откроется жизнь слезам.
 Снег – небесная благодать.
 Снегом мне б после смерти стать...

-
- Валерий Алексеевич Сухов родился в 1958 году в с. Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им В.Г. Белинского и аспирантуру при Московском областном университете. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России, член правления Пензенского отделения Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор поэтических сборников «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008), «Холмы земные» (2019), «Треугольный парус из бумаги» (1920). Публиковался в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Простор», «Аргатак», «Нижегородская провинция», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Волга–XXI век», «Симбирскъ», «Пять стихий», «Невечерний свет», «Белая скала», «Второй Петербург», «Царицын», в альманахе «День поэзии XXI век». Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова, Международной премии имени С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, Всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!». Живёт в Пензе.

СТАРЫЙ ДОМ

Подкатил мне под горло ком.
Вновь я вспомнил родимый дом.

Покосилось его крыльцо.
Почернело для зыбки кольцо.

По-старушечьи сторбилась матица.
И моя жизнь под гору катится.

Вспомнил я на закате дня,
Как гуляла моя родня!

Дом для праздников был не тесен.
Сколько спели в нём русских песен!

Годы шли... И в последний раз
Он собрал на поминки нас.

Смертным холодом печка дышит.
Оседает могилой крыша.

Умер дом, как родной человек.
И занёс его окна снег.

ДОРОГА

Иду домой как в гости,
Один среди людей.
Качнулся шаткий мостик
Из сторбленных жердей.

Рукой подать до Бога,
Да не дойти никак.
Покрылась льдом дорога,
Как времени река.

В деревне умирающей
Порядок поредел.
Среди родни на кладбище
Я место приглядел...

На родину вернулся,
Чтоб мать в живых застать.
На тень её наткнулся
И дрожь не смог унять.

Прошла и не узнала,
Седая, словно смерть...
Кого она встречала?
Дорога, мне ответь.

ОЖИДАНИЕ

Золотые сердечки берёзы
Засыпают могильный холм.
Вспомнил я материнские слёзы
И родительский старый дом.

Не вернуться мне больше туда.
Впору сердцу с тоски разорваться!
Не прощу себе никогда
То, что с мамой не смог попрощаться.

У могилы повинно стою.
Душу ломит невыносимо!
Где ж ты, мама? Наверно, в раю
Золотым своим сердцем ждёшь сына...

ХОЛМ МОГИЛЬНЫЙ

Мне опять живой приснилась мать.
Подошёл, хотел её обнять.

Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле...

Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, берёзы листья сбросили...

Снег теперь хранит её покой
Долгою холодной зимой.

А весной ей птицы будут петь.
Летом – сосны на ветру шуметь.

На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.

Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.

И всплакнёт берёза надо мной,
Осыпая золотой листвой...

Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка – крылата!

От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

СИРОТСТВО

Пронзает осознание сиротства,
Когда застынешь над могильной ямой.
Среди берёзок на краю погоста
Отца похоронили рядом с мамой.

И как листок берёзовый кружится
Душа его над нами на ветру.
Дождь моросит с утра, и небо мглисто.
С трудом слова молитвы подберу.

Жил по-людски. Хоть и не верил в Бога,
А был по сути Божий человек...
На холм к родителям теперь одна дорога.
Накроет скоро их могилы снег.

Родимый край окину долгим взглядом.
Пронзительна берёзовая Русь...
Я на родном погосте лягу рядом
И навсегда на родину вернусь!

РУБАХА

На двери висит рубаха
Без малого сорок дней.
И не могу без страха
Я прикоснуться к ней.

На память отец повесил
Перед тем, как уйти...
В окна врывается ветер –
Рубаха по дому летит.

Гнусавет осень-старуха
«Сорокоуст» на помин.
«Слава Отцу и Сыну
И Святому духу...
Аминь».

Ложится рубаха на пол,
Тепло храня до конца.
Пота родного запах
Переживёт отца.

Лес угрюмо шумит на холодном ветру,
Засыпая листвою погост.
У могил двух родных я стою на юру,
Задаю молчаливый вопрос.

Я у ветра спрошу: где мои старики?
Где моя «уходящая Русь»?
Слишком дорого я заплатил за стихи,
Свой слагая «Сорокоуст».

И качаюсь как дерево я без корней
На сожжённой родимой земле,
Потеряв тех, кто был всех на свете родней.
Только кружится пепел во мгле...

У могил, как молитву, шепчу я стихи,
Свой слагая «Сорокоуст».
Молча мать и отец мне прощают грехи.
Светит святыми в сумраке Русь.

ПОГОСТ

Высокий холм вздымается в крестах,
И слёзы застывают на глазах.

Богатый смерти выдался покос.
Родней села становится погост.

Качнусь от горя я – без водки пьян.
И поминальный уроню стакан.

Скрестила руки на груди родня
И ждёт не в гости – насовсем – меня.

РОДНЯ

Срок настанет – и родня
Хоронить пойдёт меня.
На горе стоит погост.
Он крестами в небо врос.

Крепче нет его корней.
Мёртвые живых родней.
Тихо мать вздохнёт: «Сынок,
Снова ты под сердце лёг».

Скоро к Богу уже...
Скарб я нажил большой.
Унесу всё в душе.
Ничего за душой.

Золотою казной
Лес осыпал меня.
Знал морозный я зной.
Пел про холод огня.

На берёзу снегирь
На закате вспорхнёт
И, читая псалтирь,
На прощанье кивнёт.

Переломится свет.
Лягу я среди корней.
Был поэт или нет?
После смерти видней...

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного поэта
Валерия Алексеевича Сухова с юбилеем!**

**Александр
БАЛТИН**

РУССКИЙ НЕРВ ВАЛЕРИЯ СУХОВА

«Снегири на берёзе» – вспышки красного на белом, сгустки красоты не только природы, но и текста, ибо мир и есть своеобразный текст, подлежащий прочтению: *«А на берёзах горят снегири – / Русской земли поэты. / Кроваво-алые от зафи. / Вьюгой они отпеты...»* («Левашовская пустошь»).

Цикл стихов Валерия Сухова «Снегири на берёзе» посвящён литературе: поэтам, близким ему, освещающим его неповторимый путь звёздным сиянием. Логично, что начинается он стихотворением, посвящённым Пушкину. Пушкинская речь – камертон, дающий настрой жизни, определяющий высоту словесного космоса: *«Когда поэт у Чёрной речки / Мучительно осел на снег / И умирал... по-человечьи, / Простил врагов своих он всех. / А сколько жить на свете этом / Тебе осталось, стихохплёт? / Поэта делает поэтом / Судьба – не книжный переплёт»* («Михайловский снегирь»).

Жёсткое отношение к себе свидетельствует о неустанной душевной работе.

Стих Сухова чётко и чисто: не подразумевает филологических игрищ, завихрённых придаточных, выстраивается тугим натяжением строк, и огни, вспыхивающие внутри них, достаточно ярки, чтобы присмотреться к оным. Стих густо полнится колоритными подробностями, суммарно и определяющими жизнь, и густота её бурлящей плазмы в поэзии Сухова высока: *«Не узнать его в лихом рубаке / Со смертельным холодом в очах. / В красной канаусовой рубахе / И в косматой бурке на плечах. / А в хря-*

-
- Александр Львович Балтин родился в Москве в 1967 году. Поэт, эссеист, литературный критик. Автор публикаций в журналах «Юность», «Москва», «Нева», «Дети Ра», «Наш современник», «Вестник Европы», «Литературная учёба», «Литературное обозрение», «День и ночь», «Florida» (США), «Il Convivio» (Италия), «Время и место» (США), «Il Richiamo» (Италия), в «Литературной газете», «Труде», «Московском комсомольце», «Независимой газете», в альманахах «День поэзии», «Предлог», «Истоки», «45-я параллель», в сборнике «Mgoda» (Польша). В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвящённая творчеству писателя. Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017), литературного журнала «Дети Ра» (2017), Ахматовской премии (Болгария, София, 2019), газеты «День литературы» (2019), литературной премии им. Б. Корнилова (2022). Победитель Международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Член Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

цах заросшего ущелья / Клокотал реки гортанный крик. / В ярости кипя, на «голос мишенья» / По камням срывался Валерик» («Земная горечь»).

Поэт исследует жизни тех, кто составил славу родного слова, определил пути его художественного развития и создал пантеон сияющей поэзии. Горечь проступает логично: судьбы трагичны у большинства поэтов – и как исследовать излом их жизней иначе? *«Учащённый пульс высоких слов. / Умер Блок, расстрелян Гумилёв. / И Цветаева – в силке петли. / Чувствуете вы озноб Земли? / Ходит смерть за ямбом по пятам. / На рассвете гулком – тут и там. / Собирает август роковой / Яблоки холодной рукой» («Учащённый пульс высоких слов...»).*

Стихи пропитаны русским духом: *«Дохнул прохладой августа закат. / Устало стадо возвращается под вечер. / Коровы понимают русский мат / И пастухам покорно не перечат. / Бредут бурёнки тихо, как века. / Глаза полны какой-то грустью древней. / И оживает русская деревня, / Испив с устатку молока...» («Холмы земные»).*

Так, начиная от конкретики картин, поэт переходит к глобальности обобщений – и словно вибрируют эти века, звуча сложно и таинственно, и русская деревня воспринимается как Китеж.

Поэзия Сухова пестра, будто жар-птица, разроняв волшебные перья, подарила поэту пламенеющие письма: *«В ночь накануне Ивана Купалы / Ветром душа моя в небо взмывала / Так высоко, что костру не достать. / Может, Жар-птицей хотелось ей стать?! / В ночь накануне Ивана Купалы, / Видимо, ведьма околдовала. / Помню на травах духмяный настой. / Не от него ли хожу сам не свой? / В ночь накануне Ивана Купалы / Росы любимая в горсть собирала / И серебром окатила, маня. / Омолодил меня холод огня!» («В ночь накануне Ивана Купалы»).*

Память о войне, обретающая словесный вектор воплощения в образах ясных и твёрдых, играет серьёзную роль в пространстве, создаваемом поэтом: *«Как в снегу, в бинтах лежат солдаты, / Все – войной безжалостно распяты! / В старой школе госпиталь теперь. / Учат жить здесь взрослых, как детей. / Долго длится мужества урок / Для учеников – без рук, без ног. / Как тетрадок первые листы, / В красных кляксах на кульнях бинты. / И оценки выставляет мелом / Смерть – учитель строгий в платье белом» («Треугольный парус из бумаги»).*

Строки Сухова точны и мускулисты, их объединённый напор рассчитан на сильное воздействие на читательское сознание: не заросло бы жиром, не закоснело бы...

Поэт конкретен: никаких расплывчатостей, и естественность дыхания вместе с этим организует интересный стихоряд: *«Высокий холм вздымается в крестах. / И слёзы застывают на глазах. / Богатый смерти выдался покос. / Родней села становится погост. / Качнусь от горя я – без водки пьян. / И поминальный уроню стакан. / Скрестила руки на груди родня / И ждёт не в гости – насовсем – меня» («Погост»).*

Кажется, строки вспыхивают осенними огнями, осеняя душу, соответствуя её порывам. Сухов интересно и по-своему фиксирует особенности русского сознания, и картины, творимые им, светятся своеобразной, акварельно-прозрачной метафизикой: *«Мне опять живой приснилась мать. / Подошёл, хотел её обнять. / Но она растаяла во мгле. / И не стало мамы на земле... / Мама умерла в начале осени. / Пожелтев, берёзы листья сбросили... / Снег теперь хранит её покой / Долгою холодной зимой. / А весной ей птицы будут петь. / Летом сосны на ветру шуметь. / На могилу осенью приду. / День в гостях у мамы проведу. / Молча по душам погово-*

рим / До вечерней сумрачной зари. / И всплакнёт берёза надо мной, / Осыпая золотой листвой» («Холм могильный»).

Воспоминания у поэта переплетаются с явью – и русский снег сияет и блистает: *«Я родился в декабрьский мороз, / Когда сыпались звёзды с берёз, / И сугробы вздымались до неба. / Как снежок, я был слеплен из снега / В час, когда вырвалась заря, / Снегириною грудью горя. / И качала седая метель / Светлый месяц – мою колыбель» («Русский снег»).* Вместе с тем стих Сухова весом и конкретен: даже символы словно прорастают через разнообразие явлений и феноменов, представляемых миром.

Может быть и жёсткая «телеграфность»: *«Бывают странные совпадения. / Они оставляют на сердце след. / Пришла из деревни – в мой день рожденья – / Телеграмма. Скончался дед...» («Похороны деда»).* Трагедия и память будут потом: но не безнадежность – её лишена поэзия Сухова даже в трагическом своём аспекте.

Ибо поэт верит свету – и верит в свет; и созвучия черпает из него: таинственного, одухотворяющего жизнь.

Чистый звук взмывает выше и выше, и, даже если суждено упасть соколом в разнотравье, падение это будет связано со сказочными элементами: *«Я с небес в степное разнотравье / Соколом у камня упаду. / Словно вёрсты – крылья разметаю. / И на росы расколю беду. / Обернусь я молодым плечистым, / Оседлаю волка, как коня. / Три дороги есть во поле мгlistом. / Каждая дорога – для меня. / Нас на то и матери рожали, / Чтобы в путь опасный провожать. / Заповеди каменной скрижали / Наугад Ивану выбирать» («Русская сказка»).*

Болезнь Россией: мука и мёд, сладость и крест – совмещённые понятия, и вибрирующий нерв этой боли рассекает плоть текста. Образ Христа, рождающегося в современности, связан с сердцем поэта, истерзанным горестями родины, потому картина, нарисованная серебряным карандашом строк, логична, как дыхание: *«Россию распри истерзали! / Судьба на муки обрекла. / И беженкою на вокзале / Мария сына родила. / И молча милостыню просит, / Ребёнка замотав в тряпье. / Бывает, мелочь кто-то бросит, / Наткнувшись на глаза её. / Они бездомны и бездонны. / Их соль выела беда! / Нет молока в груди Мадонны. / И нечем ей вскормить Христа» («Мария»).*

Русская трава – полынь: седоватая, будто много повидавшая, с извечным соком горечи русской жизни. Поэтому поэт признаётся: *«Запах горькой полыни / Мне напомнил опять, / Как тоскует о сыне / Поседевшая мать. / На рассвете выходит / За ворота она. / И до вечера бродит / Скорбной тенью – одна» («Запах горькой полыни»).* Нежный напев Валерия Сухова касается самого сердца и, словно сквозь печаль и уже упоминавшуюся горечь, баюкает его: мол, хоть и так, но едины все, и мать, пусть в ином, неизвестном измерении всегда встретит сына...

Русское начало сильно звучит в поэзии Сухова – в разливах пейзажей, в обращении к истории, толкуемой через призмы духа и стойкости, в многообразии деталей-нюансов русской жизни, упоминаемых в недрах стихов.

Вспыхивает поэтический корниловский мятеж, играя жёсткими ритмами в одноимённом диптихе Валерия Сухова: *«Как небо, Светлояр глубок. / Хранит он храмы Китежа. / И слышен звон колоколов / К вечерне. / Помолитесь же...»*

Распускаются цветы истории – тут уж ничего не поделать с тем, что цветы эти часто носят окрас зла. История совершает сложные пируэты, соединяясь героями и антигероями, и поэт, точно чувствующий таинствен-

ные коды исторического процесса, строит диптих свой ассоциативно: и карлик Ежов, склоняющийся к расстрельным спискам, жуток, как сошедшие с картины Босха персонажи...

Сильные вспышки истории многоцветны, яростно звучат колокола, и рвётся ритмами бесконечная русская летопись. Глобальные звучат мотивы, и живой росток превращается в росток грядущего духа, чьи силы непременно проявятся в грядущем, дав образы жизни, ещё невиданные: *«Купол неба – синий нимб России. / Дождь прошёл, и радуга встаёт. / Влажный чернозём почуял силы. / Умерев, зерно росток даёт»* («Девятый день»).

Поэт постепенно и колоритно расшифровывает своё «я», предлагая реальности собственный вариант её прочтения. Сердце поэзии бьётся всегда, в отличие от наших, плотских... Живые пульсации поэзии Валерия Сухова завораживают: кристаллы стихов, мерцающие строго и нежно, словно возвеличивают душу читающего, призывая её к полёту, к мечте, к неиссякающей надежде...

**Ольга
СЕРЕБРОВА**

БАБУШКА С БЕЛЫМИ ЧАЙНИЧКАМИ

ПРОЛОГ

Мы с женой обожаем ходить по заброшкам. Не наживы ради, а интересно. Прикасаешься к ушедшей жизни неизвестных людей, которые становятся как будто знакомыми тебе, – через дом. Не знаю, как для кого, а для нас дома не простоместилища – защита от непогоды и удобство существования. Они срastaются с хозяевами и живут вместе с ними. Это просто ощущаешь, словами не передать. И дело не в атмосферности или антураже, не в вещах, нет. В чём-то незримом, что обитает там.

Находки бывают просто потрясающие – удивительные, редкие, неожиданные, порой непонятные... Но одна превзошла всё, что мы могли представить. И стоит того, чтобы о ней рассказать.

На дом мы наткнулись случайно. Он стоял просто в лесу, недалеко от реки, где мы сплавлялись. Бревенчатые стены обиты узкими досочками, даже не вагонкой. Окошки с белыми изящными наличниками, низенькое крылечко без ступеней – просто приступочка из досок перед дверью, и маленький козырёк на косо-винах. В общем, ничего особенного.

Сразу видно, что дом нежилой. Причём давно. У самого крыльца проросла берёзка, трава до низких окон, ржавый замок... Но в то же время аккуратно всё как-то – как будто хозяева ушли, но не навсегда.

Я тронул замок, и он раскрылся, что только усилило впечатление: так, без ключа, нередко накидывают замки в деревнях, когда уходят недалеко и ненадолго. Мы не удержались и открыли дверь.

Обычно во всех старых домах пахнет одинаково – нежилой сыростью. Здесь пахло иначе. То ли сеном, то ли ещё чем-то таким... Всё сухо – крыша, видимо, добротная. Дома разрушаются с крыш. Мебель довольно обычная: круглый стол, стулья, комод, буфет... Стандартный набор деревенской семьи среднего

● Ольга Васильевна Сереброва родилась в 1977 году. Геолог, орнитолог-любитель, литературный редактор, собиратель слов для Псковского областного словаря. Пишет прозу. Живёт в д. Трубино Себежского района Псковской области.

достатка. Русская печь с нарисованным синим орнаментом – прямоугольницы с полукругами в углах. Вот это интересно: обычно печи просто побелены.

Жена осторожно отодвинула занавеску у устья, убрала заслонку, и мы заглянули внутрь, правда без особого любопытства. Просто так. Обычно в топливниках пусто, иногда дрова сложены. Но тут был небольшой сундучок. Мы не устояли. Нет, уносить ничего не собирались, но заглянуть, конечно, заглянули. Как и замок на двери, сундучок был не заперт. Внутри лежала кружевная белая салфетка. Жена моя тихонько ахнула:

– Плетёное кружево! Какая тонкая работа!

Она вообще поклонница всяких рукоделий – вышивки собирает, узоры вязанные и прочее. А под салфеткой лежала тетрадка, на которой было написано: «Бабушка с белыми чайничками». Жена открыла и залипла надолго. Я успел осмотреть чердак и подвал, убедился, что дом простоит ещё много лет, а она всё читала. А потом заявляет:

– Я не могу взять это отсюда, но хочу всё сфотографировать – и текст, и рисунки.

Честно говоря, я не обрадовался. Не больно-то весёлая работа – щёлкать на смарт каждую страничку, тем более что в целом в доме не нашлось ничего такого особенного. Но жена настояла. А когда я вник получше, не пожалел о потраченном времени. Мы вернули всё на место, закрыли дверь, навесив так же замок, и ушли. Я хотел и берёзку из-под крыльца убрать, чтобы не разрушалось, но жена не позволила.

А текст и рисунки из той тетрадки мы сохранили и представляем вашему вниманию.

БАБУШКА С БЕЛЫМИ ЧАЙНИЧКАМИ

Я потерялась. Заблудилась в жизни и в городе и поехала в лес. И в лесу тоже заблудилась. Хотя потеряться в лесу несравнимо приятнее, чем в городе. Почему-то я совсем не боялась, несмотря на то, что совершенно не знала, куда идти. Просто шла, куда глаза глядели.

В лесу – я помню с детства – всегда есть на что поглядеть. Я шла тихонько, волоча по траве рюкзак, потому что устала спина, и крутила головой... Потом сидела на маленьком пригорке, заросшем крупным лишайником – кажется, он называется кладония. На ветку прямо надо мной присела гаичка. Эту серую синичку я тоже помню с детства и помню, как папа объяснял, что птичка-гаичка и та гаечка, каких много у него в кладовке с инструментами, – вовсе не одно и то же...

Гаичка пискнула звонко-звонко и улетела по своим делам. А я пошла дальше, хотя дел никаких у меня не было. Разве что искать дорогу. Но мне не хотелось. Я была рада потеряться. И почему-то уверена, что иду в правильную сторону.

Солнце садилось, и пространство цвета превращалось в пространство узоров. Вместо всевозможных оттенков зелени глаз выхватывал волнистый, пильчатый, угловатый лист... гладкую или корявую ветку... хвоинку в сети паутины... Каждый такой кусочек мне хотелось положить в рюкзак, унести с собой, как сокровища в детстве. Я не думала о том, где и как заночую, куда пойду завтра, как отсюда выберусь... Когда увидела вдали огонёк, его маленький тусклый свет заслонил всё вокруг.

Да, лес зелёного цвета и лес ночных узоров стал лесом, в котором светится огонёк. Он манил меня, как ничто никогда прежде. Мне казалось, что самое важное – дойти до него. Нет, я совсем не стремилась выйти к людям, обрести на ночь приют... Огонёк принадлежал лесу и горел в самой его глубине.

И мне казалось, я дошла.

– Доброе утро!

Ещё не проснувшись как следует, я сразу поняла, что я в лесу. Только теперь это лес ослепительных бликов. И голос, тихий и старческий, тоже был ослепительным.

Я открыла глаза. На круглом столе посреди белой скатерти сиял, как корабельный прожектор, белый пузатый чайник. А за ним, словно подхватывая осыпающиеся лучи, стояла, чуть согнувшись, маленькая старушка и внимательно смотрела на меня. Позади неё белела печь с паутиной синих линий, а в окна слева и справа заглядывал лес. Лес ослепительных бликов.

– Доброе утро, – сказала я. – А где огонёк?

– Остался вчера, – загадочно ответила странная бабушка и улыбнулась, кажется, ей понравился мой глупый вопрос. – Давай-ка чайку.

Пузатый чайник в её проворных руках разбрызгивал повсюду блики, и я никак не могла уследить за стружкой чая. В домике – я только сейчас заметила, какой он маленький – пахло чем-то вкусным, но не едой. Сейчас запахло сильнее, и я наконец поняла, что это он, чайник. Точнее, чай в нём.

Я отхлебнула из белой чашки, потом ещё и ещё. Чай был душистым, лёгким и ещё каким-то... подходящим – это самое точное слово. Подходящим к утру, к лесу... К домику и к бабушке. Ко мне. Или же?.. Я никогда раньше не думала, что чай и чайник могут быть неразрывно связаны. Чай ведь можно заварить где угодно – в кружке, в котелке, да хоть в сковородке. Но этот чай – я точно знала – получится только в чайнике. В этом чайнике.

Я протянула руку и потрогала его гладкий бок. Горячий, но не обжигает. Белый, но с мягкими серыми тенями. Пузатенький, но не чересчур. Большой, но не слишком. Очень равновесистый чайник.

– Всё в меру, – сказала я.

– Он такой, – кивнула старушка, и я только сейчас о ней вспомнила.

Мы пили чай среди тишины и бликов. Бабушка улыбалась, и я подумала, что в молодости о ней наверняка говорили: ослепительная красавица. Мне нравилось, как блестят её седые волосы, вспыхивают серёжки под маленькими ушами, искрятся бусинки бижутерии – в колье на шее и на ободке в причёске... Нравилось, как бегают по стенам солнечные зайчики... И лишь потом я заметила тени в углах и на потолке, тёмные доски пола и за окном – хвою еловых лап, лёгкий налёт сажи над устьем печи и иссиня-серое, пасмурное платье... Как красиво по всему этому летали блики...

Мне нравилось, что я потерялась. Хорошо знать, где ты. Но и не знать – тоже хорошо. Я взглянула на бабушку, отпила ещё чаю и улыбнулась.

– Я потерялась, и мне нравится, – сказала я ей.

– Это самый первый и самый простой чайник, – ответила та. – Но всё равно ты молодец.

Мне нравились её загадки, и совсем не хотелось их разгадывать. Я снова погладила чайник и засмеялась.

Весь день мы провели в лесу. К вечеру он стал лесом полной луны. Мне захотелось, чтобы длинная юбка задевала травинки. Я никогда не ходила

по лесу в юбке, тем более длинной, – джинсы гораздо удобней. Но бабушка вынесла мне толстую шерстяную юбку с красным воланом и крупной розой на боку, и я тут же их скинула. Подол соскальзывал с травинок, и они распрямлялись, как лунные лучики. Я ходила, и смотрела, и думала, что ради этого стоило родиться.

Я не помню, как уснула. А утром лес стал лесом белой росы. На траве, на кустах, на всех ветках и паутинках висели маленькие светлые капельки. Мне было тепло в юбке с розой, а когда я выбегала на полянку перед домом, бабушка успевала накинуть на меня шаль. Роса и шаль – две самые мягкие вещи на свете! Только одна холодная, а другая тёплая.

Когда я вернулась, в домике уже пахло по-новому. На белой скатерти ждал белый чайник. Совсем другой! Не чайник – чайничек. Чайничонок! Крохотный, чуть не в полстакана, кругленький и с тоненькой золотой полоской по ободку.

– Мелодии рождаются в тишине, – сказала бабушка, разливая чай по чашкам.

Струйка лилась из носика, виляя туда-сюда, словно плясала. Она казалась то светлой, то густой, тёмно-медовой. И запах менялся неуловимо, как музыка. Я пила маленькими глотками и смотрела на чайничек. Мне казалось, что я всегда мечтала об этом крохе, мечтала держать его в руках и чувствовать, как льётся из него, приплясывая, упругая струйка чая. Он есть. Он тут. Сейчас, вот прямо сейчас. И это так прекрасно, что сейчас, а не когда-нибудь потом.

– Да, мелодии рождаются в тишине, – повторила бабушка. – Когда они рождаются, тишина живёт. Мелодии должны звучать – для того и тишина.

И я поняла, что её слова вовсе не загадки.

Почти до самого вечера я сидела на подоконнике, кутаясь в шаль, и смотрела на лес. Из леса белой росы он превратился в лес густого тумана. И я подумала, что мой красный волан и роза на юбке очень красиво просвечивали бы сквозь туман. Но выходить не хотелось. Так уютно было на границе дома и леса. Дом был сонным, а лес тихим, и я уснула вместе с ними.

Утром я проснулась в лесу божьих коровок. Они ползали по подоконнику и по красной шерстяной розе, по травинкам за окном, по узорам белой печи и бабушкиному платью... Красные и жёлтые, в чёрную и белую точку, они заползали куда-нибудь повыше, расправляли крылышки и улетали, болтая лапками. Я не двигалась, чтобы никого не раздавить. Вскоре последняя божья коровка растворилась среди леса, и в домике запахло чаем. Я обернулась.

Посреди белой скатерти аккуратно примостился новый чайничек – молочно-белый и приплюснутый, как подовый хлеб. Его хотелось обхватить ладонями. С округлого тела мило свисал носик, и ручка хвостиком лежала сверху, почти касаясь крышки. Я протянула к нему руки, и бабушка, в светло-жёлтом платье с кружевом на рукавах, подставила чашку.

Чай из носика полился тоже жёлтенький, светлый. Струя мягко ударяла в чашку и кудревато завивала мелкие пузырьки. Настой оказался густым, даже чуть тягучим, и капельку терпким. Я отпивала несколько глотков и подливала ещё – в обе чашки. Мне не хотелось выпускать чайник из рук. Я поворачивала его на скатерти то одним боком, то другим, любуясь игрой бликов и теней и тем, как они подчёркивали плавные линии.

Потом долго сидела и смотрела на него. И поняла, почему он белый. И что быть белым – хорошо. И тогда стянула резинку с волос. Слегка примятые жёсткие кудри ложились на плечи, медленно расправляясь. Я привыкла, что они такие: можно небрежно стянуть в хвостик и не беспокоиться, как это будет выглядеть. А сейчас вдруг увидела, какие они красивые. Не увидела – ощутила. Я помотала головой, возвращая им свободу, и попросила у бабушки ободок. Весь день я чувствовала их за плечами, как крылья.

Мы с бабушкой гуляли по лесу, и я ловила волосами божьих коровок – они щекотно шебуршились, вылезая наверх, и взлетали с моей макушки. Наверное, удивлялись, какая густая «трава».

А вечером лес словно вырос и превратился в лес ясных звёзд. Я легла на землю и смотрела, как звёзды пробирались сквозь ветви и листья леса. Как божьи коровки у меня в волосах.

Я совсем забыла, что потерялась.

Не помню, спала я или это только показалось. Просто звёзды исчезли, и настало утро. Утро в лесу ярких туч. Я такие видела в детстве. Не сумрачные и тусклые – ослепительно тёмно-синие. Я шурилась, глядя на них. Может, они бывают как раз после звёздных ночей? Когда впитали звёздный свет? Почему ж он не растворяется во тьме ночного неба, но растворяется в тучах?

Я решила спросить у бабушки – она наверняка знает – и побежала к домику. Там пахло почти по-вчерашнему, но чуть-чуть иначе.

На белой скатерти возвышался чайничек. Самый белый чайничек. Наилейший. Самый изящный. Наизящнейший. Высокий и узкий, с длинным изогнутым носиком, вытянутым лепестком ручки и продолговатой пимпочкой на крышке. Чайничек был похож на цветок. Нет, не с виду, а просто – сродни. Может, своим чуть завитковым изяществом.

Я подняла его, и ручка удобно легла в ладонь. Струйка чая полилась, словно с разбегу, и казалось, подпрыгнула, оттолкнувшись от чашки. Бабушка, снова в своём серовато-пасмурном платье, весело засмеялась, блеснув серёжками.

– Вкусный чай? – спросила она меня немного погодя.

Я старалась найти самое точное слово.

– Красивый. Как цветы.

– Вкус – удовольствие для тебя, – кивнула бабушка. – Красота сама в себе. Кто увидит.

Я делала глоток и смотрела на лес. Сегодня я села лицом к нему – напротив окна. Если наклониться, чайничек будет в оконной раме. Я так и сделала, положив голову на стол. Чайничек стоял прямо в лесу ярких туч. Мне было тревожно. Я гнала эту тревогу с самого пробуждения, но сейчас не стала. Я подхватила чайничек и вышла на полянку. Небо и чайничек спорили как лучшие друзья, которые жить друг без друга не могут. Зачем же тогда спорить? О чём?

Я прислушалась и поняла, что они спорят о лесе.

Я поставила чайничек на землю, и скоро лес ярких туч стал лесом ярких молний. Небо кидало их вниз, а чайник подхватывал носиком и кидал обратно. Он блестел и сверкал. Мы с бабушкой стояли в дверях и смотрели на него сквозь белые струи дождя. Белые струи, белые молнии и белый чайничек. Мне казалось, я вот-вот пойму, что они хотят и при чём тут лес.

Небо обмякло, и лес ярких молний превратился в лес мокрых листьев. И чайничек на полянке белел иначе – тоже мягкий, безыскрый и зримо весомый.

Я сняла ободок и взмахнула волосами, стряхивая круглые капли с перил.

– Договорились, – улыбнулась бабушка и вдруг слизнула каплю, причмокнув языком.

Я проснулась в лесу синего неба. Оно окутывало иголки и листики, каждый обнимало синевой. Самой синей и самой чистой. Мне хотелось смеяться и плакать. Оттого что она такая синяя.

В домике пахло яблоками. Осенними, душистыми. А ещё мёдом и летним лесом. На белой скатерти красовался чайник – большой, с овальным доньшком, фестончатыми ребристыми боками и лепным узором на крышке.

– Ишь, вылючается*, – усмехнулась бабушка.

Я подняла его обеими руками, придерживая носик. Струя тоже была фестончатой и укладывалась в чашку как размотанная пряжа. Я подумала, что в этом чайнике хорошо бы заварить что-нибудь мягкое, ягоды шиповника или смородины, и бабушка внимательно глянула на меня.

Мы гуляли по лесу, и я трогала стволы, и ветки, и листья, и шишки, и метёлки трав... Гладкие, мягкие, шершавые, сочные, твёрдые, мокрые, упругие... Зелёные, сиреневые, сероватые и светло-рыжие от лишайников... Большие и маленькие... Сплошные и ажурные...

Руками и ступнями, юбкой и кистями шали, волосами, носом и языком, когда слизывала капли, я трогала лес. Мне хотелось обнять его весь, как обнимало небо. Раствориться в его узорах или, наоборот, впитать их в себя.

Я остановилась и обняла дуб. Не очень большой дуб, в пол-обхвата. Я обняла его, как мечтаю когда-нибудь обнять мужа. Нет, не страстно, а так, как обнимают самого-самого родного на свете. Я зажмурилась и прижалась щекой к коре. О чём я думала, не знаю. О будущем муже? О дубе? О небе и синеве? Может быть, обо всём сразу. А потом заметила, что больше не ощущаю коры – ни щекой, ни руками; не чувствую твёрдости ствола и ветки у плеча; зато появилось что-то новое, и...

Я открыла глаза. Леса не было. Нет, он был, но не для глаз, а – для волос. Волосы стали вдруг всем сразу – зрением, слухом, обонянием...

И снова появился лес. Такой, каким был всегда. Бабушка держала меня за руку и улыбалась:

– Прежде чем входить, надо узнать, где выход. Эх ты, несмышлёныш! Завтра наступит завтра. Пойдём-ка пить чай.

Чайничек был приземисто-высоким. А может, так казалось по сравнению с тем, что сверкал под грозой. Этот тоже вытянутый, но не настолько. Ровный, гладенький, плотненький цилиндрик. А на плоской как стол крышке вместо пимпочки – птичка.

Беленькая птичка на белом чайничке. Точнее, образ птички, контур, вырезанный из пластинки глиняного «теста». Я всё поглядывала на неё. Птичка была как родная. Другая, скульптурная, более реалистичная, выглядела бы нарочито, а эта – подходила.

* Вылючаться – держать себя ненатурально, ломаться.

Я взяла её за бока и подняла крышку. Чаинки ещё кружились, медленно опадая, как мокрый снег. Я опустила крышку на место – мне казалось, не стоит подглядывать, как рождается чай.

Бабушка тем временем доставала чашки, белые блюдца, фарфоровые ложечки и розеточку с земляничным вареньем. Раньше я как-то не замечала, откуда всё бралось, а сейчас любопытно заглянула в буфет, одним глазком: на полках виднелись белые чайнички, разные, как цветы или деревья. И, как они, красивые.

Когда мы всё расставили на столе, я посмотрела на чайник с птичкой и поняла: чай готов. Струйка лилась неторопливо и мягко, даже когда я сильно наклонила носик. Чашки наполнялись как озёра по весне. И чай был тоже немного весенний – лёгкий, исподволь вкусный. Как капельки на ветках – не сразу распробуешь.

Я медленно пила и так же медленно думала. Нет, не лениво, а просто медленно: перебирала дни, как детские игрушки. Все дни до того, как я потерялась, были так же далеки, как детство. Я взглянула на бабушку.

– Значит, тебе нравится? – спросила она, лукаво наклонив голову.

– Да, – улыбнулась я, – очень нравится. Но теперь...

Бабушка кивнула:

– Потеряться нужно, чтобы найтись!

Я подумала, что потерялась уже давно, но, чтобы найтись, надо было потеряться по-настоящему.

Бабушка допила чай, встала и подошла к буфету. Она взяла с верхней полки новый чайничек – одновременно лёгкий и тяжёлый, как висючая башенка.

– Что бы ты в нём заварила?

Я еле удержалась, чтобы не вскинуть руку, как первоклашка, которая точно знает ответ:

– Что-нибудь жёлтое и своенравное.

Бабушка довольно кивнула и вытащила ещё один. Как будто тот самый чайничок, с золотым ободком, вырос раза в три. Ну точно такой же, и ободок с позолотой есть.

– А в этом?

– Что-то зимнее. Или... нет, не так... сейчас...

Я обошла чайничек и бабушку со всех сторон.

– Он ко всему подходит. Как снег зимой!

Бабушка поманила меня к буфету. Не знаю, сколько времени я рассматривала чайнички. Глаза то разбегались, то останавливались как прикованные гладкими или лепными боками, грацией носика, лёгкостью устремлённой вверх пимпочки...

– Завари-ка ещё чайку, – бабушка дала мне горсть сухой нарезанной травы.

Некоторые чаинки с одной стороны зеленели, а с другой серебрились тонким, нежным бархатом. Мать-и-мачеха. Другие были мягко-буроватыми, как испод моховых кочек.

Я снова оглядела чайнички – все по порядку – и протянула руку к одному, ничем не примечательному. Он был очень похож на «зимний» и на чайничонка, но без золотой полоски. И не белоснежный, не молочный, а едва-едва сероватый. Как пушистые облака.

Я высыпала в него траву, поднесла к самовару и смотрела, как она поднимается на горбу горячей воды – выше, выше, до самого горлышка. Чайник окутался вкусным паром. Я закрыла крышку. Теперь пар поднимался

из отверстия в пимпочке, как из жерла крошечного вулкана. Я улыбнулась, а потом засмеялась. Сама не знаю, что меня так рассмешило. Беспричинная радость, как в детстве.

Чайник носиком направлял струю, и она лилась ровно, строго и уверенно, до конца послушная моей руке.

Наутро мы вышли из домика и прикрыли дверь – просто накинули старый замок, ключ от которого давно потерялся за ненадобностью. Мы не знали, когда вернёмся. Я шла и то и дело взмахивала рукавами – они расширялись на запястьях колокольчиком. В детстве у меня было такое платье, и ни одна одежда не вызывала столько восторга. Не знаю, как угадала это бабушка и откуда взяла такую блузку, – я просто радовалась как маленькая.

И лес радовался вместе со мной. Сегодня он был лесом солнечных зайчиков. Они прыгали среди листвы. Мы направлялись к «моему» дубу.

– Чтобы выйти, надо этого захотеть, – сказала мне бабушка у самого ствола. – Просто помни, что ты – это ты.

И я вышла.

Как и раньше, лес изменился почти до неузнаваемости. Или это я изменилась?

По мне тёплыми пятнышками бегали солнечные зайчики, и беготню этих тёплышек я ощущала как топоток: каждое по отдельности и всех вместе – слитным узором. Я смеялась, потому что они меня щекотали легонько. И любовалась ими – не глазами, а изнутри.

Небо обнимало меня, а я его. Оно так вкусно пахло и было ещё каким-то, чему нет названия. Я поняла, о чём оно спорило с чайничком тогда, в лесу ярких молний. И поняла, о чём они договорились.

Чувства незаметно стали знанием. Нет, не совсем так: они слились во что-то большее – в другую меня. Истина ведь не между крайностями, а над ними; не впереди, а над головой. Всегда выше. Поэтому деревья растут вверх. И мы тоже. Как рассказать о просторе тому, кто всю жизнь прожил в тесной пещерке? Что простор – это когда нет стен и вокруг есть... всё.

А потом мне вспомнилось ощущение волос за плечами. И колокольчики рукавов. И чайничок с золотым ободком. Я – не дуб, я – это я.

Бабушка ждала меня у ствола. Но не одна. С нею были самые разные люди – и дети, и старики, и мои ровесники. Постигшие родство. Наша семья.

Я оглянулась на дуб. В голове, как полузабытая детская песенка, всплыли слова: «ксилема», «паренхима», «камбий»... Я улыбнулась. Когда-то давно и я пыталась познать мир, разглядывая его кусочки под микроскопом. Но только когда сумеешь ощутить кого-то самым родным на свете, поймёшь всё до конца. Родство – единственный выход из всех пещер.

Вечером бабушка отправилась к Энцеладу – белоснежному спутнику Сатурна. Остальные ушли тоже. А мне захотелось ещё немного побыть в домике с белыми чайничками. Я заварила чай в маленьком чайничонке с золотым ободком и села у окна. На меня глядел мой лес. А я глядела на него. Я – это я. И чуть-чуть – лес. А лес самую капельку – я. Утром я тоже уйду.

Мои пальцы гладили белый бок чайничка, тёплую доску подоконника, перебирали кружевные узоры салфетки... Я встала и обошла дом, заглядывая во все уголки, даже в печку. Там было чисто выметено и стоял небольшой

железный сундучок с белыми кружевными скатёрками. Наверное, спрятали от мышей. На полке за печкой я увидела пустую тетрадку и карандаш, и мне вдруг пришло в голову записать, как я потерялась.

Я достала из буфета и поставила на стол чайнички – те самые, что помогали мне найтись, начиная с пузатого, в лесу ослепительных бликов. Села напротив и начала писать.

Я уберу тетрадку в сундучок, что в печи, прежде чем уйду. Куда? Куда – подскажут утро и мой лес. Каким он будет завтра?..

На этом рассказ в тетрадке закончился. Но, как оказалось, нам есть что добавить. Лет через шесть-семь после этой истории мы снова решили провести лето на сплаве, только уже на другой реке. И в небольшом городке, куда мы завернули ради красочной местной ярмарки, жена обратила внимание на пожилую женщину, которая задумчиво рассматривала чайники. Продавец предлагал ей то один, то другой, расхваливая роспись, действительно достойную. Но странная старушка всё качала головой. Я не люблю глядеть на людей, но в тот раз почему-то засмотрелся, как поблёскивают при этом её серьги – из весёлой, совсем не по возрасту, бижутерии. И вздрогнул от неожиданности, когда напоследок она сказала продавцу:

– Настоящий чайник может быть только белым.

Мы с женой стояли совсем недалеко, но старушка как будто растворилась в толпе – больше мы её не видели.

**Фёдор
ГРИГОРЬЕВ**

РАССВЕТНАЯ ПОРА

Славе и Римме Лютым

...А деревья будут жить:
В память первых садоводов
Садоводам из народа
Верой-правдою служить.

Тем в награду за талант
И природное терпенье –
Сливы пылокое цветенье,
Груши страстный аромат.

Ветку нежно наклоня –
Стану пьян до сладкой дури,
Точно сам старик Мичурин
Вишней потчует меня...

Отшуршала листва, загустела вода,
И не терпит рука жженья первого льда.

Над телами морёных дубовых стволов
Я на лодке скольжу по владеньям бобров.

Там, где груды осин на другом берегу
Непролазной стеной их покой берегут,

Понастроили звери к холодной зиме
Добровольных плотин, не в пример Колыме.

-
- Фёдор Николаевич Григорьев родился в 1962 году в селе Токарёвка Тамбовской области. Окончил Воронежский медицинский институт. Врач, психиатр-нарколог. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в журналах «Подъём», «Роман-журнал XXI век», интернет-издании «Русский колокол» и др. Лауреат премии «Империальная культура» им. Э. Володина, президент Фонда русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба», председатель оргкомитета Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Член Союза писателей России. Живёт в Борисоглебске.

Вот плыву я один меж пустых берегов,
Мимо вымерших сёл и творений бобров,

И всё чудится, что в ледяной глубине
Бог, живущий в реке, улыбается мне.

Уходит вода, но за ней не уходит Россия,
И даже в золе за зерном прорастает зерно.
Пробирай невозможного, мама, но только прости нам
Безбожные годы – так было, видать, суждено.

Мы – массы, мы помним эпохи по собственным стонам,
По вбитым в голодные рёбра фамильным перстням.
Так помнит ковыль поимённо душителей Дона,
Так помнит пшеница Голгофу тамбовских крестьян.

Нас новое время сечёт по хребтам батогам,
Очнись от бездонного сна, господин и слуга:
Нам нужен не мост, чтоб на Пасху дружить берегами,
А братские руки, чтоб крепче стянуть берега...

Среди снегов, среди беды –
Спеши любить! Для нас с тобою
Цветут вишнёвые сады
На старых кухонных обоях.
Придёт рассветная пора –
Часы свои замедлят стрелки.
Оставь, родная, до утра
В покое грязные тарелки.

Судьба, родня, друзья, враги –
Вчера, потом, но не сегодня.
На ощупь, милая, зажги
Огни гирлянды новогодней.
В мерцанье их для нас с тобой
Не ночь – века проходят мимо.
Незримо властвует любовь,
И тяжесть бед неощутима...

В том городке старинный дом
В резном купеческом убранстве
Внушал нам мысль о постоянстве
Того, что вне, того, что в нём.

Просторный, он хранил тепло
От Рождества зажжённых свечек,
И в изразцах голландских печек
Их отражение текло.

А вечерами – и рояль,
И семиструнная гитара,
И теноров прекрасных пара
Нас убеждали, что не жаль

Нам ничего из прошлых лет!
А мы, наивные, внимали
Тем голосам, но понимали,
Что постоянства в жизни нет.

И время, не замедля ход,
В стене проделало сурово,
И «офис», неживое слово,
В живой впорхнуло обиход.

Но в уходящие года,
Когда судьба нас сводит вместе,
Горит в душе из русской песни
Костёр рябины, как тогда...

Какими словами мне выразить то, что знакомо
Мальчишке, идущему в жизнь по размытому следу,
Встречая закат на ступенях родимого дома,
Не чувствуя – зная, что завтра отсюда уеду.

Районный автобус, пыля, проскрипит тормозами,
И, с модной клеёнчатой сумкой и хрустким пакетом,
Ещё раз украдкой встретившись с мамой глазами,
Устроюсь в проходе, коль не было с местом билета.

Сгоревшая церковь и клуб с провалившейся кровлей,
Старушечьи руки и спящий, как ангел, младенец
Останутся там, за рекой, и в пугающей нови
Желанье вернуться мелькнёт, но души не заденет...

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

А.Т.

Это наш с тобой Серебряный век:
Век любовных откровений без слов,
Век дымов от цепенеющих рек,
Жизней разных у ветвей и стволов.

В этом веке под обычным дождём
Тает века Золотого враньё.
Как я счастлив, что – навеки вдвоём! –
Завершаем восхождение своё.

Полно плакать над судьбой лебедей,
Вены резать я не вижу причин:
Время – славное проклятье людей,
Архитектор наших лучших морщин.

И, покуда то на радостях пьёт,
То псалмы поёт Серебряный Бог,
Яд чудесно обращается в мёд,
Возрастает до поэзии слог!

РЕКВИЕМ

Я еду, родная, по нашей любимой аллее
И тысячный раз постигаю разлуки науку.
Ликуют дрозды, под палящей звездой соловья,
И белый погост проплывает по левую руку.

Я помню, я помню –
Магический венчик бумажной короны,
Бессмертный Шопен дирижирует маршем с планеты Винала,
Твой гроб драгоценный плывёт над толпою подобием трона,
Так, словно тебя вся страна, как семья, хоронила.

А лица родные походят на дивные лики –
Иконы ожившие молча тебя отпевают.
И все мириады оснеженной звёздной гвоздики
Слетелись к могиле
И даже сквозь годы
Не тают.

**Елена
ЕФИМОВА**

*Выйди и стань на горе пред лицом Господним,
и вот, Господь пройдёт, и большой и сильный ветер,
раздирающий горы и сокрушающий скалы
пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра
землетрясение, но не в землетрясении Господь;
после землетрясения огонь, но не в огне Господь;
после огня веяние тихого ветра – и там Господь.*

(3.Цар.19.11).

САНАТОРИЙ

Муся, как обычно, проснулась рано. В распахнутое окно, играя выцветшими ситцевыми шторками, заглянул ветерок. Пробежался по лицам спящих детей. И упорхнул обратно, оставив после себя запахи сирени и дикой китайской розы, окруживших старый родительский дом плотным кольцом неприступной живой изгороди.

Погладила свернувшуюся калачиком Ляльку, спавшую под боком у матери. Рассыпавшиеся по подушке розовые кудряшки волос пахли пшеницей и молоком. Вздохнула. Лялька спала безмятежно. Только едва подрагивали пушистые ресницы – досматривала сон. Сегодня опять кашляла всю ночь.

Муся твёрдо решила снова напомнить председателю о путёвке в детский санаторий. Надо Ляльку отправлять подлечиться. Уже начало июня, а председатель будто забыл о своём обещании. Муся тихонечко поднялась, поправила одеяло на дочери. Заглянула за печку, где на маленькой скрипучей кровати спал четырёхлетний Толик. Мальчишка с младенчества не изменял своей привычке: как медвежонок лапу, сосал большой пальчик во сне. Муся улыбнулась. Тихонько подкралась к кровати, встала на колени, нежно поцеловала розовую пяточку, выскользнувшую из-под одеяла, и так же бесшумно вышла в соседнюю ком-

-
- Елена Германовна Ефимова родилась в 1960 году в Свердловске. По образованию экономист. Работала в Союзе кинематографистов Урала. Была заместителем генерального директора и начальником отдела рекламы Свердловского отделения кинопроката, членом оргкомитета кинофестиваля неигрового кино «Россия» и заместителем генерального директора игрового кинофестиваля «Новое кино России». В настоящее время – продюсер. Пишет прозу. Живёт в Москве.

нату. Там спали старшие: шестнадцатилетняя Люся и Юрка, здоровый красивый парень восемнадцати лет. Юрка спал, раскинув руки как крылья. Осенью в армию парню. «Как мы будем без него обходиться? – подумала. – Он и помощник, и кормилец».

Люся и Юрка были неродными детьми. Муж Муси, Пётр Анатольевич, был известным доктором во всём районе. Имел собственную печать. И это обстоятельство внушало необыкновенное доверие к нему: печать – такое дело, как дар Божий. Не иначе поцелованный! Люди съезжались к нему со всей округи, да не только – со всей Белоруссии. Работал до ночи, без выходных, никому не отказывал в помощи. Все проблемы человеческие впускал в себя, а выпускать забывал. Может, потому и надорвался. Сердце не выдержало. И уже три года Муся вдовствовала. Младший, Толик, отца почти не помнил. Люся и Юрка были детьми Петра Анатольевича от первого брака. Жена его умерла, и Муся приняла детей как родных. Вскоре они привыкли к ней и стали называть мамой.

Характером Муся была спокойная, к детям и к мужу уважительная. Потому в доме всегда царили мир и лад. И даже после смерти отца старшие дети отказались переезжать к родственникам – остались с ней. Люся нянчилась с младшими, Лялькой и Толиком, Юрка работал в колхозе – на нём, как на старшем, теперь были все мужские заботы о семье и о доме.

Муся оделась, заплела послушные волосы в тугую косу, тихонько вышла за дверь. Нужно было зайти к председателю, пока он не умчался по своим колхозным делам Бог знает куда, потом на работу. Работала она поваром в деревенской больнице, подрабатывала уборщицей, нянечкой – ни от чего не отказывалась. После смерти мужа каждая копейка в семье была на учёте. Работы не боялась – лишь бы дети были сыты, думала она.

За младших детей не волновалась: Люська просыпалась всегда раньше них. Успевала сварить кашу, прибрать в доме, покормить и проводить на работу Юрку. В свои шестнадцать она была уже вполне самостоятельной хозяйкой. Понимала, что матери одной тяжело поднимать четверых. Казалось, ей даже нравилось быть маленькой женщиной. Во всяком случае, когда Муся уговаривала её пойти на танцы, она не то чтобы стеснялась, но отказывалась. Говорила, ей неинтересно топтаться на мосту, где обычно и проходили танцы, да говорить о звёздах с каким-нибудь незрелым кавалером. А баяниста слышно было за три версты. Так что скучно ей не было. А Мусе казалось, что повзрослела дочка раньше времени. Жалко. А может, единственные босоножки свои берегла? А может, кавалера достойного ещё не встретила...

Муся застала председателя в конторе. Вокруг него, как всегда с утра, толпился народ. Ежедневные пятиминутки затягивались во времени, и председатель торопился решить все проблемы сразу: кому дать разрядку на полевые работы, кого-то отправить в район за запчастями для тракторов, кого-то отчитать за пьянку – всё было в его ведении.

– Чего тебе, Мария? – не поднимая головы от подписания каких-то непонятных бумажек, то и дело слюнявая химический карандаш, отчего синяя слюна запеклась в уголках его рта, спросил он Мусю.

– Михальч, я опять про путёвку. Ну сколько же ждать ещё? Уж лето давно. Каникулы. Не заметишь, как снова в школу. А Лялька кашляет. Ты же обещал!

– Ах да! Зайди к секретарю, заberi путёвку. В лучший санаторий республики отправим твою Ляльку! Почти в столицу! Пусть твоя отличница поправляется. Вырастет, школу закончит – отправим от колхоза в медицину.

Пусть заместо отца людей лечит, – довольный собою, проговорил председатель.

Муся от радости ног под собою не чуяла. Санаторий! Там же свежий воздух, усиленное питание, лучшие врачи. Можно было только мечтать о таком счастье! Она уже представляла, какой увидит Ляльку в конце лета – розовощёкую, весёлую, пухлую.

В путёвке сухими фразами была написана инструкция, когда и куда привозить ребёнка, что нужно положить в чемодан, как подписать. Она перебирала в памяти скудные вещички дочери. Платьишек, оказывается, было всего-то три. Да и те ношенные. Надо сегодня же сшить новенькое. Трусишек немного, носочки, сандалики... Вздохнула: «приданого» у дочки немного. Прибежав на работу, поделилась с бабами радостью – Лялька едет в санаторий. Слово-то какое! Либиха, соседка по улице, пообещала дать кусок ситца на платице. Курдиха – пару беленьких носочков: её дочка подросла, а носочки так и не успела надеть – повода не было. А тут – санаторий... Решила: трусишки сошьёт из своего ситцевого платья, синего в белые цветочки. А что, ей-то куда наряды носить? Висит себе платье – вот и сгодилось.

...С работы Мусю отпустили пораньше – ей ещё шить дочке наряды, чтоб не стыдно было деревне за Ляльку перед городскими. Спасала старая швейная машинка «Зингер», доставшаяся ещё от матери. Всю ночь строчила шовчики на платишке да на трусишках. «Красавица будет наша Лялька», – думала.

Едва забрезжил рассвет, она подошла к кровати – Лялька досматривала сон, безмятежно улыбалась, – прикоснулась к тёплой щёчке.

– Вставай, доченька, ехать надо. – Снова погладила дочку по русым кудряшкам, по бледным щёчкам.

В соседней комнате проснулась Люська: слышно было, как она уже наливает в кастрюльку воду и разжигает керогаз. Шумно проснулся Юрка, забренчал язычком умывальника.

Лялька открыла глаза, будто испугавшись, села на кровати:

– Мамочка, как же я одна-то?

– Ну что ты, доченька, ты там будешь не одна – вас целый автобус поедет из района.

Муся впервые отпускала ребёнка от себя. Да так далеко, километров за четыреста от дома. Господи, посмотреть бы, как она там устроится. Кто приглядывать за ней там будет? Не обидят ли в дороге? Не потеряют ли? Много мыслей и страхов пережила она за эту ночь.

За печкой заворочался Толик. Спросонья протёр кулачками заспанные глаза.

– Мама, мамочка, – позвал он, – я описался.

Люська подхватила его, сдёрнула привычным жестом мокрую простыню, передела Толика и вынесла в комнату, где шли сборы.

Муся надела на Ляльку новое платье, белые носочки, поставила перед ней старенькие сандалики, густо, до блеска намазанные вазелином. Поправила бант в кудрявых волосах дочери. Погладила её по лицу, поцеловала. Лялька стояла такая красивая и такая беззащитная, что сердце матери заныло от жалости к ней.

– Тебе там хорошо будет, деточка, – глотая комок в горле, проговорила Муся, скорее уговаривая себя, нежели успокаивая Ляльку.

Вдруг, что-то вспомнив, взяла за руку, подвела к дверному косяку и мелом для раскройки, что лежал тут же, на столе, рядом со швейной машинкой, отметила рост Ляльки. Поставила дату: 10 июня 1941 года.

– Всё, пора выходить, машина не будет ждать, – твёрдо сказал Юрка, подхватил сестру, зацепил маленький чемоданчик, бережно упакованный и подписанный материнской рукой, и направился к двери.

Колхозная машина, которая каждое утро отвозила свеженадоенное молоко в район, уже стояла на месте. Водитель нервно курил возле. Председатель велел довести до места сбора Мусю с Лялькой.

Ехали не больше получаса. Районный город был рядом, в двадцати километрах от деревни. Сбор был у райсовета. Уже стояло три автобуса, вокруг суетились родители с детьми. Дети шумели, родители старались узнать больше информации у сопровождавших воспитателей о месте расположения санатория, о режиме посещения. Муся понимала, что навещать Ляльку она не сможет. И лишних денег на дорогу не водилось, да и время в летнюю струю выкроить было невозможно. Договорились писать друг другу письма. Лялька окончила первый класс – уж как-нибудь напишет матери.

Трубач протрубил посадку, вожатые забегали, собирая и пересчитывающая подопечных. Матери заплакали, пугая и расстраивая детей. Автобусы, выстроившись в колонну, просигналили и медленно тронулись в путь.

Муся бежала за автобусом, махала рукой. И всё время приговаривала: «Не бойся, доченька. Тебе там будет хорошо!».

– Ты, мать, не реви, не реви, – участливо говорил шофёр, отвезивший молоко.

Он забрал Мусю на обратном пути и всю дорогу поглядывал на неё, пытаясь то ли успокоить, то ли разговорить. Муся молчала и всё думала, думала. Она уже скучала по Лялке.

– Вон кудыть дочка взлетела – в самую столицу пошти шта... А время пролетит – и не заметишь.

...Время и правда летело быстро. Работа, дом, огород. День заканчивался, едва успев начаться. А по ночам Муся думала о Лялке: как она там? Уже через неделю пришло первое письмо от дочки. Корявым детским почерком она писала, что всё у неё хорошо. Кормят их вкусно, четыре раза в день. Есть такая еда, которая называется полдник. Дают булочку с повидлом и компот. А ещё во дворе санатория есть качели. Лялька никогда раньше не видела настоящих качелей, из железа. Потому хвасталась, что выше всех девочек раскачивается и не боится. Рядом лес и речка. Каждый день они с воспитателями ходят купаться, а по вечерам разжигают костёр. Вот только комары надоедают. Но воспитательница сказала, что укусов комаров бояться не надо, а нужно слюной смазывать те места, куда комар укусил, и не чесать – терпеть.

«Мамочка, я по тебе скучаю. Но ты за меня не переживай – у меня всё хорошо», – заканчивалось письмо.

Муся перечитывала письмо снова и снова. Положила его под подушку, будто дочка так была ближе. Под боком спал, свернувшись калачиком, Толик. Она гладила его по голове и думала о том, что и Лялька будет чувствовать эти прикосновения. Мусю трудно было упрекнуть в том, что Лялька она любила больше других детей. Просто Лялька была тоненькая как былиночка и самая беззащитная из них.

...Неспокойно было на душе. Люди поговаривали про неизбежную войну. Но якобы она ещё не скоро будет. Бумагу какую-то важную подписали о ненападении. Мол, чтобы подготовиться успели.

Муся не могла уснуть. Всякие мысли будоражили голову. Вон Юрка в армию скоро пойдёт. Что его ждёт? А вдруг и вправду война? Люська выросла, в барышню превратилась. И ей надо бы платье новое сшить. Зане-вестилась уже. Как бы люди упрекать не стали, что, мол, падчерица ходит в обносках.

А Лялька была болезненной. Вся душа по ней исстрадалась. Худенькая, бледная, одни глаза на лице сверкают. А учиться любит. Книжки читает. Отличница. Матери нравилось ходить к ней в школу на собрания. Там всегда Ляльку хвалили. «Вот вернётся из санатория, – думала Муся, – надо халвы детям купить и лимонаду – праздник устроить». Толик подрастает, хулиганит без пригляду отца-матери. Уже не раз соседи жаловались: дерётся на улице с мальчишками. Даром, что ещё маленький, а уже сильный. И всё приговаривает: «А я вот брату своему, Юрке, скажу, он вам задаст!» – угрожает деревенским мальчишкам. Не у всех были старшие братья. Юрку уважали и боялись.

...И снова настало утро, и снова начался хлопотный день. И снова как белка в колесе...

Не прошло и недели, как пришло новое письмо от Ляльки. Соревнования проводили среди школьников по математике. Олимпиада называется. Лялька среди сверстников заняла первое место. И радовалась Муся успехам дочери, и плакать от счастья хотелось. Дотронуться бы до неё, погладить по голове, заплести косички. Тосковало сердце матери. Уже десять дней пролетело. Может, и вправду люди говорят: не тоскуй, иначе и Ляльке там тоскливо будет.

Каждое письмо дочки обсуждалось в больнице, из рук в руки передавалось, мусолилось, как мусолили в руках весточки из большого города, будто с другой планеты. Бабы радовались за Ляльку, завидовали Мусе. С бабьими разговорами работа спорилась и день пролетал быстрее.

Уже вечерело. Бабы домывали посуду, котлы. Разбирали остатки еды. Мусе сегодня достались оладьи и картофельное пюре. Пюре особенно любит маленький Толик. А оладушки обычно доставались Ляльке.

Либиха пошла закрывать дверь. Как вдруг на пороге возникла фигура местного ветеринарного врача Петра. Он редко навещался в столовую. Но появлялся всякий раз к вечеру.

– Мария, – обратился к Мусе, будто других баб тут не существовало, – дай чё-нить пожрать.

Побаивалась она этого неразговорчивого человека. Замерла в нерешительности, достала из кармана большого фартука припрятанные оладьи, положила на тарелку. Налила в стакан компот и поставила перед Петром на чисто вытертый стол.

Пётр отодвинул стул, грузно сел, так и не сняв засаленной, выдавшей виды соломенной шляпы с головы, стал жевать едва тёплые оладьи. К компоту не притронулся.

– Станный он какой-то... – произнесла повариха Тамара Слюнькова, – как бирюк. Всё на ходу, будто вечно опаздывает. И чего ходит? Жена дома. Не кормит, что ли?

Пётр шумно встал, на ходу кулаком вытер рот и, ни слова не говоря, вышел из столовой. Дверь за ним захлопнулась – женщины выдохнули и засобирались по домам. У Муси засосало под ложечкой: «Неустроенный он какой-то. Неухоженный. И тоже Пётр. Мой-то ходил с иголки – женщины заглядывались. А на этого без страха не взглянешь...». Ей стало жалко его почему-то.

Мысли о Петре улетучились, как только вышла на улицу. Неясная тревога вдруг охватила... На «местечке», возле останочного столба, прозванного в народе коновязью, как обычно, собрались мужики. Что-то горячо обсуждали, друг другу тыкали в газетную статью, спорили. До неё долетали только обрывки спора. Что-то говорили о танках, самолётах.

– Вот увидишь, прохлопаем ушами, – громче всех кричал Макарыч, старый кавалерист, – прохлопаем! Бумагу они там подписали о ненападении... Никому нельзя верить!

«Только бы не война, – подумала Муся, – только бы не война...»

Ноги сами бежали домой. Увидеть детей, прижать к себе Толика. Скучает без неё сыночек. Радует гостинчику «от лисички». Вспомнила пухленькое личико сына и улыбнулась.

Толик, завидев мать в начале улицы, с громким криком бросился ей навстречу. Перешитые из отцовского пиджака штанишки болтались на сыне. И если бы не предусмотрительно пришитые лямки, совсем затерялись бы в дорожной пыли. Муся подхватила сына на руки.

– А я тебе гостинчик «от лисички» несу, – прижав к груди Толика, прошептала Муся.

В доме, как всегда, было чисто прибрано, пахло незамысловатой едой, Люся на заднем дворе кормила кур. Юрки не видно было. «Странно, – подумала Муся, – задерживается, что ли?». Покормила Толика столовским пюре. Сами с Люськой перекусили, чем Бог послал. Юрка вернулся домой к ночи уже. Сосредоточенный какой-то, неразговорчивый. Выпил молока с хлебом и сразу ушёл к себе в закуток за печкой.

– Мать, – позвал он Мусю время спустя, – в армию пойду – позови к себе тётку Ольгу жить. Всё не одной с детьми.

Как-то странно прозвучали эти слова в ночи.

Старшая сестра Ольга жила недалеко, километрах в пятнадцати. Муж её работал прокурором в районе. Два года назад Ольга овдовела. А вскоре после смерти мужа схоронила и сыночка восьмимесячного.

Сёстры часто виделись. И очень дружили. Дружили и их дети. Олина дочка Галочка была годом старше Ляльки. Смугленькая, кареглазая. Вся в отца. Едва завидев друг друга, девочки бросались в объятия и так, держась за руки, ходили до самого расставания. А расставания происходили всякий раз, будто навек. Со слезами и клятвами.

Муся знала, что бы ни случилось с ней – она всегда может рассчитывать на Ольгу. И была спокойна.

Но как-то тревожно прозвучали Юркины слова в ночи.

За окном прокатился гром. В распахнутое окно ворвался тревожный ветер. Растрепал занавески. Муся закрыла окно. Легла. Прижала к себе спящего Толика. «Скорей бы письмо от Ляльки!» – подумала, засыпая.

Утро не принесло облегчения. Сердце щемило от непонятной тревоги. Споры мужиков на местечке и слова Юрки не давали покоя.

Муся бежала в больницу. Солнце, казалось, сегодня встало раньше времени, и ей подумалось, уж не опоздала ли она на работу. На мосту её догнала повариха Тамара Слюнькова.

– Куда так пылишь, ветер обгоняешь? – смеялась Тамара, и её шутка как-то успокоила.

– Да показалось, опоздала, – стараясь поддержать настроение, проговорила Муся.

– А петухи тебе что – не указ уже? – всё ещё смеясь, продолжала шутить Тамара.

– Да что-то петухи сегодня не выпавшиеся, как будто со свиданки забыли вернуться, – попыталась отшутиться и Муся.

Так, с шутками-прибаутками они добежали до ворот больницы. На пороге их встретил главврач. Человек строгих правил. Обычно он по утрам проверял опоздавших, будто делать ему больше было нечего. Сегодня опоздавших не было. Но главврач был напряжён и нелюбезен. Поздоровался сухо. Мусе показалось, что он был чем-то взволнован и потому невнимателен.

Сегодня ей всё казалось подозрительным и недружелюбным. Кроме Тамары Слюньковой, всегда пребывающей в добром настроении.

Либиха уже управлялась на кухне, ловко орудуя огромными котлами и кастрюлями.

– Ой, девочки, что-то сон я сегодня видела недобрый какой-то... – поделилась она, едва завидев вошедших женщин.

– И ты туда же... – испугавшись, проговорила Муся.

Работали, старались не думать о дурном. В полдень в столовую буквально ворвалась медсестра с первого этажа с криком:

– Бабоньки, скорее, там объявление по радио! Девочки – война!

Подхваченные сквозняком створки окна грохнулись друг о друга, и мелкие искры разбившегося стекла брызнули в лучах враз почерневшего солнца. Муся выронила кастрюлю, наполненную до краёв горячей водой, не почувствовав боли. Мойщица посуды опрокинула стопку грязных тарелок, осколки разлетелись по всей кухне. Никто больше ничего не слышал, кроме этого страшного слова «война». Расталкивая друг друга, женщины бросились к двери. По коридору первого этажа бежали люди, больные и здоровые. Единственной целью у всех было первыми добежать до ординаторской, где стояло радио. Ещё вчера эту установку в шутку называли «сковородой». Сегодня вид её показался зловещим, и изрыгала она страшные слова: «...без объявления войны германские войска атакуют границы...».

– Матушка Царица Небесная! – прошептала старая нянечка, перекрестясь, вытерла намокшие глаза уголком платка, сгребла его в кулак и заткнула себе рот, чтобы не разрыдаться вслух.

Маруся бежала домой, не чувствуя земли под собой. «Лялька... Лялька... Лялька...» – кипела в мозгу одна горячая мысль. «Лялька...». Воздух разрывал грудь, сердце билось в горле, дышать было нечем. Разметавшиеся на ветру волосы больно хлестали по глазам. Споткнулась, упала. Поднялась. Запуталась в подоле юбки. Слёзы, сопли размазала грязной рукой по лицу. «Где ты, девочка моя? Лялька...»

Толик сидел в углу и ревел. Муся даже не спросила Люську, что случилось. Случилось у всех одно. Люся металась по дому, растерянно собирая какой-то мешок.

– Юрка, что делать? – закричала Муся с порога, едва завидев спину сына.

Тот обернулся:

– Я на фронт, мать, – спокойно, по-мужски, осмысленно сказал он.

Муся тяжело плюхнулась на лавку. В ушах застучало: «фронт... фронт...».

Где-то у ворот загудела машина, остановилась у дома. Как консервная банка, глухим звуком хлопнули дверцы кабины. Кто-то торопливо вбежал в сени. Перевернул стоявшее пустое ведро. Распахнулась дверь.

– Оля, Оля, сестричка! – закричала Муся.

Женщины схватили друг друга в объятия, зарыдали.

– Оля, Лялька моя, Лялька! – рвалось откуда-то из горла. – Сестричка, я поеду искать. Ты – здесь. Я – поеду. Юрка вот, – Муся показала на сто-

явший на столе вещмешок, – на фронт. Оля-а-а, что же это? Как же это? – Муся уже не соображала, что говорила.

– Сестричка, милая, я провожу. За Толиком присмотрю. Езжай – ищи – привози. – Оля гладила Мусю по плечу, по голове, по растрёпанным волосам. – Я всё сделаю, Мусечка. Всё сделаю.

Люся стояла, прижавшись к косяку, грызла какую-то тряпку и рыдала, не утирая слёз.

Юрка сидел на другом конце лавки и, опустив голову, тяжело молчал.

Сборы были недолгими. Муся умылась, переделалась, повязала на голову чистый платок, подошла к комоду, из верхней полки достала шкатулку, что дарили им с Петром на свадьбу, взяла все накопленные деньги, сунула их за пазуху. Подошла к Юрке.

– Сынок, прости меня!

Юрка большой и сильной рукой прижал мать к себе. Муся уткнулась в его грудь и тихо заскулила.

...На «местечке» было шумно и людно. Макарыч, что недавно обсуждал с мужиками политику, надтреснутым голосом обречённо ворчал: «Прохлопали-таки ушами, прохлопали... Пове-э-э-рили...».

Муся глазами искала председателя. Ей бы машину до райцентра. Машину ли, подводу – лишь бы скорее. Не стоять на месте, не ждать, а бежать, ехать, лететь, только бы вперёд, только бы подальше от дома – поближе к дочери. Только скорее бы.

– Михалыч, Михалыч, родненький, – закричала не своим голосом Муся, едва завидев председателя, – Михалыч, скорее – на станцию мне, в райцентр. Лялька там! – прижав руки к горлу, прохрипела.

– Да куда ж теперь? Глянь-ка – уполномоченный вон из военкомата прибыл. Вишь, всё забирают: машины, подводы, лошадей. Всё! Немцы прут. Брест захватили, уже Минск бомбят. Милая, беги, беги, Мария. Сама, теперь сама, милая...

Минск бомбят... Показалось, что-то разорвалось внутри, сердце на миг остановилось. Минск... Там же санаторий. Под Минском. Там же дети. Там Лялька.

Муся бежала, воздуха не хватало – задыхалась. Ноги сами несли её. Мимо фермы, куда ещё вчера ходила за тёплым молоком для больных. Рёв обезумевших коров заглушал крики людей в военной форме, рёв двигателей грузовиков. Кто-то из мужиков пытался затолкать упрямую корову на борт грузовика. Матерился. Кто-то выгонял всё стадо из коровника, надеясь ускорить процесс погрузки, внося ещё большую сумятицу. Одуревшие коровы разбегались в разные стороны. Запах тёплого навоза, парного молока, запах вымени, ещё вчера кажущийся таким родным и тёплым, сейчас кружил голову, душил, вызывая рвотные потуги. Старалась не смотреть, не слышать. Она бежала. Мимо поля.

Поле. Нива. Море. Зелёное, густое, жизнеутверждающее. Надежда. Хлеб. Жизнь... Ничего сейчас не было важно.

Жаворонки, такие мирные птахи, охраняющие это жизнеутверждающее поле, подхваченные страхом, в панике брили своими острыми крыльями небо.

Муся бежала. Падала. Вставала. Снова бежала. Снова падала. Сколько она бежала, она не считала. Эти двадцать километров, отделявшие её родную деревню от райцентра, казались бесконечными.

К станции Муся добиралась сквозь военные кордоны. Всюду преграждали дорогу часовые. На железнодорожных путях стояли гружёные составы, кры-

тые брезентом. Что под брезентом – оставалось только догадываться по распирающим силуэтам. Грузовики, станки, ящики.

Муся попыталась приблизиться к одному из составов. Строгий окрик часового остановил её. Она бросилась к нему в ноги:

– Голубчик, помоги! Куда идёт состав? Мне к Минску надо. Дочка у меня там.

– Стоять! Не приближаться!

– Сынок, мне надо, очень!

– Какой я тебе сынок? Не видишь – запрещено! Всем сейчас надо!

– Дочка у меня там. Немцы ж под Минском. Найти хочу. Спасти!

– Не подходи, мать! Стрелять буду!

Муся побежала обратно к станции. По платформе шагали люди в военной форме. Все куда-то спешили. Раздалась команда: «По вагонам!». Муся бросилась к офицеру, дававшему команды.

– Товарищ офицер, разрешите...

Он не дал ей закончить:

– Кто пропустил? Под трибунал захотели? – закричал на часовых, окруживших состав.

– Господи-и-и! – взмолилась она и снова бросилась бежать. Куда – пока сама не понимала. Ноги куда-то несли. В конец состава. Может быть, там спасение...

Добежав до последнего вагона, нырнула под него, выскочила по другую сторону. На втором пути стоял состав никем пока не охраняемый. Она почти ползком подкралась к товарному вагону, попыталась открыть тяжёлую дверь. Дверь со скрежетом поддалась, Муся ловко запрыгнула в него, запнулась за что-то, забилась в угол, завалила себя мешками. Дышать стало совсем невозможно. Но она терпела. Вдалеке послышались голоса, опять какие-то люди раздавали команды, другие закрывали двери вагонов. Слышно было, как состав с первого пути, выдохнув из себя тревожный гудок, медленно набирая скорость, тронулся, стуча колёсами. Её вагон судорожно дёрнулся и поплыл в сгущающиеся сумерки неведомо куда. Муся замерла. Слышно было только, как горячая кровь её пульсировала во всём теле. «На Минск, на Минск, на Минск...» – стучали колёса. Ей так хотелось, чтобы все составы сейчас шли на Минск. А куда же ещё? Ведь там сейчас тяжело, там сейчас оборона. Там уже идут бои.

Мерный стук колёс укачал измотанную женщину. Голова гудела. Она провалилась в сон. Силы – ей сейчас нужны силы. Отдохнуть. Отдохнуть, чтобы бежать дальше.

Очнувшись от грохота, крика, лязга железа, сквозь щели в стенах вагона увидела пожарище. Гул самолётов то приближался, то улетал ввысь. С каждым приближением этого звука земля дрожала, переворачивалась, разверзалась. Женщина догадалась: их бомбят. Состав резко, со скрежетом и искрами затормозил. На неё посыпались мешки. Муся не могла уже вздохнуть, ей на миг показалось, вот она, её гибель. С остервенением рванулась. Столкнула с себя мешок, освободила грудь. Стало легче дышать. Теперь ноги – они были завалены. Почувствовала острую боль. Ещё раз рванулась. Упёрлась руками в мешок сверху. Освободила одну ногу, потом вторую. Туфли слетели. Она не стала их искать. Скорее выбраться отсюда. И снова бежать. Теперь уже от самолётов, от взрывов, от смерти.

Пожарище осветило небо – стало светло как днём. Вокруг состава валялись разорванные тела. Чьи-то руки, ноги. Кровь. Вонь. Чад. Горели разорванные бомбами вагоны.

Бросилась в сторону от железной дороги. Скатилась с насыпи. Расцарапанные в кровь ноги горели. В лес. Скорее в лес. Она видела, что ещё несколько человек бежали в том же направлении. Это спасались те самые военные, охранявшие составы на станции. И не известно ещё было, к счастью ли они выжили в этом бою...

Самолёты, посеяв смерть, улетели.

Муся слышала, как выживший офицер собирал уцелевших солдат. Лес сомкнул над нею мрак. Сквозь заросли, не пряча лицо от колючих лап ельника, женщина стала пробираться в надежде выйти на дорогу, к людям. Пусть подскажут, где она и как далеко до Минска.

До рассвета Муся так и просидела в лесу, боясь обнаружить себя. Под утро услышала лай собак. Поняла, что где-то недалеко должна быть деревня. Пошла на звук. Не приближаясь к крайней хате, прислушалась. Подождала. Услышала, как скрипнула дверь. Кто-то вышел во двор. Хриплый старческий мужской голос негромко прикрикнул на собаку. Звякнула миска. Собаку кормили. Муся вспомнила, что ела утром два дня назад, в последний мирный день. Засосало под ложечкой. Ей бы воды сейчас, не хлеба даже. Крадучись, она подошла к дому. Голосов не было слышно. Она выглянула из-за угла. Старик стоял посреди двора и, тупо уставившись куда-то вдаль, откуда доносился гул, крутил в руках палку, служившую ему опорой. Муся с облегчением выдохнула. Видимо, неосторожно громко. Старик обернулся. Пристально посмотрел в её сторону, размышляя, кто она и откуда здесь взялась, не торопясь подошёл.

– Ты кто? – спросил он.

– Дедушка, я дочку ищу. Немцы там уже. Далеко ли до Минска?

– Эть ты, милая... Недалеко, да долго. Зайди-ка в хату. Дух переведи. Тихо у нас. Пока тихо... – на полуслове замолчал.

Едва перешагнув порог, она почувствовала невыносимую усталость и бессилие. Нетвёрдым шагом дошла до лавки под божницей, тяжело опустилась на неё, положила руки на стол, голова упала на руки, и слёзы покапались из глаз. Муся безутешно плакала. Дед молча стоял над ней.

– Поесть бы тебе, бабонька, да отдохнуть, силёнок набраться.

Дед подошёл к печи, открыл заслонку, достал оттуда чугунок с варёной картошкой. Поставил на стол перед Мусей. Отрезал ломоть хлеба. Налил в кружку молока.

– На-ка вот, поешь. Путь, видать, тебе предстоит нелёгкий.

Муся ела молча. Дед наблюдал за ней, сидя напротив.

– В Минск, говоришь, – нарушил тишину он. – Я попрошу своего племянника – он проводит тебя немного. Тут недалече уже немцы, говорят. До нас ещё не дошли. Но ужо «наследили»... Деревню пожгли, Вишенки. Может, слыхала? С бабами, с дитями... – тяжело вздохнул. – Детский крик до сих пор в ушах стоит.

Сказал дед и поперхнулся. Муся подняла на него глаза.

– Так вот, бабонька... Поспешать тебе надо. Ты подожди меня тут. Я скоро...

Вернулся он и вправду скоро. Не один. За спиной деда стоял крепкий мужик лет сорока, суровый на вид.

– Это Пётр. Он проводит тебя...

«Опять Пётр, – подумала Муся. – Может, это добрый знак. Охраняет меня мой Петя».

Они вышли за ограду. Пётр нёс в руках маленький узелок с едой, наскоро собранный дедом. Деревня уже просыпалась, и идти было небезопасно.

Они вышли за огороды, ближе к лесу. Свернули на узкую тропинку и пошли в глубину. Пётр шёл быстро, Муся едва поспевала за ним. Но молчала. Земля становилась всё мягче. Скоро захлюпала под ногами жижа. Пётр остановился, огляделся, подошёл к молодой гибкой берёзе, наклонил её, крепкими руками стал ломать. Отдал Мусе:

– На, будешь щупать под ногами дно.

Потом сломал другую, для себя, привязал к ней узелок. Осторожно вошли в болото. Пётр прошупывал перед собою топь, потом делал шаг. Оглядывался. Муся делала то же самое, ступая след в след за Петром. Тяжёлые сапоги с дедовой ноги сваливались, затрудняя движение. Мусе приходилось одной рукой то и дело поддерживать их, другой крепко держаться за слегу. Было жарко, и рой комаров облеплял голые руки, лицо. Она попыталась отогнать от лица кровопийц, как тут же оступилась и ухнула в болото по пояс. Платье надулось и встало колоколом над грязной водой. Хотелось закричать от страха и бессилия. Грязная густая жижа облепила всё её тело. Свободной рукой она попыталась ухватиться за ближайшую кочку. Кочка оказалась пучком травы. Рука сорвалась. Муся потеряла равновесие и провалилась ещё глубже. Мерзкая, вонючая жижа залепила глаза. Она хватала воздух распахнутым ртом, боясь произнести звук, цеплялась руками за воду в последней попытке удержаться. Пётр оглянулся. Зло чертыхнулся, повернул обратно. Бросил в помощь женщине свою слегу. Та ухватилась за неё. Пётр стал тащить изо всех сил, вырывая из хищных лап топи. Тяжёлые, не по размеру сапоги, наполнившись водой, приковали ко дну. Она с трудом вырвала ноги из них и, не имея возможности опереться на твердь, начала ногами месить грязь под собой, пытаясь выкарабкаться. Пётр почти дотянулся до неё, ухватил за волосы и с силой рванул на себя. Резкая боль в голове на какое-то мгновение разозлила, Муся вдруг сжалась как пружина, застонала и, оттолкнувшись от илистого дна, выскочила. Почувствовала под грудью что-то твёрдое, вцепилась руками. Пётр помог ей выбраться. Муся лежала, тяжело дыша, не имея сил поднять голову. Пётр упал на траву рядом.

– Дай воды, – едва слышно попросила Муся.

Пётр снял со слуги привязанный узелок, развернул. Хлеб, картошку, пропитавшиеся болотной жижей, выбросил тут же. Бутылка с водой, наглухо заткнутая дедом промасленной тряпкой, сейчас казалась единственным спасением от обморока. Муся обхватила бутылку руками, жадно прильнула к горлышку. Она бы выпила воду всю, но был ещё Пётр, и была неизвестность впереди. Сколько они прошли часов и километров, знало только солнце, низко опустившееся на макушки деревьев. Ночь предстояло провести в лесу. Мокрая одежда холодила до дрожи. Хотелось раствориться и не жить.

– Вставай, – проговорил Пётр, – идти надо. На ходу будем греться и сохнуть...

Муся поднялась и поплелась за Петром. Кружилась голова. Она стала срывать молодую листву и жевать, чтобы как-то заглушить чувство голода.

К рассвету дошли до какого-то села. Пётр остановил Мусю жестом. Сам осторожно выглянул из-за деревьев.

– Отсюда до Минска прямая дорога. Дальше тебе идти одной. Держись всё время этой дороги. Смотри не нарвись на немцев. Наверняка они уже где-то здесь...

Он отдал Мусе бутылку с оставшейся водой. Как-то бережно поправил выбившиеся из-под платка волосы.

– Береги себя, бабонька!..

– Спасибо тебе... – тихо проговорила Муся. – Мужа моего тоже звали Петром, – зачем-то добавила.

Медленно и осторожно пошла сквозь лес вдоль поля, стараясь не ломать веток. Только бы никто не увидел её...

Стёртые в кровь ноги гудели. Она нарвала листьев лопуха, тонких прутьев, привязала листья прутьями к ступням. Посидела. Прохлада листьев ненадолго сняла боль в разбитых ногах. Показалось, что стало легче.

Откуда-то издали послышался рёв моторов. Муся бросилась в кусты. Прижалась к земле. Рёв приближался. Свет автомобильных фар жадно искал жертву в придорожных зарослях, ощупывая на ходу каждую травинку. Слышна была незнакомая лающая речь. «Немцы», – догадалась она. Колонна грузовиков прошла мимо. Земля задрожала под колёсами чужеземцев. В крытых брезентом кузовах разглядела сидящих солдат. Впереди колонны и замыкая её проехали мотоциклисты. Из-за рёва двигателей они не слышали друг друга, потому кричали громко, нарушая тишину старого, мудрого леса.

«Вот и всё... – пронеслось в голове, – вот и конец всему... Вот она смерть, вот она – беда вселенская...».

Муся дождалась, пока рёв затих, растаял свет фар, подождала ещё какое-то время и почти ползком стала пробираться туда, откуда пришли немцы.

Она уже не помнила, какое сегодня число и сколько дней она в пути. За плечами, казалось, была вечность. Она больше не думала о доме. Сейчас важно было уцелеть, выжить, найти и вернуться.

Она шла и шла. К вечеру добрела до какой-то деревни. В Белоруссии деревню от деревни порой отделял мосток через неширокую речку. Сейчас Мусе казалось, что деревни попрятались друг от друга, попрятали и людей, живущих в них, попрятали звуки и радость.

Из леса выходить не спешила. Прислушивалась. За спиной хрустнула ветка. Муся от неожиданности вздрогнула, оглянулась. За деревьями увидела двоих мальчишек лет четырнадцати. Мальчишки тоже её обнаружили. Остановились. Немного разглядывали друг друга.

– Тётка, ты что здесь делаешь? – спросил один.

– Ребятки, где я? Я издали иду. Мне к Минску надо.

– К Минску ей надо... – недовольно, как-то очень по-взрослому проворчал тот, что посмелее. – Тут вон что – немцы орудуют вовсю. А ей к Минску надо. Что ты там забыла? Там же бои уже!

– У меня там дочка, – дрожащим голосом проговорила Муся.

– Не реви, тётка. Тут слезами уже не поможешь. Надо так надо... В деревню не ходи. Жди ночи. Наши мужики в лес ушли. В деревне остались одни старики да бабы. Немцы уже три дня стоят. Всех поставили на учёт. Старосту назначили, гниду. Он-то тебя первый и сдаст. За шкуру свою боится. На-ка вот хлеба, поешь. А я подумаю, что с тобой делать. Жди меня здесь.

Мальчишки исчезли в чаще так же неслышно, как и появились.

Муся жевала хлеб, по щекам текли слёзы. Её бил озноб. То ли нервный, то ли ночной холод пробирал до костей.

К ночи смолкли голоса в деревне. Редкий лай собак и окрики часовых напоминали о комендантском часе. Казалось, всё вымерло вокруг.

Тихий шорох послышался где-то совсем рядом.

– Эй, тётка, ты здесь? – едва слышно прозвучал голос.

Мальчишка вышел из-за дерева, приложил палец к губам:

– Тихо... Утром, как прокричат петухи, подходи к краю деревни, вон к тому дому, – он показал на крайнюю хату, едва различимую в темноте. – Сиди в кустах. После утренней дойки телега с молоком пойдёт по этой дороге в соседнее село. Там у немцев госпиталь... Люди говорят, немало их туда навезли уже. Помяли их наши-то. Ну, и нашим досталось сполна... – Выдержав паузу, с досадой констатировал: – Собирают молоко и всякую живность для своих раненых. Тётка Дарья повезёт. Немцы её проверяют на ферме. А дальше – только у госпиталя. Думают, что они одни теперь тут хозяева. Только в лес заходить боятся. Тётка Дарья придержит лошадь, а ты шмыгнёшь в солому. Километров шесть проедешь. А там Дарья тебе подскажет, куда дальше. Да, на вот тебе платок – мамка передала. Укутайся. Дрожишь вся.

– Как зовут тебя, мальчик? – спросила Муся.

– Да на кой тебе это, тётка?

– Смелый ты!

– У меня батя в лес ушёл. И я за ним уйду. Мать вот только жалко. Малых у неё ещё двое. Но мы и их заберём..

Мальчишка, не попрощавшись, скрылся в лесу. Ни одна ветка не хрустнула.

Ночь казалась бесконечно долгой. Старый шерстяной платок согрел плечи, и Муся, прижавшись к сосне, обложив продрогшие ноги лапником, задремала.

Первые лучи проснувшегося солнца лизнули лицо. Муся сощурилась. Что-то щекотнуло щёку. Маленький паучок повис на тонкой ниточке-паутинке, от лёгкого колыхания воздуха болтался как в гамачке. «На хорошее – поднимись, на плохое – опустись», – прошептала Муся паучку, слепо веря в народную примету. Он на мгновение задумался, поболтался ещё, размышляя, и медленно стал подниматься вверх, пожелав добра этой ниоткуда взявшейся тётке. «Спасибо тебе!» – улыбнулась Муся, поблагодарив божье создание за надежду.

Она вспомнила, как с Петром ходили в ночное. Засыпали безмятежные и счастливые, зарывшись в первый попавшийся стожок. Утром просыпались с первыми лучами. Солнце иссушало утренний туман, нежно лизало лица влюблённых. Они умывались росой. Пили влажный воздух. Жаворонками пела и взмывала ввысь душа. И радости конца не было. Жизнь казалась бесконечной, и верилось – умрут они в один день...

Муся до сих пор любила Петра и любила вспоминать...

Петухи наперебой огласили оживавшую деревню. Заскрипели двери, снова слышались чужие голоса. Муся вздрогнула от дремоты. Огляделась. И, пригнувшись, украдкой стала пробираться к крайней хате, как велела мальчишка. Вскоре показалась телега. Дарья, раздатистая, дородная бабёнка, умело управляла лошадью, нарочито громко кричала, хлестала её вожжами по бокам, поторапливая. Въехав поглубже в лес и поравнявшись с кустами, за которыми пряталась Муся, Дарья прыгнула с телеги, сделала вид, будто поправляет подругу, подвинула бидоны. В это время Муся шмыгнула в телегу. Дарья накрыла её сверху старой соломой.

Чуть проехали в глубину леса. Дарья, не поворачивая головы, полушёпотом спросила:

– Как ты там, девка?

– Спасибо! – также шёпотом произнесла Муся.

– Зовут-то тебя как?

– Мария.

– Слушай меня, Мария. Не доезжая до села, высажу тебя в лесу. Село будешь обходить правой стороной. Туда немцы боятся соваться. Там, говорят, наши партизаны крепко похозяйничали. Взорвали на станции эшелон с горючим. Какой-то офицер ихний пропал... Ох, немцы лютовали! Людей постреляли в овраге. В яму покидали, даже землёй не присыпали. И ходить туда не разрешают – охрану поставили. А ещё двоих наших на площади повесили. Так и висят, бедные, на устрашение людям... Беда, девка, беда большая пришла. Ты-то куда бежишь, зачем?

– Дочку ищу. Перед самой войной в санаторий отправила. Немцы там сейчас, говорят. Где она, что с ней, не знаю.

– Эх, милая, поспешать тебе надо. Немцы, говорят, детей да стариков на опыты пускают.

– Да не пугай ты меня, Дарья! Сил нет думать про это...

Где-то вдалеке послышался стрекот мотоцикла.

– Прыгай, девка, беги! – Дарья придержала лошадь.

Муся опрометью бросилась в лес. Солома посыпалась из телеги. Дарья соскочила, начала судорожно сгребать, заматывая следы.

Из-за деревьев показался мотоцикл. В коляске сидел толстый немец с автоматом. Увидев женщину на дороге, он резким движением передёрнул затвор и направил автомат на Дарью. Мотоцикл остановился в нескольких шагах от телеги. Немцы осторожно подошли к Дарье. Тот, что сидел за рулём, обошёл телегу, прошарил солому. Проверил бидоны с молоком. Автоматчик всё это время держал на прицеле женщину.

– Partisan? – спросил тот, что обшаривал телегу.

– Какой партизан?! Я молоко в госпиталь везу. Млеко! Вашим же раненым. – Дарья показала на бидоны, как будто это было непонятно.

– Partisan! – утвердительно кивнул немец и показал на просыпавшуюся солому и на лес. – Раf, раf! – Он приставил вытянутый палец к голове Дарьи.

– Да какой партизан? Конь споткнулся, чуть бидоны не уронил. Я собирайт... – Дарья стала показывать то на коня, то на рассыпавшуюся солому, как она эту солому собирала, приговаривая: – Господи, спаси и сохрани, Матерь Божья!

Немцы загоготали, довольные произведённым эффектом.

– Schnell! schnell! – скомандовал тот, что держал наизготове автомат, показывая, чтобы Дарья садилась в телегу.

Дарья не торопясь угнездилась, как курица на насесте, взяла вожжи. Немцы развернули мотоцикл, уселись, по-прежнему держа оружие направленным на Дарью, скомандовали: «Voraus!» (вперёд). Дарья ударила коня вожжами по бокам, скомандовала надтреснутым голосом: «Но! Давай, милый, трогай!». Мотоциклисты поехали за ней следом.

Муся недалеко убежала и слышала всё, что происходило на дороге. Ей было страшно и жалко Дарью. Когда шум мотоцикла затих, она оторвала измученное тело от земли и побежала в глубину леса, прячась за деревьями, стараясь не дышать. Она помнила наказ – держаться всё время правее. Вскоре она услышала лай собак. Поняла, деревня, о которой ей говорила Дарья, где-то совсем близко. А значит, где-то рядом могут быть немцы. И тот ров, в котором непохороненными лежат расстрелянные люди. Муся остановилась перевести дух. Прислушалась. Совсем рядом услышала голоса, чужую незнакомую речь. Осторожно раздвинула ветки и увидела двоих немцев, справлявших естественную нужду в кустах. Омерзение почувствовала Муся к этим голозадым покорителям. Замерла на месте. Двигаться дальше было опасно. Значит, опять нужно дожидаться ночи... «Оля, Оля, сестричка, как мне

плохо...» – впервые за всё время вспомнила Муся о сестре, о доме. Тоска комом запеклась в горле. Слёзы кипятком жгли глаза.

...Ольга не спала с тех пор, как уехала Муся. Лежала в постели с открытыми глазами, уставившись в одну точку. Багровая, тревожная луна светила в открытое окно. В тусклых её лучах запуталась надоедливая муха, зудела, билась в потолок. Ольга нашла её глазами. «Дура муха, – подумала Ольга, – окно же открыто...». Сильный порыв ветра напугал куст ирги. Ветки хлестнули по распахнутым ставням. Тихо зазвенели стёкла. Ирга в страхе заметалась, расплёскивая руки-ветки в разные стороны, жалобно заскрипела.

Толик тревожно завозился, сбросил с себя одеяло. Ольга прижала его к себе, накрыла. Больше всех детей она сейчас жалела его. Маленький, ещё ничего не понимавший, только страдал оттого, что не видел матери, которую любил больше всего на свете. Каждый день спрашивал, где она, когда вернётся. В один день потерял и мать, и Юрку, который тоже уехал куда-то, и даже большая тётя Оля не могла ответить, когда же они снова соберутся все вместе.

«Где ты, Муся? Что с тобой? Помоги тебе Господи!» – молилась тихонько Оля.

За печкой заскрипела старенькая детская кроватка. Там сейчас спала Галочка.

– Мамочка, мне страшно! – прошептала она сквозь сон.

– Ч-ш-ш, я здесь, я здесь, – приподнявшись над подушкой, также шёпотом ответила Ольга.

– Тётя Оль, ты не спишь? – в проёме комнатной двери нарисовался силуэт Люськи. Она стояла в длинной белой рубаше, как ночное привидение, держа охапку постельного белья. – Можно я с вами здесь лягу, на полу. Правда, страшно как-то...

– Это от духоты, – ответила Ольга, – ложись рядом. Места хватит.

Люська прижалась к Ольге.

– Как думаешь, тётя Оль, мы скоро победим этих фашистов проклятых?

– Конечно скоро! Ты спи... Муся вернётся с Лялькой. Юрка наш вернётся. Мы снова будем все вместе. И не будет никаких фашистов, никакой войны. И снова будет всё как обычно. Ты учиться будешь. Потом замуж тебя отдадим. За хорошего парня. Платье тебе сошьём самое красивое, какого ещё ни у кого не было. Деток нарожаешь нам с Мусей. Ты спи, Люсь, спи, всё будет как раньше, – как колыбельную, нараспев шептала Ольга, понимая, что никогда уже не будет как раньше. И горячая слеза катилась по виску, по волосам и тонула в теле подушки.

...Молочник привёз весточку от Юрки. Виделись на станции перед отправкой на фронт. Воевать будет на 1-м Белорусском. Значит, на родной земле, недалеко, значит. Может, и вправду скоро всё закончится...

Так Ольга в тяжёлых мыслях пролежала до рассвета. Надо к председателю зайти, работу какую-нибудь попросить. Жить-то как-то надо. Говорят, он просится на фронт. Бронь у него. А как коммунисту под немцем оставаться? Того и гляди не сегодня завтра тут будут. Вон, кажется, раскаты уже слышны. Может, гром это? – успокаивала себя Ольга.

Утром, оставив Галочку и Толика на Люську, Ольга пошла на местечко. Тут уже толпился народ. Делились, как обычно, новостями. Только теперь никто не собирался у коновязи, как было это ещё совсем недавно, а перебрасывались новостями на ходу, тревожно, бабы крестились. Мимо проехала колонна гружёных машин. Вывозили из колхозов всё, что можно было.

Народ отдавал последнее для фронта. Везли сено, лошадей, коров и свиней. Люди на местечке молча провожали взглядом эту колонну. Понимали: так надо. А как жить самим – никто сейчас не думал.

Ольга заторопилась в сельсовет. Здание сельсовета стояло недалеко, на другой улице, возле почты. Парадная дверь была заперта изнутри. На заднем дворе сутились какие-то люди, вытаскивали коробки с документами, спешно грузили на подводы. Здесь же бегал председатель, отдавал распоряжения и гражданским, и военным, грузившим документы, то и дело поторапливал и тех, и других.

Завидев Ольгу, остановился, снял просоленную потом кепку, вытер ею лицо. Тяжело посмотрел в глаза Ольге.

– Отбываю я, Ольга Батьковна. Вишь, торопимся. Немец прёт. Задержать надо. Не то завтра тут будет... Вы уж держитесь, бабоньки. На вас теперь вся надежда. Заместо себя оставляю Степаниду-учётчицу. Она баба крепкая, головастая. Даст Бог скоро разберёмся с этим фашистом, вернёмся, вот и отблагодарим вас тогда, бабоньки. А пока берегите себя и детишек. Прощай, Олька!

Председатель прыгнул в последнюю подводу, закрыл кепкой лицо, и только видно было, как затряслись его плечи в судорожных рыданиях. Бабы остались стоять у сельсовета. Стояли так, пока пыль не осела на дорогу и пока из виду не скрылась последняя подвода.

А уже среди ночи деревня содрогнулась от глухих раскатов грома. Да не гром это был...

Едва сообразив, что происходит, Ольга подхватила на руки сонного Толика, растормошила Галочку. Люся, на ходу хватая какие-то вещички, бросилась за Ольгой в сени, потом во двор. Они бежали в колхозный сад, пригибаясь ближе к земле. Сквозь ветви деревьев, сквозь кусты мелькали чьи-то тени. Люди бежали от страха куда глаза глядят. Им казалось, что густой яблоневого сада – самое надёжное укрытие. Падали в траву, закрывая голову руками. Ещё не успевшие налиться соком яблоки гулко бухали в тишине на землю.

Толик спросонья не понимал, что происходит. Тёткины руки больно прижимали его к себе, голова, казалось, на бегу оторвётся. Но он молчал. Галочка то и дело спотыкалась, падала. Глаза, ещё не привыкшие к темноте, от страха слезились. Люська подталкивала её, хватала за руку, тащила за собой. Ольга добежала почти до края деревни. Задохнулась от тяжести, упала в канаву передохнуть. Дети, тяжело дыша, прижались к ней. Где-то рядом хрустнула ветка, потом другая.

– Оля, это ты? – шёпотом позвал кто-то.

Ольга не сразу узнала голос соседки Либихи, что работала с Мусей на кухне.

– Я, – также шёпотом отозвалась.

– Где-то Курдовы должны быть недалеко, Целики, ещё кто-то бежал. Не видела? – не унималась Либиха.

– Мне бы своих не потерять, – уже зло в тишине раздался голос Ольги.

– Что это, Олька? Как думаешь? – спросила Либиха.

– Не знаю. Но ждать добра неоткуда...

– Бабоньки, это я – Курдиха. Мы тут все. Рядом.

– Нет, не надо рядом. Найдут – всем несдобровать! – Ольга подхватила детей и сквозь темноту осторожно стала пробираться дальше.

Предутренний туман окутывал прохладой. Становилось зябко. Дети жались к Ольге. Люська накрыла Толика и Галочку Юркиным пиджаком,

сорванным с крючка на бегу. Пиджак был большой, детские спинки спрятались под ним, как птенцы под крылом. Натянула на худенькие плечи заношенную кофточку, в которой ходила по двору. На Ольгу накинула старый Марусин платок.

Откуда-то издалека, сквозь рёв моторов, крики слышался лай деревенских собак. Одиночные выстрелы – и лай прекратился. Так длилось часа два. Потом всё стихло.

– Тётъ Оль, что делать-то будем? Это же немцы.. – с надеждой услышать что-то обнадеживающее, заглядывая Ольге в глаза, спросила Люська.

Теперь вся их жизнь зависела от этой умной, рассудительной женщины.

Ольга молчала. Она не знала, что сказать детям. Она не знала, что будет делать уже сегодня..

Солнце поднималось всё выше. Земля согревалась, парила. Становилось жарко.

– Я оладушек хочу, – тихонечко попросил Толик.

– Нет, милый, оладушек. Попей водички. – Ольга подняла с земли яблоневый листочек. В нём, как в лодочке, собралась утренняя роса.

Деревня не спала.. Всю ночь гремела немецкая музыка, пьяные браурные песни заглушали надрывные звуки патефона. Визжали свиньи, ревели коровы. Небо полыхало мириадами оторвавшихся от пожарищ искр. Запах жареного мяса долетал до сада. Немцы пировали..

Скотину было жалко, разорённые дома – жалко до слёз. Чувство ненависти с ощущением опустошённости глубоко поселилось в каждом из тех, кто в одночасье был лишён крова и сейчас вынужден прятаться в саду, под теми яблонями, что когда-то сажал своими руками..

Савельич, живший на соседней улице, одинокий человек, первым решил сходить в родную деревню в разведку. Не век же тут сидеть. Из сада выходил со стороны колхозного клуба, что стоял на противоположном краю деревни. Нельзя было обнаруживать места схрона прятавшихся баб с детишками.

Вышел осторожно, озираясь по сторонам. Окрик немецкого часового остановил его. Наглый немец, нацелив автомат на Савельича, не стал подходить близко: «Partisan?» Савельич предусмотрительно поднял руки.

– Да какой партизан! Я туташний. Живу здесь. Вон мой дом, – показал на хату в ряду крепких крестьянских домов.

Немец подошёл ближе. Жестом показал – вывернуть карманы. Савельич понял, вывернул – из кармана высыпалась махорка. «Эх..» – с сожалением вздохнул Савельич. Немец довольно заржал. Савельич снова показал на свою хату:

– Господин немец, домой-то можно?

Немец подумал, поддёрнув автомат, скомандовал идти вперёд. Повёл под прицелом к хате. По родной улице, где ещё недавно детвора гоняла мяч, растаптывая подсохшие на солнце коровьи лепёшки, сейчас по-хозяйски расхаживали немцы, во дворах стояли полевые кухни – варилась еда. Всюду царил хаос и разорение. Звучала чужая речь.

Горечь комом подступила к горлу, в носу защекоталось. Хотелось заорать, чтобы выплеснуть из себя боль.

Он не узнал родной двор. Ворота разбиты, перекошены. И без того хилый заборчик палисада был раздавлен колёсами и втоптан в землю, перемешан с набравшими силу к цветению кустами сирени под окном. Всюду валялись разбитые банки, в которых хранились прошлогодние засолы, пахло солёными огурцами и укропом. Дверь дома распахнута. На крыльце валял-

ся разбитый венский стул, некогда сделанный мастеровитыми руками отца Савельича. Посреди двора стояла лавка, на ней пара наполненных вёдер. Двое здоровенных немцев, полуголых, весело плескали друг на друга холодной водой и гоготали. В огород Савельича залетела напуганная гамом соседская курица. Толстый интендант кинулся за ней. Пытаясь ухватить курицу за хвост, растянулся на гряде с картофельной ботвой. Стоявшие в соседнем дворе и наблюдавшие за представлением немцы захлопали в ладоши, загоготали, подбадривая неудачника Ганса.

Конвоирующий Савельича немец первым вошёл в его дом. Пошарил в кладовой, снял с гвоздя старый тулуп, ногой перевернул пустой бидон, в котором раньше хранился мёд, сбросил с полки гладыши. Гладыши, не одно поколение хранившие в себе молоко, вскормившее и самого Савельича, и детей его, разбились, усыпав пол глиняными черепками. Вошёл в горницу. Собрал со стола недоеденные сало и хлеб, оставленные товарищами, заглянул в печь и, не найдя больше ничего полезного, вышел из дома, на всякий случай пригрозив Савельичу автоматом.

Савельич поднял с пола опрокинутый табурет, сел. Бессильные руки повисли плетью. Голова кружилась. Он не понимал, что делать сейчас и как жить дальше.

Интендант Ганс поймал-таки курицу, отрубил ей голову. Обезглавленное тело птицы ещё некоторое время вертелось по земле, орошая землю кровью...

...Муся дождалась, когда немцы уйдут. Она уже научилась ориентироваться. Несложная наука – идти туда, откуда доносились звуки проезжавших машин. Уж если машины куда-то едут, значит, там должна быть дорога либо станция. Значит, ей туда.

Пробираясь лесом, всё время забирала вправо, как наказывала Дарья. Ни названий населённых пунктов по пути, ни станций не знала – ни указателей, ни добрых людей, кто бы подсказал, не встретилось. И слава Богу. Шла наугад. Вскоре услышала паровозное пыхтение.

Сквозь ветви деревьев долго наблюдала за происходящим. На путях стояло несколько составов. Немцы сустились, разгружая что-то из одних вагонов, загружая в другие. Работа кипела. И, судя по всему, очень спешили. Раскочегаренные паровозы, готовые к отправке, нервно и натужно гудели.

Подобраться к ним она не сможет – это было понятно. По всему перрону стояли вооружённые солдаты. Густой чёрный дым, поднимаясь из трубы, под собственной тяжестью опадал, зловеще расплзался по насыпи, окутывал завесой непроницаемости всё вокруг. Судя по тому, куда были направлены морды паровозов – накрытая брезентовыми чехлами военная техника, выставив перед собой как защиту орудийные дула, направлялась в глубину страны, другие составы – в обратном направлении, к границе, – она поняла, что не ошиблась в направлении.

У первого состава стоял обоз из нескольких телег, гружённых провиантом: мешки с мукой, какие-то ящики, бидоны, явно не пустые... Где-то «под ложечкой» засосало. Она не ела уже несколько дней, поддерживая себя лесными ягодами и шишками. Голова от слабости кружилась. «Что вы сдохли!» – подумала, догадавшись, кому и куда направляется награбленное добро. Нет, не сдохнут – от голода точно не сдохнут эти нелюди. Она вспомнила сейчас о сожжённых детях в Вишенках, о которых рассказывал дед. И опять подступил ком к горлу, больно ёкнуло сердце: «Как там моя Лялька? Жива ли?». Муся поднялась с земли и, не разгибая спины, побежала.

Сколько можно сидеть в саду? Всю войну не пересидишь... Люди потихоньку стали выбираться в деревню.

Маленький Толик беззвучно плакал. Ольга всё крепче прижимала его к себе. Галочка, больно вцепившись в Люсину руку, в страхе жалась к ней. Уже никто не просил есть. «Надо возвращаться домой, – подумала Ольга, – Царица Небесная, спаси и сохрани...». Оставив детей под раскидистой старой яблоней, выглянула из своего укрытия. Увидела, как с разных сторон сада один за другим выходили соседи и осторожно крались к своим домам. Выстрелов из деревни слышно не было. Немцы, похоже, ожидали такого исхода. Растоптав Европу своими коваными сапожищами, они и Страну Советов считали уже растоптанной. Потому встречали людей надменно и с гоготом.

Ольга сняла со своей головы платок и туго повязала его на Люську, спрятав под платком косы и пол-лица. «Так надёжнее», – сказала она, взяла Толика на руки, подтолкнув Галочку впереди себя, оглянулась на Люську, и они пошли сквозь сад в сторону своего дома.

Ещё издали увидели дым от костра во дворе. Над костром висел большой котёл. В нём что-то варилось. Немец-солдат, в повязанном белом переднике, стоял над ним с большим черпаком и помешивал. По двору летали куриные перья. Двери в сарай были разбиты и висели на одной петле. Увидев Ольгу, немец закричал: «Тётка, яйцо, млеко!» «Ага, сейчас...» – зло ответила.

Она пропустила детей вперёд на крыльцо. На пороге выросла фигура здорового немца. Он стал что-то кричать, размахивать руками, показывая на сарай. Стал выталкивать детей и Ольгу. «Дай вещи-то взять, ирод!» – разозлилась женщина. Она оттолкнула немца и вошла в горницу. Всё в доме было разбросано, одежда из шкафа валялась на полу, постели перевернуты. Ольга содрала с большого стола скатерть, собрала с полу детскую одежду, кое-что из посуды сложила в скатерть, туго завязала. Немец всё это время следил за ней и что-то комментировал. Ольга подхватила узел, на ходу снимая с вешалки оставшуюся верхнюю одежду, подобрала обувь и вышла из дома. Дети в страхе, как цыплята к курице, жалась к Люське. Через двор они прошли к сараю. Немцы показывали на них пальцами, скалились, что-то бурно обсуждали.

Ольга положила узел на сено. Усадила детей.

– Ну вот... здесь мы будем теперь жить. Люсь, давай обулаивать-ся, – опустошённо проговорила Ольга. – Постарайся никуда без надобности не выходить, – попросила она Люсю.

Немец-повар, с лоснящейся, жирной, как блин, мордой, помахивая черпаком, подошёл к двери сарая, опёрся на широко расставленные толстые ножки, покачиваясь из стороны в сторону, нагло уставился на женщин. Ольга встала, сильными руками подхватила дверь, приподняла и повесила её на петли. Дверь со скрипом закрылась, оставив за собой прошлое...

...Муся опять бежала. Сколько километров позади – уже не помнила. День, ночь, снова день, снова ночь. Подол платья истрепался, нательная рубашка пропиталась то ли потом, то ли росой, расплзлась, тёплый платок, что тогда в лесу дал ей мальчишка, уже не спасал. Она ложилась на землю, чтобы передохнуть, укрывалась лапником, потом снова вставала и снова шла, бежала. Она всё время старалась не терять железную дорогу из виду. Слышно было, как мимо пролетали поезда. Она знала уже, что они везут...

Только не знала, что происходило у неё дома, в родной деревне. Не было ни радио, ни осведомлённых соседок, кто мог бы ей рассказать, что творится на родной земле. Всё чаще, пробираясь сквозь лесные дебри, она видела издалека догоравшие деревни, в которые страшно было заходить, слышала крики чужеземцев, лай собак и плач детей.

Отдыхать она могла только днём. Ночь для Муси была пособницей. Ночи немцы боялись. В лес не заходили.

Именно ночью она и услышала страшный грохот, будто что-то рвалось невдалеке. Зарево пожараща осветило лес как днём. Муся припала к земле, пытаясь сквозь невысокие заросли рассмотреть, что происходит.

Невдалеке, метрах в пятистах, находилась небольшая узловая станция. Чёрное, зловещее пламя поднималось в самое небо, горела земля. Надсадно хрипели прикованные собственной тяжестью к рельсам паровозы. Огромные, раскалённые докрасна цистерны, объятые пламенем, гудели, выплёвывая из разинутого жерла горящее топливо. Взлетали в воздух, не успев оторваться друг от друга, разрывались в клочья, валились с грохотом и лязгом наземь, давя под собою всё живое. Повсюду стоял истошный крик. Из пламени выскочили горящие люди. Их никто не спасал, до них никому не было дела. Они падали тут же, корчась от нестерпимой боли. Какой-то офицер, истерично крича: «Партизанен! Партизанен!», пытался командовать. Его никто не слышал. Беспорядочная стрельба со всех сторон дополняла эту какофонию.

Вдруг Муся услышала, а может, ей показалось, что из леса раздалась пулёмётная очередь. Увидела, как чьи-то тени перебежали от дерева к дереву, всё приближаясь и приближаясь к станции. «Неужели и вправду партизаны?!» – с неподдельной радостью подумала Муся. И едва она поняла, что это её спасение, как кто-то, тяжело дыша за спиной, дёрнул за плечо: «Ты кто? Ты из деревни, тётка?». Всё произошло так быстро, что Муся не успела ни испугаться, ни обрадоваться.

– Я своя, родненький! Я своя!

– Не лезь под пули, «своя»! – на ходу обронил человек и скрылся в лесу.

Она бросилась за этим человеком. Господи, неужели встретила тех, кого искала?!

Стрельба вскоре прекратилась. В отблесках пламени, которое пожирало само себя, Муся увидела, как несколько партизан – а это были они – бежали от станции к лесу. Двое из них толкали в спину немца-офицера, того, который пытался в этом хаосе ещё и командовать. Руки его были связаны за спиной, а изо рта торчала тряпка. Немец спотыкался, падал, ему помогали встать и снова гнали к лесу. Он не сопротивлялся. Только испуганно озирался по сторонам и что-то всё время мычал.

Муся осторожно вышла из-за деревьев. Её увидели.

– Тётка, есть чем перевязать? – на земле лежал парень, телогрейка на нём была распахнута, нательная рубаха пропитана кровью.

Она сорвала с головы платок, бросилась к парню, заткнула кровоточащую рану. Парень стонал. Кто-то быстро растянул плащ-палатку на земле, крепкие руки подняли парня, осторожно уложили на брезент, подхватили и понесли в глубь леса.

– Ты с нами? – спросил человек, который наткнулся на неё.

Муся не раздумывая кивнула и пошла за носилками. Уходили быстро, пока немцы не опомнились.

Когда дошли до партизанского лагеря, солнце уже стояло высоко. Навстречу выбежали ещё люди, перехватили носилки с умирающим парнем

и понесли к землянке. Рядом с землянкой курил высокий худой врач. Застыренный халат его хранил на себе рыжие разводы от следов крови. Рука, державшая папиросу, слегка подрагивала. Лицо было бледным, уставшим, вместо глаз – тёмные круги, как провалы, и нездоровый, колючий блеск в них.

– Зина, помоги! – крикнул он, заглядывая в землянку, быстро отбросил недокуренную папиросу, на ходу натянул на лицо марлевую повязку, болтавшуюся на одном ухе. – На стол его, быстро! – скомандовал.

Вокруг землянки на воткнутых в землю палках были растянуты верёвки, на них сушились бинты. Молоденькая девушка Зина сорвала их и бросилась обратно в землянку.

За спиной у Муси возникла фигура сурового на вид мужчины:

– Пошли за мной, – позвал.

Они подошли к костру, вокруг сидели люди, одни рассказывали о проведённой операции, другие внимательно слушали. В котле варилась еда. У Муси на секунду потемнело в глазах.

– Ты голодная? – спросил большой серьёзный человек, сидевший в центре, внимательно слушавший вернувшихся из боя партизан.

– Да, – тихо прошептала Муся.

Тут же чья-то большая рука протянула ей миску с дымящейся кашей. Муся устало опустилась на землю и стала медленно есть.

Она подняла глаза, когда ложка с противным скрежетом царапнула дно пустой миски. Люди у костра сидели молча, смотрели на неё.

– Ну, а теперь рассказывай, кто ты и откуда, – спросил всё тот же большой серьёзный человек.

То ли от горячей каши, то ли от человеческого участия, то ли от того и другого вместе Мусины глаза наполнились слезами, и, глотая их, она стала рассказывать, какая беда её привела сюда и гонит всё дальше и дальше. Её никто не перебивал. Мужики слушали и курили.

– Ну, вот что, – когда Муся закончила, сказал большой серьёзный человек, – спешить тебе надо, это правда. Но сначала надо отдохнуть. Михайло, займись!

Михаил повёл Мусю через весь лагерь.

Лагерь был большой. Кругом были люди. Все заняты делом. Кто-то чистил оружие, кто-то пилил дрова. Вернувшиеся с задания отдыхали чуть поодаль, прямо на земле под соснами, расстелив ватники, а то прямо так – на заранее кем-то собранном лапнике, под колыбельный шёпот вековых сосен.

На окраине лагеря две женщины стирали. Вокруг их землянки на натянутых верёвках сушилась одежда – брюки, рубахи, портянки. К ним и привёл Михаил Мусю.

– Ей помыться надо, переодеться. Есть во что? – спросил он.

– Да найдём, конечно! – ответила одна из них, старшая, как поняла Муся.

Её отвели в сторону, дали большое цинковое корыто – в таких обычно купали младенцев, – дали тёплой воды, щелочи, вместо полотенца большую простыню. Муся огляделась, сняла с себя обноски, осталась в одной исподней рубахе, попыталась расплести тугую косу. Вспомнила с сожалением, что всё это время не чесала свои волосы. Местами они сбились в тугие колтуны – пальцами стала разрывать их. Опустив голову в тёплую воду, вспомнила, как вот так же в детстве её мыла в корыте мать, тёплой водой обмывала худенькие плечи, нежно гладила по волосам, и они обе смеялись, звенели как струночки от счастья. Ей показалось, что руки матери сейчас коснулись её

головой, и стало невыносимо тоскливо и горько от сиротства, от безысходности, от одиночества. Она плескала на лицо, на грудь тёплую воду и плакала. Оттого, что никогда уже не будет мамы рядом, никогда никто не погладит её по голове, никто уже не спросит: ела ли ты сегодня, Муся. Оттого, что уже никогда и ничего не будет как прежде.

Старшая женщина принесла одежду.

– Ты уж извиняй, нету у нас твоего размерчика – не в магазине. Вот, что наша. – И она протянула широченную юбку, рубаху, платок и кусок верёвки. – Зато всё чистое, не с покойницы, – убедительно добавила.

Муся была благодарна. Она подхватила юбку верёвкой, повязала поверх мокрых волос платок и так предстала перед женщинами. Старшая спустилась в землянку, вынесла сапоги.

– И обувки твоего размерчика нету, я ж сказала, но и не босая всё ж. – Старшая бросила сапоги к ногам Муси.

– Спасибо вам, добрые люди! Спасибо, – проговорила Муся, и улыбка впервые за всё это бесконечно долгое время осветила её лицо. – Идти мне надо. Спешить.

– Знаем, знаем, куда спешишь, девка. Бог тебе в дорогу! – сочувственно проговорили женщины. – Тока к командиру нашему подойди. Подскажет что...

Муся без труда нашла то место, где у костра она встретилась с командиром. Из ближайшей землянки доносились голоса. Часовой остановил её:

– Занят командир. Немца допрашивают. Жди!

Солнце уже пряталось за верхушки сосен. Темнота быстро опускалась на лес. Самое время Мусе идти дальше. Да уйти, не попрощавшись, она уже не могла. За доброту, за заботу должна была поблагодарить этих суровых людей.

Командир вышел, когда было уже совсем темно. И только отблески костра освещали лица людей и всё вокруг.

Из землянки вывели немца с завязанными за спиной руками. Только тряпки во рту уже не было. Немец плакал. Слёзы и сопли безудержно стекали по лицу. Он что-то лепетал на своём языке. Просил. Парень, что шёл за ним, тыкал винтовкой в спину и приговаривал:

– Иди давай, фашистская сволочь!

Увели его куда-то в темноту. Оттуда прозвучал одиночный выстрел, и всё стихло.

– Собаке – собачья смерть, – проговорил кто-то.

Командир подошёл к костру.

– Ты садись, тётка. Как зовут-то тебя? – спросил.

– Мария, – ответила Муся.

– Вот что, Мария, – твёрдо нажимая на имя, заговорил командир, – идти тебе недалеко, но долго.

Так уже однажды говорил ей дед, который отправлял Мусю в дорогу с племянником.

– Тут до Минска километров сто пятьдесят будет, а идти тебе дня три. Сейчас тебя проведут. Покажут дорогу. А дальше – сама. Будь осторожна. Немцы лютуют. Стирают всё на своём пути. Поймают – не пощадят. Как партизанку повесят и спрашивать не будут. – Он повернулся, окликнул кого-то.

Подошёл к ним молодой, невысокого роста мужик.

– Это проводник твой, – сказал командир. – Он покажет тебе дорогу. Ну, давай, Мария, удачи тебе, если можно так сказать!

Командир положил свою большую сильную руку на плечо Муси. Минуту постоял и пошagal куда-то по своим делам.

Проводник сунул Мусе в руку узелок с едой. Из узелка торчало горлышко бутылки с водой. Зашагал вперёд, Муся за ним. Люди молча провожали их.

Вышли из лагеря – густая темень, как влажный платок, прилипла к телу, к глазам. Опять стало страшно. Глаза, не привыкшие ещё к темноте, едва различали фигуру проводника. Он передвигался быстро и бесшумно. Не оглядывался. Муся старалась поспевать за ним. Вдруг он резко остановился, снял фуражку, постоял минуту и, ничего не сказав, скользнул дальше в лес. Муся с трудом разглядела недалеко холмик. «Свежая могилка», – догадалась она. Тот раненый парень вспомнился. Значит, не выжил...

Шли долго, молча. Вдалеке послышались гудки паровоза. Проводник остановился, перевёл дыхание:

– Ну, вот и пришли. Дальше сама. Иди строго по солнцу. Эта дорога, – он показал в сторону железной дороги, – как раз и приведёт тебя туда, куда надо. Прощай...

Проводник был молодой. Старался казаться взрослым и строгим. Он в последний раз посмотрел в лицо Муси и скользнул обратно в лес.

Опять одна. Опять страшно. Муся прислушалась к лесу. Он тревожно что-то нащёптывал... Она пошла туда, куда указал молодой серьёзный проводник.

...Детский санаторий спал. Здесь, в густом лесу, в тишине, в пряном воздухе спалось особенно хорошо и спокойно. В раскрытые окна прокрадывался тёплый, лесной, напоённый хвоей и птичьим пением, осторожный ветерок. Укутывал как одеялом разомлевшие ото сна детские тела. Теплом и свежестью обнимал, оберегая чуткий утренний сон. Снились дом, речка, подружки, с которыми играли в тряпичные куклы, шитые руками матерей. Кто-то во сне разговаривал. Кто-то смеялся...

На столе в ординаторской остались немывтыми чашечки после обязательного вечернего чая, оставленные утомлёнными за день хлопотуньями воспитательницами. Это традиционное вечернее чаепитие со сладеньким перед сном было заведено ещё со времён открытия санатория, когда у воспитательниц и старой нянечки появлялось свободное от забот и обязанностей время, и они могли посплетничать, поболтать ни о чём. За полночь неспешно расходились по своим комнатам, не запирая дверей, чтобы в случае чего слышать, всё ли в порядке за этими самыми дверями, а утром снова окунуться в привычную суету полными сил и терпения...

...Неясный рокот, не похожий ни на какой другой звук, нарастал. Воздух уплотнялся, густел. Что-то невыразимо тревожное разбудило сосны. Они, как огромные маятники, раскачивались из стороны в сторону. Зародившийся между стволами вихрь метался от сосны к сосне, разбрасывая огромные колючие лапы, пытался найти выход, бился о волну собственного отражения, набирал силу, угрожающе скрипел стволами, пугающе гудел оркестром низких звуков...

...Тихоновна, старая нянечка, давно работала здесь, здесь же и состарилась. Скольких детишек она поставила на ноги! Всех помнила. Всех любила. Своих детей у неё не было. Так сложилось. Но Тихоновна не страдала на этот счёт. Всю свою жизнь она помогала чужим деткам. И тем была счастлива.

Ночь была душная. Ветерок, ненароком залетавший в распахнутое окно, не спасал. Ей не спалось. «Возраст...» – с тоской подумала Тихоновна. Прочла в спальню девочек. Подошла к кровати Ляльки. «Опять ночью кашляла. Нужно сказать Якову Моисеичу. Что-то трудно девочка идёт на поправ-

ку...» – подумала. Лялька спала, свернувшись клубочком, как привыкла спать с матерью. Сползшее одеяло оголило худенькие плечи девочки. Тихоновна поправила одеяло, погладила спящую Ляльку по голове. Она полюбила эту девочку какой-то особенной любовью. Может быть, именно Лялька разбудила в старой нянечке так давно спавшее материнское чувство. «Если бы у меня была дочка, она была бы похожа на Ляльку», – улыбнулась Тихоновна. Вернулась в свою комнату, прилегла, попыталась уснуть. Скоро утро. Хлопотный день впереди.

Рёв двигателей бронетранспортёров, треск мотоциклов разорвали тишину.

Тихоновна первая услышала далёкий непонятный шум, подскочила и, как была в ночной рубашке, выскочила на крыльцо.

Рокот двигателей был уже совсем близко. В коридорах забежали, засуетились воспитатели.

– Звони в город! – крикнула Тихоновна выбежавшей за ней медсестре Клавдии.

Та бросилась к телефону:

– Аллё, аллё! Город? Город, ответьте! – она колотила пальцем по рычагу. – Аллё, город! – в трубке раздавался треск. – Связи нет, Тихоновна! – крикнула Клавдия.

По коридору спешил к выходу главный врач санатория Яков Моисеевич, старый мудрый детский врач. Всегда подтянутый, в накрахмаленном до хруста белом халате, неизменно со стетоскопом на шее, он и сейчас выглядел собранным. Только беспокойные глаза выдавали смятение.

– Быстро войдите внутрь, – приказал он воспитателям, – будите детей. Одевайте! – Он вышел на крыльцо, плотно затворив за собою дверь.

Словно щит встал перед непрощеными гостями. Он всё понял сразу. Накануне, на совещании в городе, говорили о напряжённой ситуации на границе. Но несколько дней назад это была ещё закрытая информация. А сегодня уже поздно...

Немецкий офицер легко выпрыгнул из люльки мотоцикла, поправил чёрные лайковые перчатки, одёрнул китель, тростью с костяным набалдашником постучал по голенищам лакированных сапог, стряхивая с них прилипшую хвою и песок. По-хозяйски неспешно направился к доктору. За его спиной несколько броневиков, давя толстыми колёсами аллею из молодых клёнов у главных ворот санатория, выплюнули из своих жерл грязную копоть, закрыв чёрным дымом небо, не глуша моторы, притормозили, готовые рвануть вперёд, давя и круша всё под собой. Автоматчики, соскакивая с броневиков, рассыпались по двору, окружая здание со всех сторон.

Офицер подошёл к Якову Моисеевичу.

– Jude? – внимательно оглядев доктора, спросил немец.

– Я врач, – ответил доктор. – Детский врач!

– Jude! – цинично и нагло усмехнулся немец.

Он ступил на крыльцо, тростью отодвинул доктора от двери, вошёл. В коридоре никого не было.

Дети, разбуженные воспитателями, наскоро одетые, сидели в большом актовом зале, где ещё недавно проводили конкурсы и олимпиады, о которых Лялька писала в своих письмах. В глазах детей был ужас.

Немец-офицер прошёлся по коридорам, заглянул в актовый зал. Осмотрел детей.

– Gut. Gut! – похлопывая тростью по голенищам сапог, довольно произнёс немец.

Яков Моисеевич следовал за ним, не отставая ни на шаг. Он следил за реакцией немца.

– Это больные дети. Им требуются лечение и хорошее питание, – пытался предупредить немецкого офицера доктор.

– Больные дети? – с явным акцентом вдруг по-русски заговорил немец, – Им незачем жить в таком случае! Германии не нужны больные рабы! – как приговор произнёс немец, – Они должны служить Великой Германии! У нас много раненых немецких солдат...

Яков Моисеевич остановился как вкопанный.

– Вы верите в Бога, господин офицер? – справившись с оцепенением, спросил доктор.

Немец повернул к нему своё холёное лицо и засмеялся, довольный собой:

– Бог создал великую арийскую расу! А значит, вы, плебеи, обязаны поклоняться выбору Бога! Эти дети будут донорами для раненых солдат Вермахта! – через минуту сказал как отрезал немец.

– Они больны, а солдатам Вермахта нужны здоровые доноры, – наивно пытаясь что-то изменить, настаивал доктор.

Испарина выступила у него на лбу. Он то и дело вытирал её марлевым платком, всегда лежавшим в кармане его халата. Другой рукой нервно теревил стетоскоп.

От наблюдательного немца не ускользнуло напряжение доктора.

– А почему вы не спрашиваете, откуда я знаю русский? – неожиданно сменив тему, задал вопрос и хитро улыбнулся немец.

– Да, откуда вы знаете русский? – спохватился Яков Моисеевич.

– В своё время я закончил ваш танковый центр «Кама» в Казани. Как же мне пригодилась ваша наука! – с явным издевательством и насмешкой проговорил немец.

Конечно, Яков Моисеевич, как военнообязанный, знал о такой программе обмена опытом и в своё время неоднозначно оценивал её. «Вот она, недалёковидная политика военачальников», – подумал сейчас с горечью доктор. И горечь его была вполне понятна.

– Что же вам сделали русские дети, чем они провинились перед великой арийской расой? – не мог успокоиться доктор.

– Вы мне надоело! Я не намерен продолжать разговор, – зло бросил офицер, резко развернулся на каблуках и, чеканя шаг, вышел из корпуса. – Они кровью будут отрабатывать свой хлеб. Кро-вью... – бросил на ходу.

Он отдал какие-то распоряжения своим подчинённым, и те, как дрессированные псы, бросились их исполнять.

Детей вместе с воспитателями и медперсоналом выгнали во двор санатория. Было раннее утро и ещё достаточно свежо. Дети жались друг к другу и, казалось, боялись моргать...

Фельдфебель, обследовав здание, дал распоряжение солдатам загонять детей в подвал. Под дулами автоматов малыши вереницей потянулись к дверям. Девочки-медсёстры в ужасе переглядывались, пытались их успокоить, из последних сил соблюдая внешнее спокойствие. Доктор, всё это время находившийся здесь же, пытался остановить безобразия. Он решительно подошёл к офицеру:

– Господин офицер, в подвале холодно и сыро. Дети простужены. Многие из них не смогут долго прожить в таких условиях. Вы должны понимать – это дети! Им необходимы тепло и медицинский уход!

Офицер, по привычке постукивая тростью по голенищам, в упор смотрел на доктора.

– Наивный вы человек... Значит, им незачем жить, – повторил немец. – На все воля Божья! Так, кажется, у вас говорят?

Когда спина последнего ребёнка скрылась за дверями подвала, доктор последовал за ними. Он оттолкнул караульного и закрыл за собой дверь. В подвале было темно. Грязные стёкла маленьких окон цокольного этажа недостаточно пропускали свет. Ещё недавно никому и в голову не могло прийти, что совсем скоро эти окна станут единственной связью с миром для маленьких обитателей санатория.

Молчание длилось недолго. Глаза быстро привыкли к темноте. Доктор прошёл в противоположный угол подвала, где в стопку были свалены старые износившиеся матрасы и рваные одеяла, принялся их растаскивать. Ему стали помогать старшие дети. Матрасы расстилали на полу, сестрички рассаживали детей. В углу подвала стояли мешки с картошкой, морковью, валялась старая посуда. Доктор постоял над ними, о чём-то размышляя, и направился к выходу.

Во дворе санатория немцы установили полевую кухню. Что-то уже готовили. По двору распространялся запах горячей еды. Солдаты вытаскивали из столовой на улицу кухонные столы, готовились к обеду на свежем воздухе. Офицер сидел в тени раскидистого дуба в старом кожаном кресле, что ещё недавно стояло в кабинете доктора, аристократически откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу, наблюдал за происходящим. Доктор направился к нему.

– Детям нужна вода, – сказал он, – прикажите нам дать воды!

Офицер согласно кивнул, позвал к себе фельдфебеля. Указал на бочку, стоящую под козырьком крыши, на колодец во дворе. Фельдфебель щёлкнул каблуками, немедленно бросился выполнять. Солдаты подкатили бочку к колодцу, наполнили её водой, с трудом откатили к двери подвала.

Через несколько минут вышла Клавдия с кастрюлей, наполненной свежей морковью. Вымыв её, снова спустилась в подвал. Кто-то из немцев присвистнул, глядя на молодую хорошенькую медсестричку.

После сытного завтрака офицер приказал вывести всех детей на улицу. Воспитатели заволновались. Стали собирать детей, успокаивали, как могли.

– Нас не убьют? Мы не умрём?

Страшно было смотреть в детские глаза. Что им ответить?..

Доктор первым поспешил к двери. Офицер по-прежнему сидел в тени дерева в кресле. Всем распоряжался фельдфебель.

Немецкая пунктуальность требовала строгой отчётности... Детей выстроили во дворе. Доктору приказали сделать списки всего медицинского персонала санатория, а также детей, с указанием даты рождения и диагноза. Один из столов был освобождён от остатков утренней трапезы. За него уселся молодой немец-переводчик и со слов Якова Моисеевича стал записывать фамилии. Процедура переписи длилась достаточно долго. Солнце уже стояло высоко. Становилось жарко. Дети устали. Кто-то из малышей начал хныкать. Перед тем, как отправить детей обратно в подвал, доктор попросил разрешения отвести их в туалет. По очереди, по пять человек, в сопровождении воспитателя и конвоира с автоматом детей стали отводить к деревянному строению на заднем дворе санатория.

– Оттуда можно убежать! – по возвращении шепнул Тихоновне мальчик из старшей группы Ваня Смолевич.

– Даже не думай! – испугалась Тихоновна. – Поймают – пристрелят! – взмолилась она. Ваня только хмыкнул:

– Пусть вначале поймают...

...Летние ночи короткие. Розовый рассвет ещё несмело пробивался сквозь стволы деревьев. Густой утренний туман стал редеть. Тревожный лес оживал звуками. Где-то вдалеке в последний раз перед рассветом ухнула выпь. Чьи-то тяжёлые крылья разорвали тишину, едва не полоснув Мусю по голове. От неожиданности она только ниже пригнулась к земле. Перевела дыхание. Осмотрелась. Вон там, впереди, деревья стали реже, показались очертания станции.

На путях стояли гружёные составы, тщательно охраняемые автоматчиками с собаками. В голову пришла отчаянная мысль – пробраться в вагон, спрятаться и хотя бы часть предстоящего пути сократить, проехав в немецком вагоне. «Будь что будет», – подумала Муся и, пригнувшись низко к земле, перебежками стала пробираться к ближайшему составу. Собаки почуяли чужого ещё издалека. Рвались с поводков, хрипели, брызгали пеной. Казалось, ещё немного, и они набросятся на неё и разорвут в клочья. Так оно, наверное, и было бы, если бы не сильные руки охранников, из последних сил их сдерживающие.

Муся вжалась в землю и уже ползла, глотая пыль. Улучив удобный момент, когда охранники не могли её видеть, она бросилась под последний вагон. Запах смазанных дёгтем шпал на секунду, только на секунду напомнил ей беззаботное детство, когда они с отцом ездили на дизеле в район на аптекарскую базу и Муся жадно вдыхала вкусный запах вокзала, густой, терпкий запах железной дороги в предвкушении путешествия. Вот и сейчас ей предстояло интригующее путешествие в неизведанное, только путешествие это предполагалось опасным, и исход его был неизвестен никому. И так же кружилась голова, только уже от страха...

Тело сжалось как пружина. Лёжа под вагоном, она видела только ноги немцев. Два автоматчика обошли вагон с обеих сторон и остановились. По донёсшемуся запаху папиросного дыма Муся поняла, что у неё есть ещё пара минут, чтобы шмыгнуть в вагон и там спрятаться. Мгновение – пружина разжалась, и она скользнула под брюхом поезда в приоткрытые двери. Едва не свалив на себя железные ящики, плотными рядами стоявшие до потолка, она протиснулась в самый угол и укрылась брезентом, на её удачу, валявшимся здесь же. Сердце в груди билось тяжело и гулко.

На платформе послышались голоса, непрекращающийся надрывный лай собак, лязг металлических засовов. Кто-то, пробегая мимо её вагона, тяжело задвинул до упора дверь, захлопнул засов. Стало темно и душно. Паровоз надулся, издал предупреждающий длинный гудок и, медленно раскачиваясь на стыках, покатился, набирая ход. Муся прислушалась, нет ли ещё кого в вагоне, и осторожно выглянула из своего укрытия. Доползла до двери, прильнула щекой к дырке в обшивке, вдохнула воздуха, попыталась успокоиться. Она не знала, сколько времени поезд будет двигаться до следующей станции, но ей нужно быть готовой в любой момент незаметно выскользнуть из него и скрыться.

Но как выбраться из запертого на засов вагона, Муся пока не понимала. Руками она начала шарить по полу, пытаясь найти какой-нибудь предмет, похожий на острое лезвие либо на гвоздь. Передвигалась осторожно, боясь уронить на себя ящики. Спасительный гвоздь торчал из половицы. Вцепившись в него руками, она начала его раскачивать, пытаясь вытащить здоровенный проржавевший кусок металла из старого промасленного дерева. Это было непросто. «Тут нужна мужская сила», – подумала. Но кто ей сейчас может помочь? Только сама.

Она ухватилась за шляпку гвоздя и, срывая пальцы в кровь, потянула на себя. Медленно и неохотно гвоздь поддался и оказался у неё в руках. Поезд резко затормозил, Муся, потеряв равновесие, повалилась на спину, больно ударилась головой обо что-то железное. Потирая ушибленное место, поползла снова к двери. Гвоздём, нащупав расщелину между досками, стала расковыривать крепление засова с внутренней стороны. Колёса неумолимо отстукивали стремительно убегающее время. Муся плечом колотила в дверь, пытаясь расшатать крепкий засов.

У неё получилось. Дверь на быстром ходу состава распахнулась. Резкий приток воздуха с силой закрутил её в намерении вырвать из жерла вагона. Едва успев зацепиться за косяк распахнутой двери, она повалилась на пол. Ворвавшийся ветер стал раскачивать ящики. Опасность быть заваленной не оставила выбора. «Надо прыгать», – подумала Муся. Она зажмурила глаза и бросилась вниз под откос. Долго катилась, сдирая с себя одежду вместе с кожей. Боли не чувствовала. И только оказавшись в прохладной болотной жиже, ощутила жжение в ободранном теле.

Поезд исчезал вдалеке, гудя и фыркая в небо чёрным угольным дымом. Она поднялась. Ощупала руки, ноги. Слава Богу, целы. «Ссадины заживут», – с облегчением подумала. Встала, готовая идти дальше. Но острая боль в колене пронзила ногу. Муся повалилась на бок. Доползла до ближайшей молодой берёзы и с остервенением, как это делал проводник Пётр, начала её ломать. Опершись на палку, сделала несколько шагов. Огляделась. И всё более уверенно пошла туда, куда умчался поезд. Где-то должна быть деревня, где-то должны быть люди.

...Отпустили детей уже ближе к вечеру. Они устали, проголодались и хотели пить. Клавдия подошла к мешку с картошкой, набросала в большую кастрюлю, поднялась наверх.

Длинный, угловатый, как перочинный нож, немец-повар готовил ужин. Большая полевая кухня стояла посреди двора, из котла разносился аппетитный запах горячей еды.

Клавдия вымыла картошку в бочке, подошла к повару. Не спрашивая разрешения, поставила кастрюлю с картошкой на раскалённую плиту.

– Попробуй убери только! – зло предупредила немца.

– Гут, гут, фройляйн! – подняв руки, будто сдавался, ответил немец.

Все вокруг загоготали. Потом подошла к колодцу, набрала чистой воды, сняла ведро, поставила на плиту рядом с картошкой. За её действиями немцы наблюдали с нескрываемым любопытством. Но никто из них не посмел ей мешать.

Клавдия спустилась в подвал, вернулась с миской, наполненной морковью. Вымыла её, очистила, мелко нарезала. Вернулась к плите, бросила нарезанную морковь в ведро с закипающей водой. Отошла к поленнице, что находилась рядом с лестницей в подвал, стала ждать. Обеспокоенная Тихонова выглянула:

– Ты жива тут?

– Картошку жду, – буркнула Клавдия.

Немцы ужинали. Несколько удивлённые отчаянным поведением молодой женщины, о чём-то переговаривались, поглядывая на неё.

Клавдия сняла с плиты ведро с кипящим морковным чаем. Спустилась в подвал. Снова вернулась, сняла с плиты кастрюлю с картошкой. Прошла мимо стола, за которым ужинали немцы, взяла буханку хлеба, сунула её под мышку. За её спиной раздалась бурные аплодисменты немцев.

Всё это время сквозь грязные стёкла маленьких подвальных окон за ней наблюдали дети.

– Теперь так будет всегда! – поставив картошку на сырой пол, твёрдо сказала Клавдия.

Доктор подошёл к ней, бережно обнял за плечи, заглянул в лицо. В глазах Клавдии стояли слёзы.

– Ох, девка... – вздохнула старая нянечка.

Муся ещё издали увидела посёлок. Скорее, это был даже не посёлок – маленький городок. В таком городке легче затеряться. Но не в том виде, в котором сейчас была она: одежда разорвана в клочья, лицо и руки в синяках, хромает.

Муся подошла к заболоченной луже. Заглянула в воду как в зеркало. Отражение напугало. На неё смотрела старая измождённая тётка. Придерживая палку-костыль локтем, она попыталась пригладить руками растрёпанные волосы. Спрятала под платок. Но это не многим изменило её внешний вид. Показываться в городе было опасно. И она решила ждать. Опять ждать...

Где-то недалеко прошумела машина. Муся с трудом поднялась и осторожно пошла через лес в сторону дороги.

День неохотно уступал права ночи. Ещё один день и ещё одна ночь – она всё ближе и ближе к цели..

Одна-две машины промчались в сторону городка. Муся их не видела из-за придорожных кустов. Через какое-то время движение на дороге прекратилось совсем. Наступил комендантский час.

На окраине городка со стороны дороги стояли неказистые здания, похожие на колхозные мастерские. Охраны видно не было. Муся решила пробираться к ним. Осторожно прижимаясь к земле, сдёрнув с головы белый платок, сунула его под изорванную рубашку; мелкими перебежками, если её передвижение можно было назвать бегом, добралась до угла ближайшего здания. Полная луна предательски освещала всё вокруг.

Из-за стены мастерской Муся услышала немецкую речь и пьяные голоса. Притаилась. Перевела дыхание. В этот момент совсем рядом кто-то едва слышно пробежал. Только тень скользнула по стене. Послышался скрип несмазанной двери. Глухие удары. Сдавленные хрипы. Тень выскользнула обратно. Муся смогла наконец разглядеть мужскую фигуру. Человек передвигался быстро, с чётким пониманием того, что делает. Он затворил тяжёлые двери, оглянулся вокруг, подтащил огромное бревно, лежавшее неподалёку, припёр им дверь. Ловкими быстрыми движениями сгрёб руками сено, разбросанное по двору, сложил небольшую кучу под дверью, вытащил из-за пазухи бутылку, зубами выдернул бумажную затычку, разбрызгал жидкость, чиркнул спичкой. Пламя осторожно, как будто пробуя на вкус, лизнуло бревно, побежало по двери, прыгнуло на крышу и по-хозяйски смело охватило всё здание.

Человек бросился за угол охваченного огнём здания, именно туда, где, притаившись, лежала Муся. Запнулся за неё, повалился, схватил её за растрепавшиеся волосы. Его глаза искрами блеснули перед лицом женщины.

– Ты кто? – прохрипел и, не дожидаясь ответа, потащил за собой.

Отбежав на некоторое расстояние, остановились на секунду, огляделись. Человек, толкнув Мусю вперёд, спросил:

– Ты кто? Откуда здесь?

– Да своя я, своя. Потом всё расскажу. Бежим! – задыхаясь, ответила.

Страх гнал её. Она бежала, забыв о больной ноге.

К горящему зданию сбегались немцы. Пламя, разбрасывая яркими пригоршнями искры, взмыло к небу, освещая пол-улицы. Их могли заметить. Крики, лай немецких собак взбудоражили городок.

Беглецы метнулись в подворотню, пересекли улицу, забежали в чей-то двор. Мимо промчалась грузовая машина, освещающая фарами дорогу. В кузове сидели солдаты. Они врассыпную бросились оцеплять улицу.

Человек, выломав доски в штакетнике, дёрнул Мусю за руку:

– За мной!

Они упали в мягкую картофельную ботву чужого огорода и замерли.

...Заканчивалась долгая тревожная ночь. Первые лучи солнца царапнули подвальные окна. Дети, укрытые старыми отсыревшими одеялами, прижавшись друг к другу, спали на расстеленных на земляном полу матрасах. Яков Моисеевич, не сомкнувший глаз, тяжело поднялся со своего места, тихо, чтобы никого не разбудить, обошёл детей, поправил одеяла. Тихоновна подняла голову с немым вопросом: что делать? Доктор, прижав палец к губам, велел молчать. Подошёл к окну и так остался стоять в тяжёлых раздумьях.

Кто-то из ребятишек зашевелился. Попросил пить. Тихоновна зачерпнула из ведра остатки морковного чая, подала ребёнку кружку. Один за другим стали просыпаться. Спросонья не сразу вспомнив, что произошло накануне, с тревогой оглядывали подвал, кто-то из малышей прошептал:

– А что мы есть сегодня будем?

Доктор тяжело вздохнул.

Клавдия, пригладив рукой, словно расчёской, волосы, спрятала их под косынку. Встала, расправила смявшуюся одежду, свернула матрас, взяла кастрюлю и подошла к спасительному мешку с картошкой.

– Надолго ли нам её хватит? – произнесла задумчиво, наполнила кастрюлю и направилась к двери.

– Постой-ка, – остановила её другая медсестра, постарше, – хватит тебе мелькать у них перед носом. – Забрала кастрюлю из рук Клавдии и вышла.

Во дворе солдаты уже растапливали полевую кухню, умывались у колодца. Медсестра ловким движением бросила ведро в колодец, обхватила обеими руками «ворот», выкачала воду, вымыла картошку и, залив её чистой водой, подошла к плите. Немец-повар попытался грубо её оттолкнуть, она зло зыркнула на него:

– Попробуй только! – Поставила кастрюлю на плиту.

Пока варилась картошка, сестричка обошла смородиновые кусты, нарвала листочков, бросила в ведро с кипятком.

По двору санатория, некогда ухоженному, засаженному цветами, сейчас валялись срубленные деревья и кусты. Для лучшего обзора – так объяснил доктор. Ими растапливали полевую кухню. Маленький огородик был взрыт вилами, и всё, что с любовью было посажено детскими руками, вывернуто с корнями. Каждое утро у колодца выстраивалась очередь – немцы выкачивали воду и устраивали утренние омовения с шумом и гиканьем.

Сестричка сняла с плиты кастрюлю с картошкой, отнесла в подвал. Вернулась за ведром с заваренными листьями смородины.

В этот раз немцы уже никак не реагировали на отчаянность женщины. Только дверь в подвал снаружи чем-то припёрли...

Во дворе послышался рокот двигателя легкового автомобиля, через поваленные ворота въехал «виллис». Резко затормозил, подняв облако лёгкой горячей пыли. Выскочил немец-водитель, на полусогнутых ногах бросил-

ся к пассажирской двери. Из автомобиля вышла высокая сухопарая дама в немецкой офицерской форме. Волосы, выбеленные настолько сильно, что просвечивала кожа головы, были туго затянуты в «улитку» и спрятаны под пилотку. Глаза, острые и недружелюбные, тонкие сжатые губы, густо намазанные яркой помадой, – всё лицо её выражало презрение и ненависть ко всему живому.

Во дворе на некоторое время установилась тишина. Солдаты перестали плескаться и с любопытством уставились на прибывшую. Из двери главного корпуса навстречу даме вышел офицер. Он никуда не спешил. Она же твёрдой походкой направилась к нему. Поздоровались. Видно было, что офицер знал о прибытии персоны, потому прореагировал спокойно, скорее – безразлично. Пригласил её внутрь здания.

Когда они скрылись за дверью, двор оживился, но уже не так бурно.

Яков Моисеевич видел сквозь грязное стекло происходящее, занервничал.

– Не нравится мне эта дама, не нравится, – проговорил едва слышно, как будто только себе. – Кого-то она мне напоминает... – в размышлениях опустил голову.

Воспитатели раздали детям картошку, разлили чай. Но завтракать никто не спешил – в ожидании поглядывали на доктора.

– Ешьте, ешьте! Что зеваем? – строго велела Тихоновна, пытаясь разрядить обстановку. Сама тем временем косилась на доктора – ждала от него ответа на вопрос, кем может быть эта дама.

Дверь без стука распахнулась, и на пороге появился фельдфебель. Командным тоном отдал какие-то распоряжения доктору по-немецки и показал на выход. Поторапливал.

Выйдя наружу, Яков Моисеевич зажмурился от дневного света, перед глазами пошли радужные круги. Боясь потерять равновесие, на минуту задержался у порога. Мимо него водитель «виллиса» пронёс в здание чемодан и саквояж. Не стоило труда догадаться – это были вещи приехавшей дамы. Значит, она здесь надолго.

Фельдфебель проводил доктора до входной двери, подтолкнул в спину. Сам дальше не пошёл.

Яков Моисеевич вошёл внутрь здания, такого родного, в котором ещё так недавно звенели голоса детей, в котором каждый уголок был до боли знаком, и этот совершенно особенный запах хлорной чистоты, перемешанный с запахом вкусной домашней еды. Сердце защемило.

Офицер сидел за его столом в его же кабинете, в его же кожаном кресле, снова перекочевавшем на своё положенное место, забросив длинные ноги в лакированных сапогах на столешницу. Дама, запрокинув ногу на ногу, что было совершенно не характерно для немецких фрау, расположилась на смотровой кушетке. Офицер жестом пригласил доктора сесть.

– Прошузнакомиться, – продолжая изъясняться на ломаном русском, проговорил офицер, – ваша коллега – доктор Арцыбаш. Прибыла в наше расположение с ответственной миссией.

Яков Моисеевич повернулся корпусом к коллеге.

– Прошу называть меня Надежда Васильевна, – представилась дама.

Доктор оторопел. Его наконец пронзила догадка. Да, он вспомнил, где мог видеть эту даму – на республиканском совещании медработников в Минске в 38-м. Тогда она, если доктору не изменяла память, представляла Гродненскую область. И была, кажется, на хорошем профессиональном счету.

– Яков Моисеевич, так, кажется? – дама встала и начала прохаживаться по кабинету. Остановилась напротив доктора, заглянула ему лицо, ожидая какой-то реакции. Не дождавшись, перешла к делу:

– Ваши сотрудницы должны мне помочь организовать лабораторию по забору крови. И срочно. До завтрашнего дня. Работу необходимо начать уже сегодня, – посмотрев на часы, уточнила доктор Арцыбаш. – Кажется, они ничем не заняты сейчас?

– Вы собираетесь проводить опыты над больными детьми? – не веря её словам, задал вопрос Яков Моисеевич. – Вы же советский доктор! Как вы можете?!

Гнев переполнял его.

– Это не обсуждается, коллега, – жёстко возразила Арцыбаш.

– Я вам не коллега! – резко и намеренно членораздельно ответил доктор, порывисто встал, оттолкнул от себя стул и зашагал к выходу.

Во дворе уже командовал фельдфебель. Он выгнал из подвала медсестёр и Тихоновну. На земле валялись швабры, вёдра, тряпки. Немец показывал жестом на колодезь. Не стоило труда понять, что он имел в виду. Тихоновна, как старшая, одними глазами спрашивала доктора, что им делать. Яков Моисеевич, не говоря ни слова, подошёл к ней, на секунду остановился, зло пнул ногой стоявшее пустое ведро, схватил валяющуюся швабру и угрожающе замахнулся на фельдфебеля:

– Будьте вы прокляты! – закричал. – Будьте вы прокляты, изверги!

К нему тут же подскочили солдаты, скрутили руки, стали бить по голове, по спине. Тихоновна завывала от страха. Девочки-медсёстры прижались друг к другу, попятились к стене. Последнее, что услышал доктор, были крики и детский плач за окнами подвала. Старый доктор потерял сознание. Его потащили куда-то за угол. К медсёстрам подбежали ещё несколько немецких солдат с автоматами наготове, окружили. Шум, крики, плач детей. Женщин грубо стали подталкивать к больничному крыльцу. Тихоновне стало плохо, она ухватилась рукой за сердце. Клавдия подставила своё плечо:

– Миленькая, держитесь, прошу вас, держитесь! Убьют же.

На крыльце появился старший офицер, за ним – Арцыбаш. Фельдфебель, щёлкнув каблуками, торопливо доложил, что произошло. Офицер замахнулся на него своей палкой, резной набалдашник с силой опустился прямо на спину фельдфебеля. Изрыгая проклятия и команды, офицер всё больше распалялся. Солдаты бросились врассыпную. Из-за угла здания, куда уволокли доктора, ревя двигателем, выехала грузовая машина. Борта её были открыты. В кузове, раскачиваясь на рытвинах из стороны в сторону, лежало безжизненное тело доктора в окровавленном халате. Два солдата-автоматчика запрыгнули в кузов, на ходу закрывая борта. Машина, просигналив, выехала на дорогу и скрылась в чаще леса.

Больше о докторе никто ничего не слышал...

В общей панике и суматохе женщин с вёдрами и тряпками стали затапливать в двери главного здания. Их загнали в большую комнату, некогда бывшую процедурной. Арцыбаш командовала вынести всё лишнее и вымыть её до блеска.

Детей тем временем выгнали во двор. Построили. Арцыбаш прохаживалась вдоль строя, рассматривала каждого с пристрастием. Потом обратилась к офицеру с просьбой дать команду своим подчинённым постричь всех наголо. Во дворе были выставлены стулья, детей рассаживали по очереди и стригли. Худенькие плечики подрагивали. Слезы катились по щекам, но плакать в голос они боялись.

К вечеру, когда солнце уже закатилось, женщин отпустили. Едва они вернулись в подвал, как двери за ними захлопнулись – навесили амбарный замок. Дети сидели по углам, вдоль стен, прижавшись друг к другу. Тихонова оглядела всех внимательным взглядом, ища глазами Ляльку. Подошла к ней, погладила её колючую голову, опустилась рядом на матрас, тихонечко смахнула слезу со щеки. В руке девочка сжимала шёлковую ленту. Она ей теперь не скоро понадобится.

Никто в эту ночь не сомкнул глаз.

На рассвете к санаторию подъехала всё та же грузовая машина, что вчера увозила доктора. Остановилась у крыльца. Водитель выскочил, открыл борта, солдаты стали вытаскивать и заносить в здание медицинское оборудование, о назначении которого ещё никто не догадывался. В кабине сидел ещё какой-то человек в немецкой форме. Но звания его видно не было. Да и кто из женщин понимал в этих званиях. Арцыбаш вышла на крыльцо. Дверца машины распахнулась, человек спрыгнул на землю, подошёл к ней, представился. Это был немец-фельдшер, помощник Арцыбаш. Она по-мужски пожала ему руку и жестом пригласила за собой.

Недолго пробыв там, они снова появились на крыльце. Арцыбаш подозвала к себе фельдфебеля, приказала открыть двери подвала. Загремел замок. Тихонова, оставшаяся по негласному закону за старшую, тяжело поднялась, вышла навстречу непрошеным визитёрам.

Арцыбаш велела ей выстроить детей во дворе. Клавдия с очередной порцией невытоженного картофеля, проходя мимо Арцыбаш, напомнила:

– Детям нужно умыться и в туалет.

Арцыбаш согласно кивнула.

Процедура повторилась в установленном ранее порядке, после чего детей выстроили во дворе. Лялька по воле случая оказалась в хвосте шеренги. Тихонова подошла и встала рядом. Арцыбаш, прохаживаясь вдоль шеренги, останавливалась возле каждого и что-то объясняла фельдшеру. Тот согласно кивал, делая пометки в блокноте. Не распуская детей, они ещё некоторое время стояли здесь же, во дворе, разговаривая. Наконец Арцыбаш обратилась к Тихоновне:

– Я правильно понимаю, что за старшую теперь остались вы?

– Я не врач и даже не медсестра. Всего лишь нянечка при детях, – ответила Тихонова.

– Это неважно. За детей теперь будете отвечать вы, головой своей отвечать... А за их здоровье буду спрашивать с каждой! – И обвела своим колючим взглядом Клавдию и стоявших рядом с ней сестричек. – С сегодняшнего дня детям положены горячее питание и прогулки. – Она резко развернулась и направилась куда-то в сторону леса. Фельдшер проследовал за ней.

– Прямо не знаю, радоваться ли, – вздохнула Тихонова, – как бы не к добру такая милость...

– Что за оборудование привезли, кто знает... – прошептала ей на ухо Клавдия.

– Ох, не к добру, ох не к добру... – беспокойно проговаривала старая нянечка. – Что же делать-то, Господи? Куда деток-то прятать, подскажи.

– Надо пользоваться суматохой, – прошептал человек. – За мной! – скомандовал.

Не отрываясь от земли, Муся поползла за ним к краю огорода. Перемахнули через изгородь и мелкими перебежками добрались до дома в конце улицы. Прислушались. Вдоль улицы бежали немцы, выгоняли жителей

из домов. Стрельба и крики приближались. Беглецы спрятались за сараем. Сквозь сумрак едва различимо показалась невысокая крыша погреба. Человек открыл дверь и первой подтолкнул туда Мусю. Сам залез следом и прикрыл дверцу, оставив небольшую щель для наблюдения. Муся по скользким сырým ступеням спустилась вниз. В погребе остро пахло плесенью, пылью и соленьями. Этот запах был такой родной, что в горле запершило. Она руками нащупала кадку с мочёными прошлогодними яблоками, наклонилась, зачерпнула рукой, сделала несколько глотков забродившего рассола.

Стрельба и крики стали слышны совсем близко. Во двор ворвались автоматчики, забарабанили в двери и окна. Посыпались стёкла. Муся слышала, как из дома выгоняли людей. Детский плач больно сжал сердце Муси. Она оглянулась на человека, наблюдавшего за всем происходящим. Он будто прирос к щели.

– Что будем делать? – тихо спросила она.

– Молчи! – он отмахнулся. – Спрячься!

Людей в сопровождении автоматчиков гнали по улице. Толпа росла от дома к дому. Женщины причитали, дети ревели. Овчарки, сдерживаемые конвойными, насадно хрипели, готовые в любой момент вцепиться в жертву.

– Куда же они их? – зло прошипел человек. – Меня ищут...

Он тихонько приоткрыл дверь, высунул наружу голову.

– Ты куда? – вскрикнула Муся.

– Сиди здесь! Не высовывайся. Это по мою душеньку, – успел сказать человек и скрылся в темноте.

Людей гнали к большому пустующему зданию на окраине городка. Из распахнутых ворот здания, как из бездны, несло холодом и ужасом смерти. Немец офицер, прохаживаясь вдоль беспорядочной толпы, что-то выкрикивал, переводчик на ломаном русском тут же переводил.

– Если сэчас не будьёт видан партизан, убьивший доблестных немецких зольдат, каждый трэтий из вас будьёт растрэлян, – выкрикивал переводчик.

Собаки изо всех сил рвались с поводков, хрипя и разбрызгивая пену из ощерившихся пастей, упирались задними лапами в сапоги удерживающих конвоиров, лаем заглушали слова переводчика, но каждый стоявший в этой толпе понял смысл сказанного.

– Людечки добрые, – голосили тётки, – да за что ж?

Офицер продолжал прохаживаться и всё громче и требовательнее выкрикивал беспощадные слова. Переводчик всё громче и громче повторял за ним, хотя из-за рёва толпы его уже никто не слышал. Офицер жестом отдал команду, к людям подбежал командир роты автоматчиков и стал выталкивать из толпы каждого третьего. Стоны и причитания вознеслись к небу.

Из темноты вышел человек. Медленно приближался к обречённым. Офицер выхватил пистолет, направил в сторону человека. Автоматчики по команде рассыпались по площади перед зданием, перекрыв пути отступления. Человек встал перед толпой, закрыв людей собою.

– Это я тот, кто уничтожил фашистских ублюдков, – бросил в лицо офицеру. – Отпустите людей, выродки! Я тот, кого вы ищете!

– Спасибо тебе, сынок, – раздалось из толпы, – Господь с тобою!

К человеку подбежало несколько солдат, вывернули руки назад, для верности оглушив прикладом, и поволокли в разинутую чёрную пасть здания. Обезумевшие от страха люди в ужасе бросились кто куда. Автоматчики, предупредительно стреляя в землю, по стенам здания, пытались сдерживать натиск, остановить толпу. Людей снова окружили. Так они простояли под дулами автоматов несколько часов. Счёт времени был потерян. Никто уже

не ревел, не причитал. Люди ждали, не понимая, чего. Вскоре ворота распахнулись – и на площадь перед зданием выволокли обезображенное, окровавленное тело человека. Он ещё дышал. Его прислонили к кирпичной стене. Нещадное, тяжёлое полуденное солнце обжигало его раны. Он поднял разбитое лицо к небу, один глаз его вытек, и по щекам стекали кровавые слёзы. Человек попытался улыбнуться. Офицер подошёл к нему на расстояние трёх шагов.

– Хочэш жиц? – перевёл переводчик.

Человек, собрав последние силы, плюнул офицеру в лицо кровавой пеной. Немец, не целясь, выпустил всю обойму в живот приговорённому, и бездыханное тело рухнуло наземь.

Воцарилась оглушающая тишина...

Офицер двумя пальцами вытащил белый платок из кармана галифе, брезгливо вытер кровь с лица и мундира, снял испачканные кровью перчатки и бросил их на мёртвое тело.

...Муся ничего этого не видела. Её трясло в нервном ознобе от страшных предчувствий. Она слышала автоматную стрельбу, лай собак и окрики фашистов. Всё, что могло происходить на площади, она себе дорисовывала.

Вдоль улицы бежали люди. Не было слышно ни криков, ни плача. Разбежались молча, как бегут от ужаса. Проехал автомобиль. За ним прошёл строй немцев. Всё стихло...

Муся понимала: случилось что-то страшное. Она ждала его. Ждала и надеялась. Но человек не вернулся. Поняла: его больше нет.

К ночи всё стихло, как будто притаилось. Она не могла больше ждать. Осторожно приоткрыв дверь погреба, вылезла. Залезла в траву, пытаясь сориентироваться, куда бежать. Нужно было выбираться из городка. Решила двигаться в противоположную сторону той, откуда они с ним бежали. Осторожно пробираясь задворками, оказалась на площади перед старым кирпичным зданием. Ворота здания по-прежнему были распахнуты, готовые поглотить очередную жертву, у ворот стояли автоматчики, на земле лежало бездыханное тело. Она всё поняла... Сдавила горло рукой, уткнулась лицом в сырую траву, заглушая собственные глухие рыдания.

...Под покровом ночи Муся выбралась на окраину и, оглядываясь, побрела туда, где ей давно хотелось оказаться. Спешить у неё уже не было сил. Ныла нога. Но об этом думалось меньше всего. Она просто шла...

Арцыбаш явно что-то задумала. Но что? Тихоновна с её бесхитростным умом не в силах была разгадать эту загадку. Она ничего не знала о разговоре старого доктора с немецким офицером. А доктор не успел поделиться с ней. Ещё страшнее стало, когда на следующее утро Арцыбаш приказала вымыть всех детей и переселить их снова в палаты.

В помывочную завели всех вместе, скопом, как сказала Тихоновна. Раздели догола. Дети в ожидании чего-то страшного испуганно озирались на немецких конвоиров, тесно прижимались друг к другу, не стесняясь своей наготы. Двери в помывочную были открыты настежь. Арцыбаш периодически проходила мимо, останавливалась, оценивала ситуацию. Нянечка и медсёстры торопливо намыливали одного за другим, ополаскивали, переодевали и отводили в спальни. Там сидел помощник Арцыбаш, принимал детей, придиричиво рассматривал каждого, опять же что-то записывал в свой блокнот, сортировал по возрасту. Старших, кто посильнее, отправлял в спальню направо, младших, послабее, – в спальню налево.

Во время помывки Ваня Смолевич подошёл к Тихоновне, шепнул:

– Здесь окна есть. К лесу выходят.

Тихоновна, снова услышав о намерении сбежать, мыльной губкой закрыла ему рот, усиленно натирая лицо мальчика, голову. Ваня отдёргнул её руку:

– Больно же!..

– Молчи! Молчи, прошу тебя, – умоляюще прошипела Тихоновна, – даже не думай! Господь поможет.

– Бога нет! Разве ты не видишь, няня?

...Арцыбаш расположилась в кабинете старого врача. Кожаное кресло после отъезда немецкого офицера досталось ей по наследству. Теперь она была здесь хозяйкой.

Столы и стулья из санаторной столовой были возвращены на место. Немец-повар хозяйничал на кухне. С сегодняшнего дня ему было дано указание кормить обедом и детей. На плите стояли наполненные кастрюли, от вырывающегося горячего пара гремели крышками. На разделочных столах был беспорядок: открытые банки тушёнки, макароны, луковая шелуха. Двое дежурных солдат чистили картошку. Повар громко покрикивал на них, размахивая огромным половником, поторапливал – приближалось обеденное время, едоков прибавилось, а кухня, похоже, была не готова.

Арцыбаш вызвала к себе медсестёр.

– Отныне вы будете выполнять мои распоряжения. За неподчинение – расстрел. Я сейчас хочу слышать ваше решение.

Сестрички молчали.

– Ваше молчание я расцениваю как согласие.

– А у нас есть выбор? – осторожно спросила Клавдия.

– Есть! – обернулась к Клавдии Арцыбаш. – Сегодня же быть расстрелянной.

В кабинете повисла тяжёлая пауза.

– Тогда прямо сейчас вы примитесь за работу. Промоете и продезинфицируете лаборантскую, разберёте медикаменты и шприцы, разложите в установленном порядке в шкафах. Надеюсь, вы знаете, как это делается.. Хирургические инструменты требуют особого к себе отношения и поэтому должны быть обработаны и подготовлены к кипячению. Вы, я вижу, удивлены. Да, да, хирургические инструменты. Они могут мне понадобиться... Можете идти.

Одна за другой на негнувшихся ногах медсестры вышли из кабинета главного врача. Запершись в лаборантской, дали волю эмоциям. Выбора действительно не было – за дверь дежурил конвоир.

Муся, не отрываясь от земли, ползла в темноту. Слезы – когда же они закончатся? – застлали глаза, ком в горле мешал дышать, она никак не могла его проглотить. Хотелось выть. Не могла сориентироваться, куда ползёт – лишь бы подальше от этого страшного, трагического места. За эти несколько дней войны Муся, казалось, прожила дважды свою жизнь. Боялась думать, что там может происходить, там, где Лялька сейчас. Там, где нет её. Там, где один только Господь Бог может управлять, защитить.

Муся надеялась, что за околицей должен быть лес. Спасительный лес. Но городок всё не кончался. Тёмные улицы, приземистые, чёрные, насторожённые дома, ни лучика света в окнах. Всё умерло. «Да и живы ли люди в этих домах?» – подумала Муся. Страх поселился в её позвоночнике, казалось, уже навсегда. Кровавая луна висела над городом раскалённым чугунным колесом. Муся чувствовала, как она своими круглыми, глубоко запавшими глазами-кратерами прожигает ей спину. Нервный озноб сковал, парали-

зовал тело, мешал двигаться. Муся ползла, тупая боль в ноге не давала возможности забыться, передохнуть, держала в постоянном напряжении. И она снова ползла. Скорее бы куда-нибудь уже доползти, спрятаться, выдохнуть, сил набраться... Пить. Очень хотелось пить. Какой-нибудь ручей, болото... Хлебнуть живительной влаги, остудить лицо – и ползти дальше...

Наконец лес. Запах пряной, перегнившей хвои ударил в нос как нашатырём. Все запахи сейчас воспринимались остро, болью в носу, в пересохшем горле.

– Господи-и-и, – взмолилась, – помоги! Дай сил!

После обеда в правую спальню вошла Арцыбаш в сопровождении фельдшера. Взглядом обвела притихших детей, пальцем ткнула в одного, другого, третьего – фельдшеру велела привести их в лаборантскую. Сунула руки в карманы медицинского халата – сквозь натянутую белую ткань проступила сутулая спина с выпирающими рёбрами; худые жилистые ноги болтались в сапогах, как карандаши в стакане, – резко развернулась на каблуках, как это делали намуштрованные солдаты, и направилась в левую спальню. Оттуда вышла сразу.

– Пока только этих, – на ходу бросила помощнику.

Двое мальчишек и девочка из отобранных ухватились за металлические перила своих кроватей, когда фельдшер попытался вывести их из спальни. Девочка заревела в голос. Фельдшер больно дёрнул её за руку, пригрозив отправить в подвал к крысам. Мальчишки пошли сами. Клавдия побежала за ними, заслонив собою двери, потребовала сопровождать детей. Дорогу ей преградил конвойный с автоматом. Услышав крики, Тихоновна с перекошенным от страха лицом выбежала из левой спальни. По длинному белому коридору детей уводили в лаборантскую. Прижав ладонь к груди, со стоном тут же повалилась на пол.

Дети вернулись через сорок минут. У всех троих были перевязаны руки в районе локтевого сгиба. Капельки алой живой крови просочились сквозь бинт. Эксперимент начался.

Процедура изъятия крови проводилась каждый день. За полтора часа до обеда – после дневной прогулки под конвоем, и вечером – после ужина. Ежедневно машина боксы с пробирками, наполненными свежей, неарийской – живой детской кровью, увозила в ближайший город, где находился передвижной немецкий госпиталь. Храбрым солдатам вермахта нужна свежая кровь...

На третий день эксперимента Тихоновна умерла. Большое, любящее сердце старой нянечки не вынесло страданий. До последней минуты она держала Ляльку за прозрачную от худобы руку, гладила её своими шершавыми, скрюченными от старости пальцами и что-то тихо шептала. Никто уже не мог слышать её слов.

Клавдия сидела перед её кроватью на коленках, тихо плакала и всё просила нянечку попить водички, может, полегчает. На минуту Тихоновне стало легче, она подняла голову над подушкой, мутными, полинявшими глазами обвела спальню, будто попрощалась, ослабшей рукой пригладила волосы, вытянулась, глубоко выдохнула и закрыла глаза.

Похоронить старую нянечку разрешили в лесу, здесь же, у санатория, в котором прошла вся её жизнь. Арцыбаш дала распоряжение фельдфебелю выделить троих солдат. Выкопали могилу. И, завернув тело в рваное одеяло, совсем не по-христиански, закопали недалеко от главной кленовой аллеи, растоптанной колёсами броневиков. На свежий бугорок воткнули неуме-

ло сколоченный медсёстрами деревянный крест. Детям выходить за пределы огороженной территории не позволили. Сорвав последние уцелевшие цветы с разорённой клумбы, Клавдия положила их в изголовье Тихоновне...

...Какой сегодня день недели, какое число, сколько пройдено километров дорог? Да какая разница! Муся думала только о том, сколько ещё впереди. У кого бы спросить, как сориентироваться, куда дальше, знак бы подал кто.

Упала под раскидистой сосной. Уткнулась лицом во влажный мягкий мох. Вдохнула пряный, колючий лесной дух. Сорвала сосновую ветку, пожевала иголки. Подняла тяжёлое тело, попыталась встать на распухшую ногу. Пошла, цепляясь за всё, что могло её поддержать. Воспоминания сегодняшнего дня возвращались снова и снова. Из горла вырывались нечеловеческие звуки, похожие на рычание. Она душила эти звуки в себе – а вдруг кто услышит. Боялась каждого шороха, всплеска крыльев ночной птицы. Под ногами захлюпало, засосало. Не упала, нет – присела, набрала в ладонь воды, попробовала. Горько. Настоянная на листьях, вода приобрела особый вкус и цвет. Но это была вода. Муся пила, черпая и черпая ладонь. Снова вспомнилось, как ходили с Петром в ночное. Давно это было, по молодости, после свадьбы. Она стеснялась ещё его. А Пётр, старший, опытный, «приручал» её – везде брал с собой.

Пётр – надёжный... Покойно ей было за ним. Сколько раз благодарила судьбу за те недолгие годы семейного счастья. Детей рожала в любви...

Ночи в поле, во ржи, под лёгкой, смеющейся луной, его руки, глаза – Боже, как давно это было! И с ней ли?.. Воспоминания скрашивали сиротливые ночи. Тепло его помнилось... Петя, Петя, как мне плохо, как тяжело. Петя, где ты?

Её насторожили внезапный хруст ветки, едва слышные голоса. Замерла. Она и не заметила, как вышла к просёлочной дороге. Среди деревьев мелькнули две фигуры, мужчины и подростка, собиравших хворост. Увидев её, мужчина выпрямил спину и внимательно посмотрел на внезапно возникшую незнакомую женщину.

– Ты кто? – спросил хриловатым голосом.

Господи, сколько раз она уже слышала этот вопрос? Да кто она? Своя она! Своя! Здесь, на родной земле – своя!

Муся опустилась на траву. Ей уже было всё равно, кто эти люди. Сил сопротивляться больше не было. Мужчина осторожно подошёл к ней.

– Э, да ты, кажись, нездорова, молодка! – внимательно взглядевшись в лицо женщины, заключил он. – Откуль в наши края забрела, будем потом выяснять.

Муся повалилась как сноп, не в силах произнести больше ни слова. Мужчина осторожно дотронулся до её лба.

– Горишь вся. Что ж с тобой делать-то? В хату её надо, – обратился к подростку.

Мальчик подошёл ближе:

– Дед, её надо в нашу телегу да хворостом завалить.

Дед мотнул головой. В мирное время и не сомневался бы – помочь надо. Да как бы сейчас не навлечь беду на свою голову.

– Деваться некуда. Не бросать же живого человека на смерть.

Попытался поднять Мусю. Она в полусознательном состоянии что-то пробормотала и обмякла.

– Подгоняй давай лошадь, не поднять мне её, – снова обратился к мальчишке.

Тот, бросив охапку на землю, быстро, но осторожно, как передвигаются охотники, метнулся в кусты и вскоре вернулся с телегой. Вдвоём они положили Мусю на телегу, засыпали хворостом.

– Ты там дышишь хоть? – поинтересовался дед. – Дышит, кажись, – сам себе ответил, не дождавшись ответа женщины.

Не разгоняя лошадь, чтоб на ухабинах не дребезжала телега, осторожно стали пробираться к дороге. То и дело останавливались, слушали тишину, потом снова так же осторожно ехали дальше.

Очнулась Муся уже в доме. Даже не в доме – в затхлом чулане, в углу, заваленном всяким домашним скарбом, на продавленном старом топчане, набитом соломой. Но это было человеческое жильё. Утренний свет пробивался сквозь неплотно сколоченные доски. В лучах света пыль мелкими искринками кружилась, хороводилась и не оседала. Муся подняла ослабевшую руку, попыталась поймать кружащее над ней лёгкое птичье пёрышко, залетевшее неизвестно откуда, не поймала – улыбнулась. Дед сидел рядом – заметила его не сразу.

– Очнулась, слава Богу – будешь жить! – констатировал. – Давай-ка попей для начала. – Подал кружку, помог приподняться.

В кружке был горячий травяной отвар.

В доме пахло едой. Внук приоткрыл дверь в чулан, подал деду миску.

– Надо поесть, – велел дед.

Муся села, старик помог подоткнуть под спину подушку. Поставила на колени миску, взяла ложку, зачерпнула духмяную кашу. Руки дрожали, не слушались. Ложка стукнула о зубы. Дед наблюдал, но уже не помогал. Сама, сама. И снова задал те же вопросы: кто, откуда, куда и зачем. И Муся снова, уже без слёз – кажется, высохли – рассказала свою историю.

– Так, куда, говоришь, правишь? В Пуховичи? Так это уже недалёко...

Муся чуть не подавилась:

– Как недалёко, сколько?

Дед задумчиво прищурил глаза, подсчитывая:

– Да километров семьдесят, поди, осталось. Два дня пути, если по-хорошему да в силах.

У Муси снова задрожал голос:

– Дедушка, милый, пойду я. Вот чуть отдохну и пойду!

– Пойдёшь, пойдёшь, да выдохни сперва. Надо подумать, как безопаснее тебе идти. На немцев не ровён час нарвёшься. Лютуют, ух как... Слышал я, мост давеча взорвали... Партиза-а-аны... Кто ж ещё? Немцы их боятся, потому ещё пуце лютуют.

За окнами что-то загрохотало, прокатилась по небу колесница Громовержца. Всполохи зарева порвали густую ночь. Дед прильнул к грязному стеклу окна:

– Дождь... Слышь-ка, дождь ливанул. Спаси и сохрани! Перун бесится... Ишь как хлещет!

Земля с небом смешались. Стустившийся тяжёлый сумрак опустился сдвливающим ободом на хату, норовя раздавить её в зловещих объятиях.

– Я сейчас, сейчас поднимусь, – заторопилась Муся, – меня в такую погоду никто не заметит.

– Правда твоя, – с сожалением поговорил дед. – Как пойдёшь? Не ровён час свалишься по пути где-нибудь. Слаба ты – не доберёшься...

– Доберусь, дедушка, доберусь. Я сильная!

Муся с усилием поднялась, ноги дрожали. Но она не обращала на слабость внимания, искала свой платок, туго завязала волосы. Поправила

юбку, подхваченную верёвкой. Дед осмотрел её, вздохнул, полез куда-то в угол чулана, вытащил старый, изношенный ватник, какие-то тряпки. Тряпками велел обмотать потуже ноги.

– Не знаешь, как солдаты мотають? Дай-ка сюды – покажу.

Большими натруженными руками ловко намотал онучи на ноги Муси.

Она наскоро набросила ватник, сунула ноги в сапоги и уже ухватилась за дверную скобу, готовая бежать.

– Да погоди же ты! – остановил её дед. – Куда побежишь-то, хоть знаешь, заполошная? Давай хоть обскажу тебе всё.

Они вышли на крыльцо. Дождь стоял стеной. Ватник на Мусе враз промок, оттянул плечи, что рук не поднять; платок прилип к голове, вода заливала глаза. Она не замечала этого. В сером непрозрачном воздухе едва различима была дорога. За ней тёмным, угрожающим бастионом стояла зубастая стена леса. Дед, как мог, попытался обстоятельно «обсказать», куда ведёт дорога, как обойти деревню, чтобы избежать нежелательной встречи. Муся нервничала, поторапливала деда. Тот перекрестил её напоследок.

– Бог тебе в помощь! Беги...

Пригибаясь под дождевыми струями, Муся побежала. Дед смотрел ей вслед, видел, как тяжёлые, не по размеру сапоги – и онучи не помогли – вязнут в размокшей грязи, прилипшая к ногам мокрая юбка, как путы, мешает бежать. Понимающе вздохнул. Постоял на пороге в раздумьях. Когда жалкую фигурку женщины спрятала промозглая серость, дед скрылся за дверью хаты.

После смерти Тихоновны Клавдия заняла место главной. Она и по должности была старшей медсестрой. Но авторитету Тихоновны безоговорочно подчинялись все, за исключением главного врача. Уже не было Якова Моисеевича, не было и Тихоновны. Клавдии стало страшно. Страшно оттого, что ещё молода, страшно оттого, что ответственность за каждую маленькую жизнь теперь несла она на своих хрупких плечах, что ни пожаловаться, ни посоветоваться было не с кем. Она сидела на кровати, обхватив руками плечи, мерно раскачивалась из стороны в сторону как маятник. Санаторий спал – только ей было не до сна. В левой детской спальне кто-то едва слышно всхлипнул. Клавдия вздрогнула, резко встала и, стараясь никого не разбудить, направилась на голос. Прислушалась, откуда доносился плач. Дети спали, будто не было войны вокруг, не было немцев и угрозы рядом. На дальней кровати в углу, спрятавшись под одеяло с головой, кто-то жалобно поскуливал. Клавдия подошла, подняла одеяло. Лялька, сжавшись в комочек, плакала. Клавдия присела на край её кровати. Погладила по худенькой спине.

– Ну что ты? Что не спишь? Чего боишься? – шёпотом заговорила.

Девочка уткнулась в подушку и зарыдала громче. Кто-то из ребят беспокойно заёрзал.

– Тише, тише, разбудишь! – попросила Клавдия.

Она подняла девочку, прижала к себе:

– Тихоновны нашей нет. Некому пожалеть тебя, – пыталась утешить ребёнка, готовая сама разреветься в голос от ощущения собственной незащищённости.

Лялька замолчала. Уткнулась лицом в грудь Клавдии.

– К маме хочу. Мне страшно...

– Потерпи, родная, всем сейчас страшно. Мы что-нибудь придумаем. Не вечно же будет продолжаться этот кошмар...

– А мы не умрём? – спросила Лялька, с надеждой вглядываясь в лицо Клавдии.

– Ну что ты! Конечно, не умрём! Скоро наши придут! Непременно придут! И фашистов проклятых разобьют, и нас освободят. Мы все окажемся дома. Всё будет хорошо! Всё будет хорошо... – успокаивая ребёнка, напевно шептала Клавдия, веря в каждое произнесённое слово. – Потерпеть надо. Потерпеть...

Дождь закончился, как и начался, внезапно, когда Муся была уже далеко от деревни. Тёплой испариной покрывалась земля. Стало душно. Она сбросила с себя ватник, с облегчением вздохнула. Солнце, растапливая и иссушая серые облака, уже цеплялось лучами за разбухшую землю, торопилось согреть, высушить, запалить цветочки, разбудить запахи. День обещал быть хорошим. Муся вышла на поляну, усыпанную черникой. На ходу срывая спелые ягоды, пригоршнями заталкивала их в рот. Они лопались, издавая слабо уловимый писк. Нежная сочная мякоть, едва коснувшись языка, разливалась сладкой густой патокой, стекала с уголков почерневших губ, капала на рубашку, оставляя тёмные пятна на груди... В мирные времена собирали эту ягоду вёдрами. Всю зиму ели мочёную, перетёртую, сушёную, кисели варили. Да что сейчас вспоминать? Верилось: всё ещё будет!

Утро в санатории началось с суматохи. Немец-нарочный привёз пакет. Арцыбаш, будто не спала, вышла на крыльцо встречать – уже причёсанная, во всей выправке. Приняв пакет, тут же его вскрыла, бегло прочитала. Потом ещё раз перечитала. Что-то на немецком гаркнула фельдфебелю. Тот, перепугавшись, бросился за ней в здание, тяжело громыхая сапожищами по чистому полу. Они скрылись в кабинете главного врача. Через считанные минуты вылетел из кабинета, красный, как обгоревший на солнце, на ходу вытирая пот со лба, засеменя толстыми ножками во двор. Оттуда раздался его приказной голос, похожий на собачий лай. Следом за ним стремительно выскочила Арцыбаш с незакрытым саквояжем в руках, из которого торчали уголки наскоро запиханных документов. Прыгнула в ожидавшую её машину, на которой прибыл нарочный. Машина взревела, сорвалась с места и унеслась, разбрызгивая комы грязи с пропитанной дождем дороги.

Похоже, немцам было сейчас не до детей, которые сидели в своих спальнях, боясь напомнить о своём существовании. Клавдия бросилась к окну и в тревоге наблюдала за суетой и сборами.

– Господи, Господи, – шептала она, – спаси и сохрани! – повторяла слова молитвы.

Из-за угла главного корпуса выехала всё та же грузовая машина, вечно дежурившая у санатория, борта её в боевой готовности были распахнуты. Личный состав попрыгал в кузов. Фельдфебель затолкал своё грузное тело в кабину; так торопился, что загнулся за порожек кабины и едва не повис, зацепившись за открытую дверцу. Машина напряглась, выдохнула и, набирая скорость и переваливаясь на колдобинах разбитой дороги, скрылась в том же направлении. И только два огромных устрашающих броневика остались никому не нужными стоять, развернув морды к фасаду здания и ощерившись, готовые проглотить остатки жизни в охраняемом объекте и сам объект...

...Тишина. Воцарилась звенящая тишина. Ход времени остановился, превратившись в вечность. Никто не шевелился. Клавдия повернулась к детям. В дверях стояли медсёстры в напряжённом ожидании и непонимании происходящего.

– Что, все уехали? – развела руками одна из них.

– Кажется... – неуверенно ответила Клавдия.

Она бросилась на кухню. Перевернутые котлы, разбросанные кочаны капусты, очистки вчерашнего картофеля, битая посуда – и никого из поваров.

Клавдия мгновенно приняла решение.

– Дети, быстро на кухню! Девочки, помогите мне! – крикнула так, чтобы слышно было в обеих спальнях.

Никого не пришлось ждать. Съестных припасов осталось достаточно, чтобы сытно жить здесь ещё месяц. Кто-то резал хлеб, кто-то вскрывал банки с тушёной, кто-то разбрасывал вилки-ложки по столам. Клавдия пересчитала по головам детей – все здесь. Успокоившись, что никто не сбегал, принялась разливать по стаканам остатки вчерашнего компота.

– Быстро одеваемся и собираем вещи! – скомандовала она, едва дети успели затолкать еду в рот, на ходу запивая компотом.

– Надо бежать! – продолжала командовать Клавдия.

– Куда? Куда бежать, Клаша? – спросила Любочка, младшая сестричка, рыженькая, как солнышко, вся в конопушках. Она так редко задавала вопросы и так мало обычно разговаривала, что её вопрос застал всех врасплох.

Клавдия остановилась как вкопанная. Пары детских глаз смотрели на неё с надеждой и безграничной верой. Она и только она сейчас была главной в их жизни и судьбе!

– В лес! Пока в лес. Подальше отсюда. Будем пробираться в деревню.

...Муся вышла на широкую дорогу. Огляделась. Глаза от напряжения слезились – она всё время пыталась обнаружить следы, подсказки. Справа у обочины валялись безжалостно раздавленные в щепки колёсами машин придорожные знаки. Осторожно перебежав на противоположную сторону, она подняла один из них. На обломке указателя с трудом угадывалось направление стрелки на Минск. Так, значит, она уже рядом, совсем рядом. Каких-то двадцать километров отделяют её от Аляпки! Сердце подпрыгнуло где-то в горле, на секунду подкосились колени.

– Дочечка, я скоро! Подожди меня – я уже близко! – как обезумевшая, шептала Муса сухими, потрескавшимися губами.

...Аляпка вбежала в спальню. Под её кроватью стоял тот самый, подписанный знакомым почерком чемодан. Распахнула его. Что взять с собой из самого необходимого? Здесь всё было для неё необходимым: ставшее любимым новенькое платьице, аккуратно уложенное заботливой Тихоновной; тряпичная кукла, мамиными руками шитая; огрызок душистого мыла освежал утробу старого чемоданчика, пропахшего от времени пыльным чердаком, столько лет хранившегося без дела; маленький гребешок, которым расчёсывала её мать, лежал здесь же, атласная лента, недавно ещё служившая украшением.

Аляпка натянула на себя платьице, навсегда сохранившее воспоминания того самого дня, когда всё было наполнено радостными и одновременно тревожными предощущениями далёкого путешествия в неизвестный санаторий. Надела те самые белеющие носочки, подаренные соседкой Курдихой, сандалики, так густо намазанные Мусей вазелином. Вазелин впитался, сандалики запылились, но запах, тот сладкий запах заботливых маминых рук напоминал о доме каждый вечер. Когда трубили отбой, Аляпка ложилась в постель, накрывалась одеялом с головой, вспоминала запах маминых подмышек, сворачивалась клубочком и скучала. А сандалики, стоя под кроватью, источали этот сладкий запах, успокаивали, убаюкивали, и, казалось, именно

этот запах да ласковые руки старой нянечки разносили с собой по спальне добрые сны...

Дялька разгладила залежалые складочки на платъице, сунула в карман огрызок ароматного мыла, схватила любимую куклу, секунду подумав, повязала ей атласный бантик в растрепавшиеся волосы, сделанные из цветных ниток, и выбежала из спальни.

На кухне сестричка Любочка собирала в холщовый мешок остатки еды. Ещё никто, ни сама Клавдия, ни кто-либо из девочек-сестричек, не мог бы ответить на вопрос, куда и как надолго они бегут, но понимание, что они находятся на родной земле, не оставляло сомнений, что непременно окажутся в безопасности и случится это совсем скоро.

Ваня Смолевич, тот самый, что вынашивал планы побега, спешил уверить Клавдию, что сможет быть хорошим проводником в лесу. Он как-никак сын охотника – глаз намётанный, отлично знает родные с детства места. Он всё знает, уверял Клавдию. Ещё недавно с отцом ходили в леса, и отец учил его ориентироваться. Потому, как только они оказались за порогом, Ваня бросился в сторону речки с обратной стороны главного корпуса санатория, куда ходили купаться. На раздумья времени не оставалось: бежать нужно немедленно. В любой момент могли вернуться немцы. Никто не знал, что случилось и почему так резко изменилась обстановка. Но возвращения их боялись.

...Соблюдать строй было очень непросто. Дети бежали, обгоняя друг друга, но старались не отдаляться от воспитателей, а главное, от Клавдии, сохранявшей здравый рассудок и контроль над ситуацией. Собранные в спешке вещи мешали передвигаться. Безоговорочно решено было из отобранных детьми необходимых вещей брать только тёплые – остальные бросили тут же, в лесу.

Сверху, на ворохе уже ненужного, лежала та самая кукла, заботливо прикрытая чьей-то кофтой, но уже без бантика. Распахнутыми нарисованными глазами она смотрела в небо – и время застыло в пустоте её глаз...

Бежали тихо, без лишних разговоров, оглядываясь и контролируя отстающих.

Река была неглубокой, но с норовистым характером. Переплывать да просто переходить её вброд с детьми было небезопасно. Невдалеке через речку предусмотрительно был брошен неширокий мосточек. Десяток лишних метров до него – и вон он уже, другой берег, отделявший ещё недавний ужас бытия от надежды на спасение.

От старости мосточек стал ветхим, потому им редко пользовались. Но в ситуации выбора этого было достаточно. Как только дети оказались по ту сторону реки, Клавдия с сестричками отважились подбить поддерживающие его опоры, отрезав пути возвращения и возможного преследования. Мосток недолго сопротивлялся – завалился, напоследок едва не придавив под собою двух самых напористых сестричек.

Чем больше удалялись в лес, тем гуще и непроходимее он становился. К вечеру похолодало, и сгущавшаяся сырость пробиралась под одежду, холодными костлявыми пальцами щекотала нежную детскую кожу. Остановившись на отдых ещё было опасно – всё время казалось, что убежали недостаточно далеко. Но дети устали, и нужно было думать о ночлеге. Клавдия собрала вокруг себя ребят. Пересчитала по головам – никого не потеряли в пути. Ваня уверял, что невдалеке должна быть деревня, и вызвался сходить в разведку. Для него, мальчишки, это бегство превратилось в игру. Что, наверное, было правильно – так легче бороться со страхом. Ещё двое мальчишек из старшей группы напросились с ним. Клавдии ничего не остава-

лось, как согласиться на такой риск. Она отпустила ребят, а напоследок, как могла, проинструктировала. Ваня отмахнулся – его всему научил отец. А это самая надёжная инструкция, уверял он. Единственное – собрал ленточки-завязочки, которых у девочек всегда с избытком, для того, чтобы пометить дорогу обратно.

Когда мальчишки скрылись из виду, Клавдия осмотрелась, выбрала место посуше, велела ломать и заготавливать лапник. Даже если им придётся здесь заночевать, вряд ли их станут искать в сумерках, а тем более ночью, подумала она, предположив худший вариант развития событий.

...В ситуации опасности у человека обостряются все чувства. Он превращается в животное, способное выжить в любых условиях. Так и Муся. Почувствовав наконец близость к цели, понимала, что не может ошибиться. Объяснить себе это ощущение она не могла, но, движимая внутренним чутьём, как собака, шла на запах.

Лес, один и тот же лес, скрывал сейчас её и её дитя. Звёзды – одни и те же звёзды светили им обеим!

В нескольких метрах от Муси, пересекая дорогу, из леса вышла волчица. Пустое голодное брюхо с высосанными сосцами едва не волочило по земле, раскачиваясь из стороны в сторону при каждом шаге, мешая переставлять ноги. Увидев женщину, волчица остановилась, положила на землю то, что несла в зубах, сделала шаг навстречу. Её глаза зло блеснули в сумраке, она оскалилась, оголив острые клыки, и предупредительно зарычала. То, что оказалось на земле, вдруг завозилось, беззащитно запищало. Кутёнок, догадалась Муся. Она присела на корточки.

– Я не трону тебя, – как мать матери прошептала Муся, – я не трону твоего детёныша.

Волчица внимательно смотрела в лицо несчастной женщины секунды. Ей хватило этого времени. Она поверила – развернулась к волчонку, подобрала его, малыш взвизгнул, тут же успокоился и замотался в зубах матери в ритм её торопливым шагам.

Волчица скрылась. Муся подняла голову к небу – взмолилась:

– Мать Божья, помоги!.. Ты сама потеряла сына – не дай мне потерять моё дитя...

То ли раскаты грома, то ли рокот мощных моторов, но гул в плотном сумрачном воздухе всё нарастал. Короткие глухие отзвуки взрывов раздавались со всех сторон. Твердь начинала дрожать под ногами, будто закипающая земная плоть. Что-то страшное и неотвратимое надвигалось и приближалось. Хотелось оказаться на дне огромного озера, спрятаться под толщу воды, чтобы вода заглушила страх, вобрала в себя все звуки. Оттолкнуться от дна, вынырнуть и оказаться во вчера – в мирной жизни, и лишиться сегодняшней памяти. Чтобы всё было как тогда, когда все рядом, когда все живы. Чтобы дети, сожжённые в Вишенках, снова бежали по улицам деревни, пинали мяч и били стёкла, чтобы получали двойки и были здоровы!

Резкая боль пронзила живот. Каждый вздох будто разрезал грудину. Скорчившись, Муся повалилась на колени, головой уткнувшись в мягкую почву, знакомый запах перегнившей листвы ударил в нос, но не принёс облегчения. Руки судорожно гребли землю. Она засыпала голову листьями – не слышать бы этого гула, этих взрывов, ничего бы не слышать; зарывалась всё глубже, жевала мох и беззвучно выла. Было страшно на грани безумия. Страшно и больно. Превозмогая себя, она ползла, понимая – это последний день, когда можно найти след дочери, последняя возможность найти

её живой. Завтра будет поздно, завтра всё будет смешано с землёй, завтра и навсегда...

Клавдия первой обратила внимание на надвигающийся гул. Подняв голову, вначале едва различимо, потом всё явственнее разглядела в небе самолёты. Они летели не спеша, разрывая крыльями, как загребущими руками, чёрную высь, на ходу проглатывая звёзды и луну. Они не собирались бомбить – мерно чесали небо, наводя ужас и приводя в исступление всякого, кто впервые оказался перед лицом смерти. Мгновенная паника сорвала детей с места, разбросала их по оврагам и кустам. Медсёстры металась между ними, на ходу растаскивая лапник и укрывая им детей. Под тяжёлыми ветками, как под одеялом, было темно и, казалось, надёжно.

Самолёты улетели. Но гул не растворился – зацепившись за ветви, тревожным эхом повис меж сосен. Издалека доносился глухой звук тяжёлых разрывов.

В этот момент из темноты появился Ваня – разведчики вернулись. Клавдия бросилась к мальчишкам.

– Живы, живы – слава Богу! – предательские слёзы блеснули в её глазах.

– Там, там деревня! Недалеко. Но людей уже нет. Хаты пустые. Наверно, в лес ушли. И немцев нет. Но, похоже, ещё недавно были. За деревней у фермы побитые коровы лежат. Опасно идти туда. Люди ж почему-то бежали! – Ваня спешил. – Нам надо людей своих найти! Туда надо. – Он показывал руками по направлению, откуда только что вернулись. – Они не могли далеко от деревни уйти. Клавдия, вы меня слышите? Туда надо! В тот лес!

Клавдия бессильно опустила на землю. Пустым взглядом обвела детей. Выбора не было: надо искать людей – вместе будет легче.

– Все за мной!

Муся собралась с силами. С трудом давался каждый шаг. Придерживая живот руками и цепляясь за ветки деревьев, потащила измождённое тело дальше, стараясь не терять из виду просёлочную дорогу. Вышла к развилке. Под ногами что-то хрустнуло, в темноте наступила на раздавленные деревянные обломки, подняла, силясь прочесть. В тусклом лунном свете разобрала несколько букв, вскрикнула, зажала рукой рот, хотя вряд ли сейчас кто-то мог её услышать; огляделась вокруг, пытаясь сориентироваться, куда могла указывать едва различимая стрелка на обломке бывшего указателя, и, движимая скорее интуицией, побежала по разъезженной в месиво дороге.

В темноте то и дело обо что-то спотыкалась, падала и снова шла; наткнулась на неаккуратно сложенные штабеля уже срубленных деревьев, уложенные в спешке и неумело.

Показались едва различимые очертания некоего строения. Осторожно приближаясь, прислушалась: нет, звуков человеческого пребывания слышно не было. Осмелев, она выпрямилась в полный рост и, уже не таясь, побежала к зданию. Ворвалась в распахнутую ветром дверь. По коридорам, в спальнях – всюду были разбросаны детские вещи, чемоданы с аккуратно приклеенными бумажками с фамилиями тех, кому ещё недавно принадлежали и кому уже были не нужны. Навсегда не нужны! Она не стала искать знакомый до боли, с треснувшей кожаной ручкой, её рукой подписанный чемоданчик. «Лялька, дочечка!» – кричала, надеялась, что её услышат, что дети могут прятаться.

Выскочила на улицу. Покосившаяся дверь в подвал тоскливо скрипела. Муся бросилась туда. Разостланные по земляному полу матрасы, аккуратно

сложенные одеяла говорили больше, чем она могла себе домыслить. Снова вернулась на улицу. Развороченный колёсами броневиков, парк в темноте ещё больше пугал разором. Запнулась за деревянный крест, упала на мягкую землю и не сразу поняла, что это свежая могила. Господи, чья это могила? Что с детьми? Бежала вокруг здания. Река! Конечно, река – больше некуда. Разрушенный мосток только укрепил её догадки. Держась за его обломки, она перебралась на другой берег. Не теряя ни минуты, продолжала бежать. Она звала. Сквозь несмолкаемый приближающийся грохот её никто не услышал бы, но молчать она уже не могла.

Ветки хлестали по лицу. Она не чувствовала боли. Бежала... Что-то внешне привлекло её внимание. Муся приблизилась к разлапистой ели: к ветке была привязана белая атласная лента – это был знак. Дрожащими руками взяла ленту в руку, поднесла к глазам – и миг узнала! Этой лентой она украшала розовые кудряшки дочери! Муся закричала во весь голос. Ночная птица, напуганная криком, всплеснула широкими крыльями, ухнула над головой обезумевшей женщины и скрылась в гуще леса.

Ваня вывел беглецов на опушку недалеко от деревни. Сквозь рваный предутренний туман уже были различимы крыши домов. Решено, как он и предупреждал, не заходить в деревню. Прячась за деревьями, пробирались в «другой лес», туда – за околицу, куда предположительно могли уйти люди.

Дети устали. Недолгий привал. Предусмотрительная и заботливая Любочка, рыженькое солнышко, достала из мешка с припасами тушёнку, хлеб. Наспех перекусив, двинулись дальше.

По мере удаления от санатория далёкие разрывы становились менее слышны. Но ощущение приближающейся опасности не покидало. Муся спешила, преодолевая себя. По пути она ещё дважды натыкалась на знаки – обрывки бинтов. Откуда здесь бинт? Значит ли это, что кто-то из детей ранен, а может быть, правдой было то, что в санатории проводили над ними опыты? Чья это была могила? От страшных предположений она теряла разум...

Клавдия вела детей лесом вокруг деревни, опасаясь привлечь внимание случайных людей. Осторожно передвигаясь, уходили глубже в лес. Ваня всё время старался оторваться вперёд, первым выйти к людям, прятаясь в чаще. Он и увидел первым.

– Нашёл! Нашёл!

Его тоже заметили. Несколько человек вышли навстречу. Деревенские женщины, заметив чужака, в суматохе стали прятать своих детей. Ситуация грозила паникой.

– Мы из санатория бежали от немцев. Своих ищем, – торопился сразу выложить всё о себе.

Один из вышедших навстречу, седобородый дядька, остановил начавшуюся панику жестом поднятой руки. Воцарилась тишина, и в этот момент из-за деревьев вышли дети во главе с Клавдией. Они выглядели уставшими и измождёнными.

– Примете? – сдавленным от нахлынувшего волнения голосом выдавила из себя слова Клавдия.

– ...Бабоньки, разбирайте детишек! – не сразу скомандовал седобородый.

– Как скажешь, Старшой... – ответила здоровая грудастая баба, прикрывавшая собою, как стеной, перепуганных женщин.

Клавдия с облегчением выдохнула. Стянула с головы платок, скомкала его в руках, закрыла лицо, пряча нахлынувшие слёзы. Женщины засуетились, подхватили детишек, увели в спрятавшийся в ельнике и едва видимый глазом шалаш.

– Что это сейчас пацан сказал, что вы от немцев сбежали? Это как так? Правда ли? С такой оравой детишек?

– Правда и не совсем, – давясь эмоциями, проговорила Клавдия, – это немцы сбежали, а мы ситуацией воспользовались.

– Это как так?

Старшой уходил в сторону, чтобы их разговор не слышали, и уводил за собой Клавдию. Он не верил её словам. Исподлобья внимательно поглядывал, изучая реакцию Клавдии на каждое сказанное слово.

– Я всё сейчас расскажу, всё расскажу, дайте выдохнуть только, – едва не взмолилась Клавдия. Она понимала недоверие к её словам и готова была всю душу вывернуть своим, только бы поверили, только бы...

Старшой присел на поваленный бурей ствол гнилого дерева, ей указал место рядом. Клавдия устало опустилась и тут только почувствовала всю усталость от пережитого. Ноги гудели. Она сбросила туфли, не стесняясь порванных чулок, растёрла ступни, выдохнула, оглядела лагерь, успокоилась – дети под присмотром и их уже кормят. Рассказывать начала с момента появления немцев в санатории: о гибели главного врача Якова Моисеевича, о смерти Тихоновны, а главное – об опытах над детьми. Старшой слушал, не перебивая; сворачивал самокрутку, курил, бросал, скручивал другую. Клавдия рассказывала долго, в мельчайших подробностях. Когда закончила, Старшой подозвал к себе парня лет семнадцати:

– Расскажи-ка, что знаешь о санатории детском под Пуховичами.

Парень подтвердил про немцев, откуда-то знал и про гибель главного врача, и про опыты. Кто был этот парень, откуда он мог знать всё, Клавдии было безразлично. Но Старшой как-то сразу изменил тон, успокоился:

– Ладно. Пойдём-ка перекусишь чем Бог послал. – Встал. – Бабоньки, покормите, – распорядился и растворился в глубине леса.

Вновь прибывших разместили в шалашах. Места хватило всем. Озябших, легко одетых детишек укрывали ватниками, старыми одеялами, о подушках никто и не мечтал – набитые лапником и сеном мешки оказались мягче пуха.

Откуда-то издалека долетал недовольный рокот, он набирал силу, приближался, небо наполнялось этим гулом и разорвалось наконец раскатистым громом. Молния полоснула яркой змеей, осветила мертвенным синим светом лагерь, тени деревьев метнулись в разные стороны и скрылись за кромкой леса.

Страшно уже не было. Они были не одни. Их было уже много. Все вокруг были свои...

Глубокой ночью в шалаш, где спали дети, кто-то тихо вошёл, осветил тусклым фонариком спящих, неслышно подошёл к Клавдии. Едва почувствовав на своём лице луч света, Клавдия открыла глаза и резко поднялась. Она не успела ещё проснуться, вздрогнула. Но, увидев всё того же молодого парня, с которым разговаривал при ней Старшой, не задавая вопросов, вышла следом за ним.

– Тебя там спрашивают, – шепнул парень и повел её в глубь леса.

Дождь закончился. Трава была мокрой, холодной. Туфли Клавдии прилипали к размякшей земле, утопали, собирая на себя комья жирной грязи. Они шли осторожно, стараясь не будить спящий лагерь. Глубоко в лесу между

пушистыми елями мерцал тусклый огонёк небольшого костра. У огня сидели люди. Подойдя ближе, Клавдия увидела Старшого, рядом с ним сидел плотного сложения мужчина, по виду не деревенский. Видно, пришлый. Что-то вполголоса говорил – его никто не перебивал, слушали внимательно. Заметив подошедшую Клавдию, он привстал, протянул руку, поздоровался по-мужски, крепко и уверенно.

– Мы в курсе всего, что с вами произошло.

Клавдия не спешила задавать вопрос, кто это «мы».

– Ваше освобождение готовилось тщательно. Но бои в нашем направлении несколько изменили планы. Не буду посвящать вас в подробности, скажу лишь одно: детей будем эвакуировать в ближайшие же дни. Будьте готовы..

Старшой на слова пришлого человека молча кивал.

– Фёдор Михалыч предупредит вас, – повернув голову в сторону Старшого, продолжал человек. – Дети все здоровы? Нас особенно интересуют те, над которыми уже поработали немцы. Да, и просьба: о нашем разговоре пока никто не должен знать, кроме присутствующих здесь.

«Партизаны!» – мелькнуло в голове Клавдии. И человек этот, пришлый, явно был большим начальником. Он как его плотно окружили – каждое слово жадно ловят. Клавдия заволновалась: то ли радоваться, то ли.. Она не знала, как реагировать на ситуацию. Но понимала: теперь они, кажется, в безопасности.

«Ваня, Ваня Смолевич! Какой же ты молодец!» – мелькнула мысль.

Вернувшись в шалаш, она долго ещё не могла успокоиться. Так и не уснула до рассвета...

...В лесу резко потемнело. Сырой воздух сгустился и потяжелел. Деревья в тревоге замотали верхушками, между хвойными лапами пробежался ветер, разогнался – вернулся обратно, и закружили капли дождя хороводом, от которого уже не было спасения. Ливень хлестал по веткам, рикошетом отскакивал – капли били в лицо, колючими осколками впивались в голые руки. Одежда на Мусе промокла в считанные минуты и повисла, облепляя тело и грудь, мокрая юбка стянула ноги, и каждый шаг давался с трудом. Она без сожаления рванула её по шву. Потрёпанная ткань легко поддалась, оголяя разодранные ноги, но легче идти не стало.

Не разбирая дороги в темноте, Муся запнулась за корни деревьев, повалилась всем телом на заваленную лапником кучу мусора. Нащупав рукой пустую банку, ещё не соображая, откуда взялась здесь эта куча, подставила под дождевую струю и, не дожидаясь, пока банка наполнится, стала жадно пить каждый собранный глоток воды. Молния зелёной змеей метнулась по небу, осветив своим мертвенным светом всё вокруг. Мусю пронзила догадка: свежие следы пребывания людей и не выветрившийся запах тушёного мяса не оставили сомнений: они совсем рядом, совсем рядом друг от друга. Нельзя медлить. Надо идти. Но идти уже не было сил – значит, она будет ползти, но только вперёд. Завтра будет поздно – сверлила мозг одна и та же опасная мысль.

Муся привалилась спиной к стволу старой сосны, верхушкой, как антенной, упиравшейся в небо. Медленно сползла в бессилии на мокрую землю. Попыталась глубоко вдохнуть свежий грозовой воздух. Удушливый кашель разорвал болью грудь. Она взмолилась, как молятся в отчаянии, в безнадежности, уповая только на высшие силы. Закрывает глаза, отрешившись от мира, враждебно окружившего её, и провалилась в забытье... В себя пришла, когда рассвет уже слабо продирался сквозь плывущие караваном тяжёлые обла-

ка, застилавшие небо, сквозь верхушки старых скрипучих сосен, на ощупь пытаясь дотронуться до земли. Голова гудела, жар в теле выламывал кости, лишая остатка сил. «Нельзя, нельзя, вставай, иди!» – не размыкая губ, говорила себе Муся. И она снова пошла.

Лялька открыла глаза, будто не спала. В шалаше было влажно и тепло. Сквозь неплотно задёрнутую дерюгу над входом в шалаш тонкой струйкой пробивался свет. Она вспомнила, как просыпалась в своей постели под мышкой у матери, как та гладила её волосы, и что-то нашептывали ласковое на ушко её тёплые губы, нежно касавшиеся щеки. Накопившаяся тоска наполнила маленькое тело, глаза защипало – сиротливая слезинка медленно стекла по виску и упала капелькой в ушную ямочку. Пошевелиться было сложно – с обеих сторон, плотно прижавшись друг к другу, крепким сном ещё спали дети. Они давно уже так спокойно не спали, с тех самых пор, как в их санаторий, по-домашнему согретый заботой и любовью Тихоновны, не ворвалась война. Тихоновна... где ты сейчас, старая добрая няня? На каком облачке ты отдыхаешь? Помнишь ли ты свою любимицу?

Дремавшая в ногах детей Клавдия привстала, привычно пригладила волосы рукой, поправила перевернувшуюся вокруг тела юбку, подтянула сползшие чулки, вздохнула, что-то едва слышно прошептала и вышла на улицу, осветив нутро шалаша. Дети, неохотно потягиваясь, стали просыпаться, перешёптываться; спросонья, как всегда, не сразу понимая, где они.

С улицы раздалась голоса, потянуло запахом еды. В шалаш заглянуло рыжее счастливое лицо Любочки-сестрички:

– Ну что, партизаны, просыпаемся! – весело прощebetала, забросила на крышу шалаша дерюгу, ослепила душное пространство светом и чуть-чуть радостью. – На выход, на выход! Завтрак уже готов.

По лагерю туда-сюда уже сновали люди; у полевой кухни что-то булькало и шипело; громогласная повариха, стоя на приступке, как на постаменте, кем-то командовала, помешивая в котлах огромным половником размером с её голову; кто-то где-то колот дрова – эхом по лесу разносился стук топора; мужчины сооружали в глубине леса блиндаж для вновь прибывших; деревенские дети, сгруппировавшись чуть поодаль, обсуждали свои дела, наблюдая за новенькими и не торопясь принимать их в свою компанию. Первым нарушил дистанцию всё тот же инициативный Ваня Смолевич. Он и ещё двое мальчишек из старшей группы подошли к местным.

– Давайте уже знакомиться, что ли, – первым предложил Ваня, – неизвестно, сколько нам ещё вместе придётся бедовать.

Не торопились деревенские принимать чужака, но в словах Вани была правда. Старший из мальчишек, подросток лет шестнадцати, накинув на плечи не по размеру большой пиджак, с серьёзным лицом и колючими, пронзительными глазами, протянул руку:

– Григорий, – по-мужски сдержанно представился, – я тут временно за старшего, пока отцы на задании.

– На каком задании? – не скрывая любопытства, спросил Ваня.

– Рано тебе пока знать.

– А может, и я чем сгожусь? – предложил Ваня.

– Может, и сгодишься...

За мальчишками наблюдал Старшой, куривший невдалеке, сидя всё на том же поваленном гнилом дереве. Наблюдал и улыбался в усы: растут сыновья, смена растёт, только горькое испытание им досталось.

Из глубины леса, позади курившего Старшого, вышли двое. Старшой оглянулся, пригласил присесть рядом. Похоже, он ждал их возвращения. Двое пришли с известиями, это видно было по возбуждённому разговору между ними. Что-то чертили обломком ветки по земле, сапогами затаптывали, опять чертили. Старшой кивал головой, соглашаясь, внимательно слушал, задавал вопросы.

– Добро! – подытожил. – Добро, – повторил. – Лёнька где?

Один из двоих метнулся в заросли, вскоре появился с Лёнкой, всё с тем же парнем, что подтверждал показания Клавдии.

– Ты давай это, собирайся, – распорядился Старшой, – поспешать надо с новостями-то... Вдвоём вот и идите.

Это не ускользнуло от группы мальчишек.

– Куда это он их отправил? – опять, не скрывая интереса, задал вопрос Ваня.

– Куда надо! И не «он», а отец мой, – недовольно буркнул Григорий, натянул полинявшую кепку на глаза и скрылся вслед за отцом в глубине леса...

Клавдия подбежала к своим ребятишкам.

– Ну, что стоим? Давайте, как положено – по одному, друг за другом и ближе к кухне, – слегка подталкивая детишек в спину, скомандовала.

Ребята выстроились по росту. Лялька снова оказалась едва ли не в хвосте – за ней ещё трое ребятишек, совсем маленькие, из самой младшей группы. Она стояла, сиротливо теребя пальчиками подол любимого платица. Повариха раскладывала дымящуюся кашу кому в котелок, кому в алюминиевую миску, успела охватить взглядом новеньких едоков, отметила самых маленьких.

– Давайте-ка малышей вперёд пропустим, – зычным голосом скомандовала, – а то, пока выстоят эту очередь, попадают от голода.

Ей самой понравилась её шутка – она засмеялась.

Очередь колыхнулась, расступилась. Клавдия поторапливала, подталкивая Ляльку ближе к общему котлу. Повариха взяла миску, щедрой рукой отвалила порцию побольше и протянула девочке. Миска была горячей, Лялька взяла её осторожно своими маленькими ручками, боясь выронить, тихо поблагодарила повариху.

– Ишь, интеллигентная какая! – отметила повариха.

В этот момент на окраине леса показалась едва различимая фигура человека. Народ оглянулся. Кто это? Откуда? – пробежал тревожный ропот. Из-за деревьев вышла женщина в разодранной одежде. Она едва стояла на ногах.

– Кого это опять к нам занесло? – раздалось в толпе.

Женщина вышла на поляну у шалашей. Лялька развернулась в сторону, куда сейчас были устремлены все взоры.

– Мама... – тихо прошелестел её слабый голосок. – Мамочка-а-а! – пронзительно закричала и бросилась к женщине, роняя миску с кашей.

Муся сгребла дочь в охапку, из последних сил крепко прижала к себе:

– Нашла... Нашла... – задыхаясь, едва проговорила она и упала на колени.

Наступила тишина. Затих стук топоров. Потрясённые, люди молчали, смотрели, не решаясь двинуться с места.

– Нашла... – горло больно сдавило. Муся с трудом выдавливала из себя слова и всё глотала, глотала солёный комок. – Домой, домой теперь надо, дочечка! Домой. Тебя там ждут! – И всё гладила и гладила худенькие плечи дочери, заглядывая в её незамутнённые глаза.

...Домой они вернулись через месяц... Как добирались, как помогали добрые люди, где, у кого прятались, как спасались от бомбёжек, как выжили – никогда Муся не рассказывала. Выжили – это было главным. И надо было жить дальше...

В разорённую деревню пришли к ночи. К дому пробирались вдоль речки, через тот же колхозный яблоневый сад. Так было безопаснее.

Засыпающий сад, плотно окутанный седым туманом, как паутиной, молчал. Старые яблони, опустив ветви, как надорванные руки, протягивали зрелые плоды, в последней надежде быть нужными хоть кому-нибудь. В этой особенной, насторожённой тишине слышался шёпот непримятой травы. Туман опускался всё ниже, укрывая сном землю, ложился на траву влажным лоскутным одеялом, сквозь которое то тут, то там, расправляя ещё слабые плечики, пробивались яблоневые побеги. Их никто не срезал, за ними никто не ухаживал. Они росли дикарями, набирались сил, подпирая старые, мудрые деревья, чтобы однажды поднять сад, зашелестеть листвой, напоить соловьиными трелями, налить соком и брызнуть яблоневым сидром во славу победы жизни над смертью.

Муся уткнулась лицом в низко висящее яблоко, сорвала его с протянутой ветки, захмелела от сладкого пряного запаха, вдохнула полной грудью напоённый сырими, терпкими запахами воздух и, только увидев занавешенное густыми ветвями очертание родного дома, ощутила трепет в глубине, казалось, уже омертвевшей души.

Дверь была не заперта. В сенях темно и пусто. Непривычно пахло сырой землёй и затхлостью. Крепко держа Ляльку за руку, помогла ей подняться на крыльцо, осторожно взялась за скобу – с тихим скрипом дверь отворилась. Ляльку пропустила впереди себя, сама несмело перешагнула порог. Она уходила отсюда и вернулась в свой же дом, но как будто вернулась из другой жизни.

Ольга, застигнутая врасплох, стояла посреди горницы; даже не испугавшись, она не мигая смотрела на вошедших, не очень доверяя своим глазам.

– Му-ся?..

В дверном проёме комнаты возникли силуэты. Люся держала на руках Толика, Галочка пряталась за её спину.

– Ляль-ка.. – хватая пересохшим ртом воздух, вымолвила Ольга, всё так же разделяя звуки и держась за сердце, – жи-вы-е...

Лялька сделала несколько шагов к Ольге. Остановилась в нерешительности, по привычке от неловкости и волнения теребя подол истрепавшегося платица, едва слышно пропела:

– А вы правда меня ждали?..

Немцы спешно уходили. Советские войска с боями продвигались, освобождая деревню за деревней. Назавтра снова отступали. И немцы снова возвращались. Жгли, убивали, насильовали, грабили. И снова отступали. И снова наши занимали сёла, отвоёвывая каждый клочок Отечества. Земля была перемолота, перетёрта солдатскими сапогами, как сквозь сито. До оси земной пропитана кровью солдатской.

В одну из зачисток каратели угнали оставшуюся молодёжь из деревни. Люська случайно, неосторожно оказалась среди них... Долго ещё над деревней стояли вой и причитания осиротевших матерей. Долго ещё прокалённая

пыль дороги, поднятая колёсами грузовиков, навсегда увозивших детей неведомо куда, оседала на их головы, сединой покрывая волосы и ресницы.

...Юрка погиб на чужбине 8 мая 45-го года. Похоронка в деревню пришла, когда страна ликовала, празднуя Победу. Когда с фронта возвращались те, кому посчастливилось дожить до светлого завтра.

Муся не плакала. Она сидела на лавке перед большим дубовым столом. На столе перед ней лежало извещение «...Ваш сын... пал смертью храбрых, защищая...». Она молчала. «Не сберегла. Не сберегла я детей наших...» – однажды только произнесла.

После войны она вышла замуж за Петра-ветеринара. К тому времени он овдовел и пришёл к Мусе со своей дочкой Лилей. Муся пожалела его. Как потом не раз пожалела о своём решении. Пётр пил. Молчал и пил. Они оба молчали – им нечего было сказать друг другу.

Лиля стала родной в их доме. Звала Мусю мамой. И уже Лиля помогала ей поднимать подросших деток и маленькую Инку, родившуюся на счастье и не знавшую войны.

Пётр тоже воевал. Был ранен. Получил контузию, в результате которой оглох. Ехал как-то на мотоцикле. Потерял сознание. Перевернулся. Сломал ногу, но к врачам обращаться не стал. Началась гангрена. Умер от заражения крови.

Лялька выросла. В Москве выучилась на врача. Вернулась домой и стала «заместо отца», как говаривал когда-то председатель, лечить людей.

Толик мотался по городам и весям, отзываясь на комсомольские призывы возрождать страну для светлого будущего. Строил магистрали, Братскую ГЭС, спал в палатках в жару и холод. Заболел. Девять лет боролся за жизнь. Муся сидела перед его кроватью, гладила его огрубевшие руки и приговаривала «Сыночек, всё будет хорошо... Ты поправишься...».

Она пережила его всего на два года...

**Иван
ПЕЧАВИН**

ВСЁ, ЧТО ВЫСТРАДАЛ, ЛЮБЯ...

Я просто выдумал тебя,
Ко мне летящую с откоса.
Я просто выдумал, любя,
Твой стан и пламенные косы.

Я выдумал твою печаль,
Любовь огромную, как роща.
Я выдумал. И мне не жаль,
Что всё у нас гораздо проще.

Берег правый пахнет мятой,
Левый берег – резедой.
Перед нами мост дощатый,
Где встречались мы с тобой.

Ты живёшь, о чём-то споришь,
Но однажды в полный рост
Ненароком с болью вспомнишь:
Этот наш Калинов мост!

Мы плывём по стремнине на лодке,
Речка плещет матёрым лещом.
Пахнет рыбой, смолою, осокой
И таинственным чем-то ещё.

-
- Иван Петрович Печавин родился в 1942 году в Баку. Детство и юность прошли на Урале. Окончил филологический факультет Балашовского педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы. Публиковался в журналах «Аврора», «Нева», «Волга», «Волга–XXI век». Лауреат Всероссийской премии им. А.К. Толстого и литературной премии им. М.Н. Алексеева. Автор книг «От Джиды до Волги», «Яблокопад», «Северные картинки», «Огневище», «Зелёные дожди», «Избранное», «Ступени» и др. Член Союза писателей России. Живёт в селе Любимово Советского района Саратовской области.

Подгребая веслом и рукою,
Я причаляю у тихой воды.
И какое нам дело с тобою
До печали чужой и беды...

Ты наполнена лаской медовой,
Покоришь ты меня без труда.
Вот такой навсегда молодою
Я тебя пронесу сквозь года.

Прибывала вода, убывала,
Размывая проторенный след.
Было прожито радостей мало,
Было больше печалей и бед.

Были сроки – уплыли в потоке,
Только я не грущу ни о чём.
Где теперь наша старая лодка
И стремнина, что плещет лещом?

ДРУГ

Заболел мой друг единственный,
Головою не тряхнёт.
Все, какие знал он истины,
Мне, смеясь, не назовёт.

Не поднимет настроение,
Шуткой дрёму не смахнёт,
Не прочтёт стихотворение,
За столом не запоёт.

Бледный лоб и щёки впалые,
Прядь раскинутых волос.
Прячет он глаза усталые,
Потемневшие от слёз.

Были мы во всём единые,
Как упругих два крыла.
Были мы в работе сильные,
И печаль нас не брала.

Кипяток делили поровну:
Он – глоток, и я – глоток.
Поднимал на ноги поутру
Нас зардевшийся восток.

И когда брало отчаяние,
Он – ладонью по плечу, –
Будто в темноте случайно
Зажигал легко свечу.

А теперь взамен тумана,
Где искрясь горит звезда,
Перед ним стоит в стакане
Кипячёная вода.

Не могу смириться с этим
И не верить не могу.
Друг лежит, как ландыш светел,
Чист, как солнце на снегу.

На ветках, что виснут как плети,
Кленовый проклюнулся лист.
На этой зелёной планете
Когда-то и мы поклялись

Любить бесконечно друг друга
И не выделяться из масс...
Но всё же февральская вьюга
Крылом осеняла и нас.

Теперь мы мудрее и строже
Сверяем начертанный путь.
А зори здесь в чём-то похожи
На те, что вовек не вернуть.

Меж этими днями и теми,
Меж этой весной и той
Гремели дожди и метели –
И высится мост золотой.

Ну что ж, мы грустили и пели
И крест свой достойно несли.
Любовь берегли, как умели,
И жили в трудах, как могли.

Накопилось столько за душой,
Что не хватит слов тебе сказать.
Степь прикрылась мягкой травой,
Прогремела первая гроза.

На яру, где ветер крутит руки
Тополю и, будто наяву,
Старый дуб привычно ловит звуки,
Прячет их в курчавую листву.

А мотив такой, меняя краски,
Будто кто-то к празднику приник,
Будто вышел в вышитой рубашке –
В пламенных узорах воротник.

Ты, зима, опять взмахни крылом,
Напусти кудлатые метели.
Сделай светлым, что идёт на слом,
Чем душой измученной болели.

Может, нынче лучше станем мы,
Может, чище станут наши мысли
В искрах серебристой кутерьмы,
Мягко ниспадающей из выси.

По полям, по весям и прудам
Прокатись размашисто и шибко.
Я того, что прожил, не предаю.
Просто в снегопад видней ошибки.

Просто хорошо, когда метель
Пляшет чёртом, будоража сердце,
Вспомнить, что когда-то был апрель,
Голубой и ласковый, как детство.

В почве оттаяли корни,
Их не удержит ничто.
В сад прилетела ворона,
Чтобы построить гнездо.

Чёрнь после снежного сада
Стала как будто светлей.
Яблонька тихая рада –
Кто-то хлопочет о ней.

Вот молчаливый садовник
Известь мешает в ведре.
Очень приятно сегодня
Думать ему о добре.

Верить, что этой весною
Будет иное житьё.
И прошлогодней метлою
Он шуганёт вороньё.

Дождик льёт, а надо ехать.
Гром гремит, а надо плыть.
Потому что человеку
В этом мире надо жить.

Отмечать за вехой веху.
Открывать в себе себя.
Отдавать до капли веку
Всё, что выстрадал, любя.

**Ольга
ЧЕРЕНЦОВА**

УНИЧТОЖЕННЫЙ РИСУНОК

На ветке дерева сидела кобра, пристально глядя на меня. Глаза у неё мелкие, бездушные. Шея по бокам плоская, раздутая, с магическим кругом, внутри которого чернели две точки – как вторая пара глаз. Она гипнотизировала меня, приковывала к себе ледяным взглядом.

- Что-нибудь ещё принести? – подошёл ко мне официант.
- Змея! – вскрикнула я.
- Где? – Он стал испуганно озираться по сторонам.
- Вон там, видите? Кобра.

Он посмотрел на дерево и рассмеялся. Снял что-то с нижней ветки и протянул мне. Это оказался воздушный шарик-смайлик на длинной верёвке.

- Как же так, она там точно была, – разволновалась я.
- Померещилось, – улыбнулся он.

Но я могла поклясться, что видела кобру – вот как вижу сейчас эту неприятную особу за столиком напротив. Взгляд у неё тоже немигающий и ледяной. Она вроде персонажа какого-то фантастического романа – змея-оборотень: повисела на дереве – и в следующее мгновение перевоплотилась в женщину. Уже не первый раз сталкиваюсь с ней. Ко мне она не подходит, ничего не говорит, но я знаю, что она за мной следит. Даже сидя к ней спиной, чувствую её присутствие. Однажды, доведённая её назойливостью, я решила спросить в лоб, что ей нужно. Угадав мои мысли, она мгновенно растаяла на глазах. Фокусы зрения? Да нет, она мне не привиделась, об этом говорили забытые на столе её очки. Непонятно, зачем они ей нужны, если она их никогда не носит. Я взяла их в руки и увидела в стёклах отпечаток её холодного взгляда.

К врачу, который подлечил бы мне нервы, я не стала обращаться – к врачам избегаю ходить. А к главному всё-таки пошла.

– Со зрением у вас всё в порядке, беспокоиться не о чем, – обрадовал окулист.

Выходит, у меня другая проблема: рисую в уме образы и внушаю себе, что они реальные. Психотерапевт, наверное, сделал бы вывод, что это последствия нереализованного желания стать

● Ольга Львовна Черенцова – автор книг «Изгой» и «Двойник». Публиковалась в журналах: «Кольцо А», «Новый журнал», «Чайка», «Волга–XXI век», «Русский динозавр», «День и ночь», «Юность», «Молодой Петербург», «Литературная учёба», «Новый берег», «Бельские просторы», «Бийский вестник», «Побережье», «Слово/Word», «Literal Latte», «Manhattan Arts» и др.

художником. В этом виноваты мои родители. Их уже нет, а я до сих пор не могу успокоиться оттого, что они распорядились, кем мне быть. Скучаю по ним, разговариваю с ними как с живыми, упрекаю их, а потом стыдно становится, и переживаю. Иногда мне кажется, что они меня слышат и каются. Я у них поздний ребёнок – по возрасту скорее внучка, чем дочка. Они тряслись надо мной, не давали самостоятельно шагу ступить – считали, что таким образом меня оберегают. Не согласившись с моим выбором профессии, вынудили стать юристом, как и мой отец. Лучше бы я пошла по стопам матери, раз мне перекрыли путь в искусство, и выучилась бы на психотерапевта. Тогда я бы разобралась, что со мной творится: на самом деле вижу женщину-змею или теряю рассудок.

Впервые она появилась пару месяцев назад, когда у меня случился необъяснимый приступ боли. Сидела я в кресле с планшетом и читала в интернете какой-то детективчик – хотела расслабиться и отвлечься. В тот день я вернулась с работы опустошённой: сложные попались клиенты – своего рода вампиры, выкачавшие из меня всю энергию. Обессиленная, я слабо вникала в смысл текста, и чтение давалось с трудом. Неожиданно со мной что-то произошло: голову как будто забило ватой, а грудную клетку придавил кирпич. Перепугавшись, я собралась встать и пойти за водой, но мои ноги не двигались. Вдруг меня ударило током – так опишу накатившую жуткую боль. Именно в это мгновение я увидела Змею. Она вплыла в окно оторванным клочком тумана, окутавшего в тот день город. Покачавшись передо мной, она постепенно начала обретать очертания: девочки, девушки, старой женщины – не разберёшь. В её облике сочетались все трое.

– Что это?! – вскрикнула я.

В это мгновение боль отпустила, мои ноги ожили, а троица исчезла. Туман тоже рассосался – собрал все свои кусочки, застрявшие в ветках деревьев, на крышах домов, в улочках, и куда-то уплыл. «Привиделось», – решила я.

Через две недели боль вернулась и в самом неподходящем месте – в кафе. Длилась она всего минуту, и никто не успел заметить, что мне плохо. Кроме Змеи. Она сидела в двух шагах, вонзив в меня свой враждебный взгляд. У меня шевельнулась абсурдная мысль, что она и моя боль каким-то образом связаны между собой. Впрочем, не уверена – в кафе она поджидала меня и раньше, когда я чувствовала себя нормально. Не сходить ли на всякий случай к врачу? Нет, не пойду. Смешно бежать проверяться по любому поводу. «Зря не бежишь», – шепнул мне кто-то в ухо. Голос не женский и не мужской, как бесполой – трескучий. Вздрогнув, я оглянулась. Никого, только эта противная тётка сверлит меня глазами.

После визита к окулисту я приняла решение вызвать Змею на разговор и отправилась в кафе, где она меня вечно караулит. Вошла туда, заказала кофе. Вот и она – тут же уселась на стул. Я быстро подскочила к ней, чтобы успеть поговорить до того, как она испарится. Однако в этот раз она не рассеялась в воздухе – похоже, ждала меня. Вблизи её глаза казались другими – мёртвыми, без всякого выражения.

– Почему вы за мной следите? – спросила я.

Она молча смотрела на меня.

– Вы что, немая? – вспылила я. – Что за игру вы со мной ведёте?

Она не ответила.

– Да что же это такое! Кто вы такая, что вам от меня нужно?! – крикнула я и заметила, как обернулись на меня некоторые посетители.

– Что-то не в порядке? – подскочил ко мне официант.

– Скажите, кто эта женщина. Она часто сюда приходит, вы, должно быть, её знаете. Вот эта! – махнула я рукой в её сторону.

Но стул пустовал.

– Какая женщина?

– Да так, неважно, она уже ушла, – смешалась я.

Вечером меня снова прихватило. Боль, как внедрившееся в меня живое существо, расплзалась по всему телу. При малейшем движении она усиливалась, и я, боясь пошевелиться, лежала как труп. Помучив меня как следует, боль отпустила. Встав с кровати, я пошла заварить чай, предвидя, кого увижу на кухне. Так и есть – Змея стояла там с тем же непроницаемым видом. Я не стала её спрашивать, что ей нужно, и гадать, кто она – призрак или плод моего воспалённого воображения. Ответа не получу, лучше попробую найти его в дневнике мамы, где она записывала свои наблюдения о пациентах. Возможно, кто-то из них тоже имел дело с видениями. Раньше к её дневнику я не проявляла интереса. Неохота читать про людей, у которых сумятица в голове. Теперь же у меня самой сумятица.

Мама предпочитала по старинке писать от руки. Я взяла дневник, раскрыла – и нахлынула не горечь, как я ожидала, а радость. От страниц, исписанных неторопливым почерком, со слегка помятыми кончиками внизу, где часто касалась их мамина рука, веяло теплом, точно не я, а мама листала дневник. Мне даже послышался её голос – мягкий, ровный, почти убаюкивающий.

Читала я долго, но ничего похожего на мой случай не нашла. Только я собралась захлопнуть дневник, как внезапно мой взгляд поймал строчку: «Свою болезнь он расценивал как некоего врага и истреблял его в уме, это ему помогало». Прочитанное, ошеломив, натолкнуло меня на одну мысль. Мама когда-то рассказывала мне про этого пациента. Видимо, это засело у меня в памяти, и я неосознанно делала то же самое, что и он: рисовала в голове образ Змеи во время приступов боли. Правильно ли моё предположение, разбираться некогда. Главное – я поняла, как избавиться от Змеи. Когда она появилась первый раз, она состояла из кусочков типа мозаики: очертания неровные, ломаные. Это подкинуло мне идею, как с ней покончить.

Помимо этого, мне необходимо было завершить то, что не отпускало меня с детства. И я взялась за работу. Вытащила листы бумаги, карандаши, ручки для рисования, ластик. Всё это я держала в шкафу, хотя цель быть художником давно похоронила, на радость родителям. Обиды на них я больше не держала – сама виновата, я же самостоятельная личность, сама должна решать. Я чувствовала, что они рядом и поддерживают моё желание всё исправить. Змея тоже рядом, хотя вряд ли одобряет, зная, что я собираюсь её уничтожить. Пока боль не доконала меня окончательно, соберу все свои силёнки и осуществлю задуманное.

Работала я каждый день – торопилась воплотить в жизнь все рисунки, которые накопились в голове. Я чётко их видела: детали и штрихи, повороты карандаша и ручки, мельчайшие хитросплетения линий, из которых вырастают образы. Оставалось только перенести их на бумагу, а если боль пощадит и оставит меня в покое, позже возьмусь за живопись. Но боль не уходила, только слегка слабела, пока я трудилась, или, скорее, это я переставала её замечать. Я двигалась к цели – ко мне возвращались все навыки художника, которые, я боялась, уже не вернуть.

Когда затекала моя рука, скользившая по листам ватмана, я ложилась на диван, закрывала глаза и отдыхала. Передышка помогала хотя бы времен-

но восстановиться, чтобы продолжать борьбу с болезнью, на которую указывала боль. Змея – это и есть моя болезнь. Она стала частью моего организма, и я, зрительно представляя, как она живёт внутри меня, собирала всю свою волю, включала своё воображение и мысленно дробила её образ на части, стирая их ластиком один за другим. То же самое я делала и на бумаге, рисуя её портрет – разъединяла её на кусочки, лишая этим силы. Когда закончу, искромсаю портрет ножницами и превращу в бумажную пыль. Змея-болезнь меня разрушает, и я должна изгнать её из себе любым, пусть нелепым, как кажется со стороны, способом. Даже если я лечу себя фантазией – это неважно. Может, нет никакой грани между фантазией и реальностью – всё перемешано. Я должна себе помочь, не должна сдаваться.

Работая, я перестала ощущать течение времени, оно текло где-то параллельно, я выпала из него и не совсем сознавала, где нахожусь: в своём офисе, дома или в другом месте. Если не хожу в офис, почему не звонят мои коллеги, не справляются, жива ли я. Телефон давно молчит, я куда-то его бросила, да он мне и не нужен, я от всего отгородилась. Мой мир – это творчество, которое, я верила, спасёт меня, избавит от этой проклятой боли. Надо всё-таки позвонить в офис предупредить, что заболела... вызвать скорую тоже надо, но не буду, они увезут меня в больницу, и я не смогу закончить начатое. Я обязана закончить, мне уже за тридцать, а занимаюсь не тем, чем всегда хотела... Куда же делся телефон? Вон он валяется в углу, но нет сил подняться и взять его... Совсем я устала, подтяну его за шнур. Странно, откуда взялся этот шнур, как из прошлого века – длинный, скрученный в спираль. Он обхватывает кольцами мою руку, ползёт по ней к моему лицу, а кнопки с цифрами на трубке чернеют и превращаются в глаза кобры. Я отбрасываю от себя трубку, и кобра забирается под диван. Куда же подевался этот чёртов телефон?

Всё перевернулось в моей квартире и в моей голове. Лежу у себя дома, а в следующее мгновение – в больничной палате. Всё белое: стены, потолок, простыни, люди... Снова мерещится. Белизна – это белый стол, чистый белый лист ватмана на нём. Я беру ручку с чернилами, веду по бумаге линию, ещё одну, они скрещиваются, бегут по листу, выстраивая рисунок. А рядом сидят мои любимые родители. Да-да, любимые, я всё им простила, была к ним несправедлива, обвиняла, что они контролировали меня. Да, они не правы, перестарались, но они заботились обо мне, а сейчас некому обо мне позаботиться, я одна наедине со Змеей. Если бы родители были живы, они бы меня спасли, освободили бы меня от неё. Я ощущаю их руки, они гладят меня по волосам. «Мы и сейчас поможем, всё пройдёт, ты справишься», – утешают они. Я знаю, что пройдёт – я искромсала Змею в уме, раскрошила её портрет, теперь ей себя не собрать.

Внезапно лица моих родителей заслоняет женщина, и я узнаю свою соседку по лестничной площадке – медсестру Таню. Что она здесь делает?

- Вета, ты меня слышишь? – спрашивает она.
- Слышу. Где я?
- В больнице.
- Как я сюда попала?
- Тебе стало плохо, я вызвала неотложку, потом расскажу, ты пока отдыхай.
- Что со мной?
- Уже всё хорошо, ты поправляешься, не волнуйся.
- Значит, мне удалось её победить? – И я с тревогой смотрю на стул у кровати. Он пустовал.

– Ты молодец, так быстро пошла на поправку, но пока ещё нельзя вставать, надо поберечь свои силы, – не поняла она меня.

Рассказывать ей про Змею я не стала. Она не поверит. Я сама сомневалась в её существовании.

– Меня кто-нибудь навещал?

– Твои коллеги приходили.

– А женщина не приходила? Такая мрачная, молчаливая.

– Нет, не было её. Она тебе приснилась. Ты про неё что-то во сне говорила.

Таня права – мне всё приснилось. Объяснение простое: сны предупреждали меня о болезни. Они часто дарили мне идеи для рисунков, значит, и в этом случае помогли.

– Когда меня выпишут?

– Скоро, – ободряюще говорит Таня. – Ты поспи, а я через полчаса к тебе опять загляну.

Я закрываю глаза. Перед ними прыгают блики: радужные, мерцающие, разноцветные. Они крутятся, плывут, складываются в геометрические фигуры. Испытывая себя, я пытаюсь построить из них Змею, чтобы понять, жива ли она во мне. Нет, не жива. Мне удалось от неё избавиться. Помогла мама – вложила в руки дневник с правильным советом. Да, это мама, они с отцом говорили, что всегда будут рядом и будут обо мне заботиться. А вдруг она вернётся? – вклинивается тревожная мысль. Тогда буду продолжать действовать, меня уже не остановить. Не вернётся она, не вернётся.

Фигуры рассыпаются, превращаются в искры, они невыносимо яркие и горят как бенгальские огни. Это и есть огни, я держу один в руке, заливаюсь беспечным детским смехом, я опять девочка, а рядом улыбаются мои родители, видя мой восторг. Они со мной, как и обещали.

Таня вошла в квартиру. С того дня, как она обнаружила там Вету без сознания, не было ни минуты привести всё в порядок: сплошные дежурства в больнице. «Сегодня надо всё убрать – завтра утром Вету выпишут. Нельзя приводить её в эту помойку», – думала Таня, сокрушённо озираясь. Квартира выглядела разгромленной, точно по ней пронёсся ураган. На полу валялось всё подряд: мусор, карандаши, одеяло, подушки и опрокинутая чашка с вытекшей из неё лужицей кофе, в которой утонул кусочек бумаги. Разрезанной на мелкие кусочки бумагой была усеяна вся комната, а из-под дивана выглядывали ножницы.

«Так ей стало плохо, что она не соображала, что творит. Повезло, что себя случайно не поранила, – вздохнула Таня, поднимая ножницы. – Ну почему она молчала, мне ничего не сказала, терпела. Что за дремучесть бояться врачей!». Она вспомнила, как, встревоженная долгим отсутствием соседки, открыла её дверь (благо та на всякий случай оставила ей ключ от своей квартиры) и нашла Вету на полу.

«Хорошо, что всё обошлось. Всё-таки чудо, с такой скоростью поправилась! Какая она молодец, боролась», – с улыбкой подумала Таня. Врачи тоже изумлялись: «Привезли её в таком тяжёлом состоянии, а буквально через пару дней выздоровела».

Таня разложила всё по местам, протёрла пыль. Оставалось ещё подмести и смыть пятна кофе с пола и мебели. Судя по количеству пятен, Вета пила кофе непрерывно. Стирая их, Таня подошла к столу. На нём лежали разбросанные рисунки. Войдя в квартиру, она поначалу не обратила на них внимания, а складывая их в стопку и невольно рассматривая, заинтересовалась.

В искусстве она не разбиралась, любила работы, в которых всё ясно, где человек, где предмет, а не что-то этакое замысловатое, не поймёшь, где нос, где рот, а вместо натюрморта – какая-то неразбериха. Однако эти рисунки чем-то её зацепили. Неожиданно она уловила боль автора – и не только физическую, с какой Таня ежедневно имела дело, а душевную: она почувствовала страдания, метания и даже проблеск надежды. Сама не ожидала, что оказалась способной разглядеть это в столь фантастических рисунках. Только один из них был реалистичный, и Таня сразу узнала, кто на нём изображён – родители Веты.

«Здорово получилось! Вылитые они! Неужели это Вета нарисовала? Я понятия не имела, что она умеет, – удивилась Таня. – Взгляд у них прямо живой».

На секунду ей даже показалось, что действительно живой.

Она аккуратно сложила рисунки, затем выгребла из всех углов кусочки бумаги с черневшими на них обрывками каких-то линий. На одном из них темнел глаз, но какой-то необычный – с узким вертикальным зрачком, разрезанным пополам карандашом.

Убрав всю квартиру, Таня открыла окно, чтобы проветрить помещение. Пока она возилась, улица побелела, воздух стал свежим и чистым. «Вот и зима», – улыбнулась Таня, как всегда, чувствуя какое-то обновление при появлении первого снега. Впереди дежурства, новые пациенты, бессонные ночи, облегчение и радость оттого, что кто-то выздоровел.

Она закрыла окно, погасила везде свет и поехала в больницу за ожидавшей её Ветой.

**Оксана
СОСНИНА**

ДУХ ДОМА

СИРЕНЬ СО ШКОЛЬНОГО ДВОРА

Сирень со школьного двора...
Как много можешь ты поведать!
Стихи, экзамены, победы
И выпускные вечера

Не обходились без твоих
Пьянящих запахов весной.
Был воздух напоён любовью
Впервые встреченных двоих.

И молча падали в тетрадь,
И разлетались на соцветья
Слова ушедшего столетья,
Сирени белой благодать...

А сердце рвалось из груди,
Свободою душа дышала!
Казалось нам: сирень – начало
Того, что ждёт нас впереди.

УДМУРТИИ

Просквожённая ветром насквозь,
Уходила в свою тоску...
Всё обвалы и скалы. Врозь.
Уезжаю, а обрету ль?

Часть меня – вся природа здесь.
Я за небо душу отдам.
Солнце, звёзды, деревья... Цвествь
Без меня луговым цветам.

-
- Оксана Геннадьевна Соснина родилась в 1972 году. Окончила УдГУ в Ижевске. Филолог, преподаватель, переводчик. Публиковалась в литературных журналах «Луч», «Территория жизни» и др. Детские стихи опубликованы в журналах «Путеводная звёздочка» (Москва), «Рюкзачок» (Минск), «Детское чтение для сердца и разума» (Москва) и др. Лауреат и дипломант литературных конкурсов «Поэзия русского слова», «Словенское поле» и др.

Родники благодатной земли
И роса в изумрудной траве,
Облака, что плывут вдали, –
Это всё не найду нигде.

Не забыть близких мест красу...
Тяжесть милой, родной земли
С благодарностью пронесу
В сердце, что о былом болит.

Синий домик, дороги круть,
Заливные луга, река...
Не предать и не обмануть,
Пронести через жизнь в веках.

Любовь не всегда обростает детьми,
домами, ночными грехами...
Любовь – это чувство, когда прорасти
друг в друга мы можем стихами.
Тогда на излёте умчавшихся лет
не важно, что было, что будет...
Вдвоём мы, как в юности, встретим рассвет,
который в нас чувства разбудит.

ДУХ ДОМА

(Из поэмы
«Дом в Борисоглебском»)

Марине Цветаевой

Окно – косящим глазом – в голубей:
Воркуют и целуются, шальные...
То юности свидетели живые
Встречают моих преданных друзей.

Гранёная – о, сколько в ней углов,
О, сколько тайн, непостижимо слитых! –
Та комната, что мною не забыта, –
Убежище, и логово, и кров.

В простенок втиснутый – как длинен! – стол
Сокровища хранит почти бесценные:
И Сириин-птицу чуть посеребрённую,
И Девы Нюрнбергской шипастый кол.

Под росчерком летящего пера
Ложатся на бумагу строки-звуки,
Рождённые душой сквозь боль и муки,
В мир упорхнувшие с дубового стола.

Пугающе-манящий лютый зверь –
Он шкурой лёг у низкого дивана,
Он сторожит и приглашает – странно! –
Стать частью комнаты моих друзей.

Наполеон, и Сара, и Эфрон,
«Орлёнок» юный, и Тучков Четвёртый...
И Амазонки слепок, чуть потёртый,
Поселены навеки в доме том.

Стекла мурановского бусы – по стенам,
И панцирь черепахи, люстра в синем
Созвучны с именем моим – Марина...
А дом – корабль, бегущий по волнам.

И с робостью, и с радостью в груди
Когда-то в комнату входила Аля –
Я приглашала, нежно убеждая,
Её сюда, где дома дух, войти.

Как счастливо мы жили здесь втроём!
И танцевали, юные, на крыше.
Согреты солнцем, забирались выше,
Чтоб рифы обходил корабль-дом.

И разливался лучезарный свет:
Пронзительная юность – утра нега!
Ах, если б не было разлуки и побега,
О, сколько б здесь прошло счастливых лет!

Из дома – нет, Марина! – не спеши!
Ведь дом-корабль – дагерротип души...

**Марина
СТРУКОВА**

СНОБ

– Фу, беспородный!

Высокий мужчина притопнул на Шарика, который, доверчиво виляя хвостом, приблизился к нему по осенней аллее.

– Вы что? – возмутилась Вера. Своего пса она взяла из приюта, но вовсе этого не стыдилась.

– Я же не ударил. Просто неприятно, когда рядом вертится такое убожество.

– А вы, наверное, аристократ? Трудно живётся в хрущёвке? – усмехнулась Вера. Она пару раз замечала, как мужчина выходит из соседнего дома.

– Хрущёвка – это временно. Я думаю о поместье на участке собственного леса, – заявил незнакомец и окинул её холодным взглядом серых глаз.

Мужчина был хорош, но немолод – ему было около пятидесяти лет. Вера в свои тридцать пять считала этот возраст рубежом между зрелостью и старостью.

Чёткие черты загорелого лица, тёмные брови вразлёт, короткие густые волосы с проседью, как волчий мех. Чувственные губы незнакомец сжимал в тонкую линию, возможно, потому что не желал демонстрировать ни малейшей мягкости. Джинсовый костюм, кроссовки. Джинса молодит. Фигура статная, наверное, когда-то увлекался спортом.

– Не стоит размениваться на посредственное. Нужно быть выше толпы! – продолжал он пафосно.

– И в чём это выражается?

Она подняла брови. Может быть, незнакомец – поэт или писатель? Такому, наверное, неуютно в их скромном городке.

– Например, вот моя машина. – Он махнул рукой в сторону стоянки, где тускло мерцал серебристый спорткар. – Скорость 270 километров в час. Таких в нашем городе только три. На трассе остальные тачки расступаются в стороны, как только завидят её хищную морду. На улицах люди шеи сворачивают, когда я еду. Это мой единственный друг. Кстати, как вас зовут?

Они представились друг другу.

● Марина Васильевна Струкова родилась в п. Романовка Саратовской области. Окончила Гуманитарный университет. Работала учителем, корреспондентом, корректором. Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «Москва», «Нева», «Подъём» и многих других. Лауреат конкурсов «Прекрасные порывы», им. Н. Некрасова, им. Ю. Кузнецова, «Добрая лира». Автор четырёх поэтических сборников. Живёт на Тамбовщине.

Вера не разбиралась в машинах, но её заинтересовал сам Владислав, или просто Влад. Он показал ей своё приобретение, стряхивая невидимые пылинки с серебристой краски. Вера изобразила восхищение. Но поняла, почему таких машин мало в городке. В салоне поместятся только двое. Мест для семьи, большой компании и даже для багажа – нет. Низкая машина на грунтовой дороге пересчитает днищем все кочки. Сокровище Влада было вопиюще непрактичным и подходило скорее мальчишке-мажору, который хочет пустить пыль в глаза ровесникам.

– Эта машина выражает мой характер, – откровенничал Влад.

Какая философия заключалась в вытянутом капоте и маленькой кабине, он не уточнил.

«А если говорил о скорости – невелика честь обгонять местных обывателей! – подумала Вера. – Здесь не «Формула-1».

Название машины ничего ей не сказало, но дома она набрала его в поисковике, вышло немало ссылок и фото. Одно показалось знакомым – это был региональный сайт продажи подержанных машин, и там красовался спорткар, которым хвастался Влад. На фотографии из салона мелькнула знакомая наклейка с мордой монстра. Вверху подвеска – крошечный футбольный мяч. Цена была довольно низкой, а под картинкой надпись: «продано». Видимо, объявление вот-вот удалят. Вера поняла, Влад не мог позволить себе машину с конвейера, поэтому купил подержанную.

Разумеется, при следующей встрече она промолчала о своём открытии. Поговорили о новостях, но Влад быстро вернулся к любимой теме.

– Брендированные вещи – показатель статуса. Я ношу только фирменное. «Почему он любой разговор сводит к покупкам?» – удивлялась Вера.

По её мнению, быть выше толпы означало не подчиняться диктату общества, иметь собственное суждение обо всём, наконец, реализоваться как талантливый человек в сфере искусства, бизнеса или политики.

Конечно, если бы Влад не был высоким и симпатичным, она бы не слушала его подолгу. Но у него был медальный профиль и косая сажень в плечах, любой вздор из уст такого мужчины ласкает женский слух.

«Как наивно он хвастается», – думала Вера с улыбкой.

– Дорогие вещи без слов транслируют, что перед вами VIP-персона. – Влад поправлял новую куртку. Да, красивую. Но разве не такие же продают на местных рынках?

Вера не могла по достоинству оценить его покупки. Она начала проникаться осознанием собственной серости. Ну правда, разве трудно зайти на сайты, где пишут о моде? Разве сложно самой закупить фирменных шмоток? Вера была достаточно обеспеченной, но не придавала особого значения одежде и аксессуарам. И если сидела в интернете, то на сайтах, посвящённых искусству.

А не презирает ли её Влад в глубине души? За обычные вещи, за незнание трендов и брендов?

Через несколько дней, гуляя по центру городка, она заметила своего знакомого. Влад вышел из своей забавной машины и нырнул в одну из дверей старинного здания. Двухэтажное, облезлое, оно сохранилось с дореволюционных времён. Кто только не занимал его комнаты – чайная лавка, парикмахерская, химчистка, пивная. Над дверью не было вывески, но холодный свет потолочной лампы за мутным стеклом сигнализировал – здесь разместилась организация.

Вера отошла к киоску с газетами и стала искоса наблюдать. Наконец мужчина появился с большим пакетом и зашагал мимо, поглощённый мысля-

ми о своём приобретении. Заинтригованная, Вера перешла дорогу и медленно открыла дверь. Может быть, там продают что-то полезное? Навстречу пахнуло тухловатой духотой. Кондиционер не работал. Повсюду стояли коробки с яркими мятыми вещами. Слева и справа на длинных вешалках висели вперемешку кофты, джемперы, брюки разных размеров, мужские и женские. В центре пёстрого царства суетились две продавщицы, одна пожилая, с помятым лицом, другая молодая, бледная, с кругами под глазами.

– Здравствуйте. Это благотворительный фонд? – поинтересовалась Вера. Она решила, что груда поношенных, но чистых тряпок собрана для немощных пенсионеров или многодетных семей.

– Добрый день. Здесь секонд-хэнд. – Пожилая продавщица выпрямилась, утирая пот со лба.

Вера брезгливо коснулась мятого ценника на кофте с растянутыми рукавами. Оказалось, стоит эта потрёпанная дерюжка около тридцати тысяч. Продавщица пояснила:

– У нас только фирменные вещи.

Вера представила, как от этой кофты избавляется американская домохозяйка или родственники умершей женщины сбывают с рук старую вещь, чтобы не напоминать об утрате.

Она отдернула руку. Но один плащ показался ей красивым. Вера взяла его, зашла в раздевалку, накинула на плечи. От ткани шёл тот же тухловатый запах, что и от остальных вещей. Вера поморщилась, сняла плащ, поспешно вернула на вешалку. Это хранилище понтовых обносок вызывало у неё отвращение. Лучше она купит обновку в обычном магазине, чем станет донашивать за незнакомцами. К тому же ей было непонятно, в чём ценность фирменных вещей, почему надо гнаться за ними, гордиться ими, страдать без них? В качестве? Но чем отличается вот эта белёсая маечка, сшитая в Финляндии, от такой же майки из Иванова? Надписью на этикетке?

Влад, не имея возможности покупать новые фирменные вещи, ходил за ними в секонд-хэнд, брал поношенные иностранцами или богатыми русскими. В одежде с чужого плеча стареющий красавчик чувствовал себя уважаемым джентльменом или играл роль, ведь сам-то знал, где пополнил свой гардероб.

– Да, я понимаю, что у него комплексы, что он самоутверждается, но мне нравится его внешность, – делилась Вера с подругой.

– Знаешь, как это называется? Эмоциональное обслуживание. Ты трастишь на него время, а есть ли смысл? – спрашивала практичная собеседница.

– Мы просто болтаем, – оправдывалась Вера.

Когда речь зашла о личной жизни, Влад тоже не ударил лицом в грязь.

– В начале «нулевых» мной увлекались победительницы конкурсов красоты. Например, «Мисс Саратов». Я учился в этом городе. Но тогда мне дала отставку дочь местного олигарха, а я из принципа решил жениться на ней. Завоевать «золотую девочку» оказалось сложно, но вскоре после свадьбы она наскучила мне. Потом были ещё два брака. Теперь я свободен и связываться с кем попало не намерен.

– Вам нужна особенная женщина, – униженно поддакивала Вера.

Понимала, что Влад заметил её симпатию и сразу дал от ворот поворот. Она злилась, но не могла победить зависимость от случайного знакомого. Пыталась представить себе его новую спутницу. О, это должна быть интеллектуалка и красавица, типа начинающей преподавательницы университета или молодой, но уже состоявшейся бизнес-леди. Гордая и холодная, как он, безупречно стройная и шикарно одетая. Ведь у него такие запросы!

И грянул гром. Вера увидела Влада под руку с высокой блондинкой. Пухлые гиалуроновые губы, татуаж бровей и прочий «улучшайзинг» были налицо, этого и следовало ожидать. Но взгляд казался усталым, отрешённым. Кто же она – особенная, таинственная незнакомка?

Влад едва заметно кивнул Вере, впрочем, кивок мог предназначаться старухе, которая сидела рядом с ней на лавочке. По спине блондинки спускалась длинная толстая льняная коса. Вера тяжело вздохнула. Старуха проводила парочку цепким взглядом, а потом обратилась к Вере.

– Видела? Повёл свою. Тут в соседней квартире шалман был, проститутки жили. Уж как мы боролись с этим безобразием, заявления писали. Наконец куда-то перебрались. А эта краля у них «мамкой» считалась. Ох, и бывала... Он-то знает?

– Знает. Он любит подержанные вещи, – с деланным равнодушием заметила Вера. – Но коса у неё красивая, правда?

– Искусственная, как моя челюсть, – ухмыльнулась старуха.

**Елена
ВЕЛИЧКО**

УВИДЕТЬ «ИЗНАНКУ МИРА»

О ПРОЗЕ МАРИНЫ СТРУКОВОЙ

Марина Струкова – прозаик, работающий в основном в жанре, близком к магическому реализму. Грань между миром вымысла и обыденной жизнью в её текстах размыта, чудо проявляет себя в декорациях современного города или исторических событий, сказочные персонажи сталкиваются с обычными людьми в самый неожиданный момент.

Рассказы этого автора вы могли видеть в изданиях «Москва», «Нева», «Волга–XXI век», «Дрон», «Российский писатель», «Огни Кузбасса», «Роман-газета». В 2023 году Марина Струкова представила читателям свою книгу «Хозяйка. Рассказы о людях и нелюдях», где рядом с давними текстами соседствуют новые. В частности, две мистические повести – «Наследница» и «Комиссар Тулкин». Действие первой происходит в обстановке современного Заполярья, второй – столетие назад на юге России.

У большинства произведений Струковой есть общие черты – присутствие сверхъестественного и множество аллюзий на сказки, легенды, былины.

Наряду с мифологией и фольклором писательницу интересует краеведение, поэтому в некоторых её текстах в качестве хронотопа используется историческое прошлое региона, хорошо знакомого автору, – Тамбовщины. В то же время наряду с просторами России в её произведениях возникают зарубежные локации.

Можно сказать, что писательница подпитывается не только национальным фольклором, но и всем мифологическим наследием народов Земли. Так, в её текстах оживают кельтские предания, а по соседству с русскими сказочными персонажами живут таёжные духи северных широт. Из этого можно сделать вывод, что Струкову интересует мифология как таковая, писательница черпает из неё скрытые знания об устройстве мира, которыми люди владели в старину. Автор показывает, что даже сейчас,

-
- Елена Юрьевна Величко – поэт, прозаик, публицист. Родилась в г. Королёв Московской области. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Член координационного бюро Совета молодых литераторов Московской области СПР. Руководитель Литературного клуба «Феникс» и Союза молодых литераторов «Финист». Лауреат литературных премий им. Р. Рождественского, им. С. Дурылина, конкурсов «Россия – земля моя» и «Живая память Великой Победы». Публиковалась в изданиях «День и ночь», «День литературы», «Маяк», «Пятью пять», «Муза», «Литературное Подмосковье» и других.

когда духи природы забыты и вытеснены цивилизацией на периферию, они тем не менее продолжают жить и влиять на человеческий мир.

Кроме языческих воззрений в произведениях Струковой нашли своё отражение и христианские образы и смыслы. Автор признаётся: «Жития святых, их аскетические подвиги интересны мне с точки зрения психологии – на что способен человек ради веры, каково святым среди обычных людей, не способных постичь их взгляды».

Итак, рассмотрим тексты Марины Струковой более подробно. «Адель» с подзаголовком «Сказка Серебряного века» переносит нас в предреволюционную Российскую империю. Однако движущей силой повествования становятся не русские мифические существа, а ирландские феи дуун-ши, привезённые в нашу страну. Если вспомнить ту беспокойную эпоху и противоречивую культуру Серебряного века, многочисленные приметы которого мы обнаруживаем в тексте, то переселение фей на русскую почву уже не кажется чем-то необычным. Дуун-ши берут под своё покровительство малышку Адель, для которой это, с одной стороны, благо, потому что «мирный народ» заботится о ней, наделяет необыкновенной красотой и даже даёт попробовать яблоко с Древа жизни; а с другой стороны, это превращает девочку в бесчувственную куклу. Она никого не могла полюбить и никем не восхищалась, потому что в человеческом мире «ей не встречалось красоты без порока». Героиня ищет идеал, которого нет среди смертных, и всему виной – её близкое знакомство с потусторонним миром.

Адель лишена чувств и эмоций: равнодушно терпит насилие, не плачет о смерти отца. Даже революция, перевернувшая всё вокруг с ног на голову, не нарушает ледяного покоя её души.

Окружающие видят, что Адель не такая, как они: «Все чего-то ждут от Адели. Соседки во дворе рассказывают ей сплетни и смотрят с коровьим любопытством, когда она не реагирует на их рассказы. Друзья Кукиша травят анекдоты, надеясь рассмешить его кралю, и недоумённо замечают: «Несмеяна чёртова». Финал этой истории открытый и неоднозначный. Когда героиня выходит в окно, мы не знаем, что это – самоубийство или прорыв в иную реальность, где девушку подхватят на руки легкокрылые феи, как уже случилось в её детские годы.

Рассказ «Батя» чем-то напоминает гоголевского «Вия», только антураж описанных событий не малороссийский, а северный, поморский. Главный герой, молодой преподаватель Егор, попадает в рыбацкую деревню, жители которой рассказывают легенды о своём происхождении от некоего морского чудовища. Егор не верит преданиям, считая их всего лишь образцами устного народного творчества, пока однажды не сталкивается с монстром лицом к лицу. Эта встреча не случайна: Егор должен понести наказание за предательство и непреднамеренное убийство своей возлюбленной. Рассказ местами приближается к хоррору. И всё-таки даже у «хозяина придонного», или «Бати», как его ласково называют местные, оказывается достаточно милосердия, чтобы пощадить раскаявшегося грешника. Егор, по сути, всю ночь исповедуется чудовищу – этим он не только облегчает душу, но и, как Шехерезада, старается отсрочить момент своей гибели. И всё-таки, как это обычно бывает в сказках и быличках, провинившийся персонаж не остаётся без справедливого воздаяния: «По вечерам бывшего профессора видят на берегу, он собирает в карманы засаленного ватника разноцветные камешки. Теперь Егор ни о чём не тревожится, никому не мстит, ничего не стыдится. В его душе царит тихая, бессмысленная радость». Таким образом, показано, что силы природы способны карать и миловать.

Следующий рассказ, «Город Солнца», максимально реалистичен. Во всех подробностях описана жизнь богемы, студенческие пьянки в общении, неприкаянные дети, которые вынуждены быть взрослее своих родителей. Главная героиня Надя носит «печать бесприютности и ненужности на всём облике». Если говорить о творческой студенческой тусовке, то автор справедливо отмечает: «Каждый здесь по-своему болен. Но в душе считает себя неординарной личностью, чью философию не постичь большинству». Читатель становится свидетелем множества нелюбимых сцен: как дочь Нади, Танюшка, пытается увести мать с очередной попойки, как утром дети собирают и сдают пустые бутылки, как Надя на спор прогуливается голой по коридору.

И на контрасте с этим постыдным существованием подаётся мечта о другой жизни. Надя зачитывается сектантской книгой «Сибирский Завет» нового проповедника Христа – Григория. Окружающие смеются над молодой женщиной, но однажды она решает вырваться в ту более истинную, по её мнению, реальность, «где собрались художники и поэты, где вечером водят хороводы вокруг костров и все готовы помочь друг другу – братья и сёстры...». Танюшка, как и читатели, относится к её задумке скептически.

Обстановка накаляется до предела, когда женщина с ребёнком оказывается одна в морозной тайге на исходе дня. Читатель уже приготовился к худшему, но внезапно происходит чудо. Не для всех, но происходит. Из леса появляется старик и забирает девочку. Как расценивать этот финал? Как спасение ребёнка или как аллегорию гибели? И почему в лес отправляется только дочь, а мать, которая так мечтала попасть в сибирское братство, остаётся замерзать на снегу?

Автор не даёт однозначных ответов на эти вопросы. Но то, что Танюшка, отправляясь в неведомое будущее, упорно цепляется за свою гитару – то есть за свою мечту, как бы намекает на возможность спасения. В конце концов, именно она, а не её безалаберная мать была главной «Золушкой» этого произведения, а значит, по законам сказочного жанра ей полагается награда. А уж в каком мире будет эта награда – в нашем или ином (как, например, у Достоевского в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке»), не так уж важно.

Отдельно нужно отметить произведения Струковой о святых. Рассказ «На высоте Рая. Даниил-столпник» повествует о христианском подвижнике древности. Вдохновившись столпничеством другого святого, Симеона, главный герой, подвизавшийся в монастыре, задаётся вопросом: «А где подвиг Даниила? Неужто здесь, среди роз и олив?» Так, в стремлении к большему и создается этот прочный как скала человеческий характер. Автор показывает, как дьявольский шёпот искушает подвижника, но тот остаётся твёрд. Не двигаясь с места, Даниил словно магнит притягивает к себе людей со всей округи. Кто-то из них желает подражать его святости, а кто-то хочет сбить аскета с пути истинного. Но даже пришедшую к нему с дурными намерениями блудницу Даниил отправляет обратно и одаривает, тем самым спасая от рабства. Сильный духом человек может творить великие дела, даже если удалён от мирской суеты. Он, как свеча перед Господом, горит непрестанной молитвой и освещает путь заблудшим. Также в рассказе возникает тема непонимания святого окружающими. Они пекутся о мирском, а он – о духовном. Люди приводят Даниила в чувство, когда он лежит без сознания, в то время как подвижник видит перед собой райские чертоги, от которых ему остаётся вещественное доказательство их реальности – живой цветок... «Вот что осталось мне от рая, из коего вы меня похитили, – хочет упрекнуть Даниил, но только вздыхает».

В рассказе «Среди добрых людей. Саламан Безмолвник» противопоставление святого и толпы ещё более выпукло и местами даже гротескно. Отшельник ищет уединения, но люди досаждают ему бесконечными бытовыми вопросами. А получив ответ, они всё равно недовольны. Тогда Саламан даёт обет безмолвия и закладывает проход в свою келью камнями. Из живых существ он привлекает только камышового кота, которого однажды спас. Но настойчивые «почитатели» вытаскивают старца из его убежища.

В рассказе наряду с философскими рассуждениями немало юмора. Впрочем, старец, как заповедовал Христос, старается не сердиться на людей и принимать их такими, какие они есть. Примечательно, что незваные гости появляются именно в те моменты, когда Саламан, кажется, наиболее близок к небесам. «Завеса бытия, скрывающая Бога, истончилась. Должно быть, в такие часы людям являются ангелы! Саламан пытается представить, как это происходит: в сумраке появляется искра, разгорается ярче, сияние заливаёт всё вокруг, и в этом сиянии начинает вырастать крылатое существо. Да, сейчас он увидит чудо!.. Вдруг раздаётся топот, Саламан вздрагивает, выглядывает в окно. Из-за поворота появляется группа мужчин. Они весело переговариваются. Окликают старца, а когда он не отвечает, начинают долбить каменную кладку».

Но кто знает, может, в этом тоже был промысел Божий? Может быть, «добрые люди» спасали старца от прелести, в которую тот мог бы впасть, чересчур увлекшись своими духовными переживаниями?.. Так или иначе, только покорившись народной воле и смирившись с реальностью, Саламан приближается к тому, чего взыскует его душа: «Вера без дел мертва. Людям, чтобы оживить добродетель, Бог послал меня, угрюмого отшельника. А отшельнику, чтобы не очерствел душой, – простого кота. О каждом творении – особый промысел. Сразу не разгадать. Старец улыбается. Река отражает ангела».

Повесть «Комиссар Тулкин» обращается к одному из самых трагических периодов в истории России – послереволюционному времени. Место действия – Тамбовщина, где в своё время развернулось противостояние крестьян-антоновцев и большевиков. Главного героя зовут Макар Весёлкин. Тут не просто говорящее имя, а некий концентрат. «Макар» значит «блаженный», да ещё и «Весёлкин». Но именно этот герой, как мы узнаём из предисловия, пропал без вести из своего дома – «и концы в воду».

Текст повести представляет собой дневник Весёлкина. Этот выходец из крестьян поддержал революцию, а затем пошёл служить в ЧК. И там он столкнулся со своим начальником – комиссаром Тулкиным, который почти сразу раскрыл свою не совсем человеческую сущность. Однажды Весёлкин стал свидетелем сцены допроса: «В углу сжался полуголый заключённый – щуплый мужичонка с небольшой бородой. А над ним, спиной ко мне, нависло странное существо. Оно раскинуло в стороны шесть длинных щупалец, выроставших из спины». Как выясняется впоследствии, Тулкин, подобно героям рассказа «Батя», сродни мифическому существу, болотному владыке. Есть в тексте и аллюзия на знаменитого персонажа произведений Лавкрафта, так сказать, его русифицированный вариант, – подводный царь Тулку. Именно в честь него, как несложно догадаться, и получил свою фамилию бравый комиссар, прославившийся своей беспощадностью на допросах.

В этом произведении фантастика приобретает скорее аллегорическое значение: с помощью неё автор подчёркивает антигуманную сущность красного террора. Из уст арестованного священника звучит как приговор: «Сейчас не белые, не красные друг с другом борются, а нелюди с людьми...». А Тулкин говорит своему подчинённому: «На моё место метишь? Так ты не выдер-

жишь, Макарка! Вижу, что мягкотелый ты, добренький. Опять же люди – тебе сродни. А я не человек уже, нет во мне ни капли жалости к врагам Советской власти. Всех уничтожу».

Однако нельзя сказать, чтобы автор мазала без разбора всех большевиков чёрной краской. Тот же Макар Весёлкин изображён человеком сложным, противоречивым, способным любить, по-своему порядочным и сострадательным. Кроме преданности делу революции у него есть и свои моральные принципы. И когда одно с другим вступает в противоречие, тогда он начинает мучиться, сомневаться и в конце концов оставляет службу. Однако болезненный раскол в душе героя уже произошёл, а от прошлого не так просто избавиться. Вот и начинает преследовать Весёлкина подводный владыка, как в русской народной сказке, чтобы однажды утащить в своё царство.

В рассказе «Мёртвый, добрый» удивительным образом переплетены приметы хоррора и лиризм писателей-деревенщиков. Главный герой, мальчик Мишка, до полусмерти напуган, увидев пришедшего к нему с того света деда. Но, как выясняется в финале, намерения у мертвеца самые благие, а внука он искренне любит и хочет ему добра. Так страшилка превращается в забавную и одновременно трогательную историю о непростых семейных отношениях, а смерть побеждается любовью.

Повесть «Наследница» – ещё одно крупное прозаическое произведение Марины Струковой. Главная героиня Нина – внучка шамана – хочет покинуть Север, но её судьба – остаться там и унаследовать искусство деда. Снова автор показывает конфликт между цивилизацией и природой. Приезжие люди не понимают специфики таёжного края, не чтят местных обычаев, за что один из героев едва не поплатился жизнью. И только самоотверженность любящей девушки помогла ему вернуться живым из тайги. В повести зримо представлены верования народов Севера: «В их племени если шаман не может справиться с врагом, он собирает части мёртвых тел животных и жилами сшивает куски падали. У существа могут быть оленьи ноги, чтобы быстро бегал, медвежьи лапы, чтобы заломать жертву, и голова мертвеца, чтобы хоть что-то понимал. Бывает, пришивают существу лапы нерпы, чтобы могло плавать, крылья птицы, чтобы летало. А потом шаман оживляет его и отпускает. Чудище это ведомо одной целью – уничтожить человека, ненавистного шаману». Подробно описан шаманский обряд, который Нина проводит впервые, действуя по наитию. Чувствуется, что автор не только хорошо разбирается в теме, но и способен вживаться в своих персонажей с самыми разными религиозными взглядами и мировоззрениями, видеть мир их глазами.

Герой рассказа «Пятое сердце» – человек, принадлежащий к чуждой для нас культуре. Его родина – «благородная Англия – страна завоевателей и просветителей», к тому же он – один из сильных мира сего, представитель элиты. Ему ничего не стоит каждый раз подыскивать для себя донора и делать операцию по пересадке сердца только для того, чтобы сохранить иллюзию молодости. В погоне за вечной жизнью герой не останавливается ни перед чем – соглашается, по сути, на убийство, а также использует препараты, изготовленные из человеческих эмбрионов. В нравственном отношении этот человек – чудовище, но он принадлежит к верхушке общества и как будто неподсуден. Странная прихоть заставляет его изучать судьбы доноров, от которых он наследует сердца. Череда повторений напоминает сказочную композицию.

Но однажды Дэррик хочет слишком много: сердце воина. В данном случае герой уподобляется пушкинской старухе из «Сказки о рыбаке и рыбке» и под конец теряет и покой, и безопасность. Автор показывает, как война

необратимо влияет на человека, изменяя и подчиняя себе всё его существо. Сердце, привыкшее к убийствам, хочет убивать снова и снова.

В рассказе «Сквозь землю» тоже присутствуют фольклорные мотивы: герой стал жертвой проклятия и должен провалиться сквозь землю. Вершинами человеческих судеб здесь становятся древние каменные бабы, которых почитают сельчане.

Главный герой Артём – военный, ставший косвенным виновником смерти двоюродного брата. Неслучайно в рассказе звучат библейские слова, отсылающие к истории Каина и Авеля. Вообще, то, что происходит с Артёмом, представлено справедливым воздаянием за грехи: «Его собственные руки лучше всего умеют убивать – они держали автомат и пистолет, гранату и нож. Он и без оружия способен свернуть шею любому. Привык побеждать. И не думал, что когда-нибудь окажется бессильным против обстоятельств. Странное, страшное происходило с ним, заставляя впервые ощущать себя жертвой». Так же, как и в рассказе «Пятое сердце», показано, что война может покалечить, обезобразить человеческую душу. А природа предстаёт оплотом справедливости и равновесия.

В рассказе «Снегурочка Ада» обыгрывается сказочный сюжет, при этом автор воссоздаёт в антураже 20-х годов двадцатого века древний языческий обряд с человеческим жертвоприношением. В центре повествования – комсомольская активистка, добровольно отвергшая простонародное имя Авдотья и выбравшая себе экзотичное – Ада. Как и в «Комиссаре Тулкине», здесь показана деятельность большевиков на Тамбовщине, притеснение местного крестьянства. Исторический реализм причудливо переплетён с мифологическим сюжетом. И хотя, кроме языческого обряда, ничего сверхъестественного в тексте не показано, ощущение ирреальности происходящего зашкаливает. В финале повествования Ада наказана, но не смертью. Подобно персонажу рассказа «Батя», она помрачается рассудком: «Свесив ноги в валенках, она сидит на полатах и сосёт карамельного петушка. Мать тащит из печи противень с караваем, согнув худую спину. На печи не страшно, сюда не сунется Карачун». Таким своеобразным способом происходит возвращение героини к корням, к традиционному быту.

Сказка «Хозяйка» также обыгрывает традиционный сюжет, помещая на этот раз уже в наше время настоящую Бабу Ягу. Трёхчастная композиция соответствует жанру. Два персонажа, завладевшие лесом, где живёт Хозяйка, погибают, а третий, как и положено, Иван-дурак, живёт долго и счастливо. Правда, со стороны кажется, что непутёвый художник сошёл с ума. Но только он сам и лесная старушка знают про «изнанку мира», куда может заглядывать Иван. Снова, как в рассказе «Город Солнца», автор предлагает эскапизм, бегство от унылой современности в край волшебства и грёз. Мир этот, подобно райскому саду или заповедному Беловодью, сокрыт от посторонних глаз, но тот, кто захочет, обязательно туда попадёт.

Собственно, именно «изнанку мира», его тайную суть и выбирают дальновидные героини Марины Струковой. А тех, кто совершает проступки и преступления, всегда ожидает расплата. Красота вкупе с истинной растворяется в природе, прикосновение к земле позволяет приблизиться к пониманию сути вещей и просветлению. А противление этой стихийной силе, упор на рационализм и преклонение перед цивилизацией приводят человека к полному краху. Фольклорное наследие привлекает автора как сокровищница знаний о мире. Архетипические сюжеты актуальны во все времена. Добро и зло – неизменные понятия, научный прогресс вторичен, а ценностью обладает, прежде всего, человеческое сердце.

**Сергей
ПЫЛЁВ**

ЛУЖА

Маленькая повесть

Накануне летних каникул, как всегда, в школе был назначен итоговый педсовет. После обсуждения будущего учебного плана вторым пунктом предполагалось рассмотреть тему, объявленную сугубо канцелярским языком как «Разное». И за этим «разным» дипломатично скрывалось встревожившее с недавних пор департамент образования и множасьщееся день ото дня среди учителей, как и тридцать лет назад, в былые девятые, челночное пристрастие баулами вывозить на продажу с вещевого стамбульского «русского базара» одежду, обувь и парфюмерию.

В итоге от поездки к поездке в сердцах преподавателей нашей лучшей в городе СОШ набирал силу предпринимательский азарт, никак не совместимый с образом современного учителя, воспитывающего в своих учениках патриотизм, трудолюбие и прочие лучшие качества достойной личности. Но педагоги уверенно оправдывались недавно прозвучавшим с достаточно высокой трибуны предложением, что учителям, недовольным своей зарплатой, надо уходить за высокими доходами в бизнес.

– Вы у меня разбогатеет таким авантюрным способом даже не мечтайте! – решительно объявил коллективу СОШ её директор Семён Ильич Водовозов. – Там, наверху, ещё в эпоху Ельцина изначальное было расписано, кому будет доверено войти в число миллионеров-миллиардеров, остальным – от ворот поворот. Вас не было и нет ни в одном из тех особых списков. Никого. И не будет. А профессиональные качества и авторитет педагога вы через такую свою самостоятельную турецкую маету утратите навсегда!

-
- Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году на Украине, в городе Коростень. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал электриком-осветителем ТюЗа, грузчиком, редактором отдела прозы журнала «Подъём», заместителем председателя правления Воронежского отделения Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Воронеж: время, события, люди», редактором газеты ВГАУ «За кадры». Автор 10 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве: «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки» (издательство Сретенского монастыря), «А за окном – человечество». Публиковался в журналах «Москва», «Подъём», «Берега», «Север», «Волга–XXI век», «Сура», «Гостиный дворъ», альманахе «Литературная Россия». Член Союза писателей России. Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Живёт в Воронеже.

Водовозов покровительственно оглядел коллектив и неожиданно, совсем как-то неподходяще для такой напряжённой минуты, аккуратно всхихикнул. Все педагоги хорошо знали, что их директор никак не склонен к легкомысленным звуковым вариациям. Это, ко всему, никак не вязалось и с его внушительной внешностью: пусть ростом невелик, зато отменно плечист. Учителя выжидательно молчали, по опыту предполагая, что с минуты на минуту со стороны директора явно последует некий неожиданный ход.

Евгений Андреевич Комаровский, сорокапятилетний учитель биологии, тревожно нахмурился, на его лице достаточно отчётливо читалось: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Как-никак некоторым жизненным опытом Евгений Андреевич не был обделён. Этому в своё время достаточно поспособствовала его ранняя, почти по-тургеневски романтическая, первая, и она же последняя, любовь к соседке по парте, оказавшаяся банальным розыгрышем бессердечных одноклассниц. В итоге у Жени Комаровского год за годом проявилась редкая потаённая особенность, похожая на компенсационный дар природы, – печальное предощущение, будто на него в этой жизни возложена некая особая миссия, смысла которой он пока не ведал. Она вызревала в нём тихим сапом. Кстати, внешность Евгения Андреевича достаточно соответствовала такой его будущности явно не от мира сего: глаза блёкло-голубые, в лице ни кровинки, и некоторая зеленца тускло отсвечивает. Рост этого как-то уж чрезмерно худого и длинноногого биолога можно было с грустной усмешкой сравнить разве что с самодвижущимися ходулями. А его расположенности к внутреннему самозерцанию исподволь способствовал один явно знаковый фактор, то бишь особенность того места в заводском микрорайоне, где Евгений Андреевич с рождения жил со своими родителями: отец – шлифовальщик высшего разряда, мама – инструментальщица.

Вскоре после их торжественного новоселья в хрущёвке, тогда казавшейся счастливым новосёлам пределом архитектурного дизайна, как водится, прорвало магистральный трубопровод. Аварию за три дня непрерывной суетной работы устранили, но лужа после неё осталась. И высохнуть или вымерзнуть никак не хотела. Более того, эта лужа, несмотря на все усилия коммунальщиков, к радости местной пацанвы, год от года прибавляла в своей масштабности и глубине. Мальчишки наперегонки пускали по ней парусные кораблики и вприпрыжку носились по луже, играя босиком в догонялки с таким азартом, что над ними иногда зависала вполне очевидная улыбчивая радуга. Местные старушки оторопело крестились на неё. В общем, для «ребзы» лужа стала настоящим романтическим морем. А для взрослых – сущим наказанием: она из года в год щедро, обильно давала жизнь целым стаям нестандартно больших, настырных и хищно кусучих комаров.

Естественно, жильцы всем этим скандално возмущались и активно писали жалобы в ЖЭК, в райком партии и даже хотели сочинить письмо самому Леониду Ильичу Брежневу, Генеральному секретарю ЦК КПСС. Только отец Евгения, будучи рядовым рабочим, правда, передовиком социалистического соревнования и членом месткома, соседей разумно отговорил от такой наивной затеи: мол, всё равно письмо или не дойдёт до адресата по понятным причинам, или его из Кремля обратно к ним в область и скинут для принятия решения. А это так называемое «решение» здесь, как всегда, многоопытно и умело спускают на тормозах.

Положительного во всей этой истории было лишь то, что в итоге подтвердились не потерявшие, оказывается, поныне своей актуальности пророческие слова нашего литературного классика Достоевского про то, что «ко

всему-то подлец человек привыкает». В общем, как бы там ни было, лужа год от года стала для здешних жителей привычной частью дворового антуража. Кстати, внешне она своими глинистыми берегами напоминала абрис всемирно знаменитого озера Байкал, сфотографированного с космической станции. Второй такой ни в одном районе не имелось ни по масштабности, ни по глубине.

«Она ещё океаном станет... У неё явно большое будущее!» – проходя мимо неё, не раз мысленно, но достаточно аккуратно шутил про себя Евгений Андреевич.

По крайней мере, бытовая полезность их дворовой лужи наконец вполне очевидно заявила о себе. Скажем, если пассажир такси на вопрос водителя: «Куда едем?» – отвечал: «До лужи», то даже новички за рулём не путались с маршрутом, и никому из водителей не требовалась подсказка навигатора. Более того, некоторые жильцы иногда решительно использовали её по прямому туалетному назначению, когда в доме отключали воду; другие зимой по ней достаточно точно определяли близость морозов или оттепели, а самые фантазийные и мечтательные не раз, но пока безрезультатно, пытались развести в ней промысловую рыбу с помощью мальков.

Так вот, на сегодняшнем педсовете Евгений Андреевич, как обычно, сидел с выражением на лице человека, плавающего... Нет, не в их дворовой луже. Так-таки в облаках.

– Одним словом, в Турцию вы отъездили, мои дорогие! Но не будем отчаиваться! – уверенно, на подъёме проговорил Семён Ильич с доподлинно руководящей интонацией в голосе. – Уверен, у каждого из нас отныне будет возможность улучшить своё материальное положение вполне легальным и уважаемым способом. И улучшить существенно!

Тут бы раздаться аплодисментам и оживлённо вопрошающим голосам, наполненным ликующим предощущением близкого счастья. Только ничего подобного в педагогическом коллективе не обнаружилось.

Тем не менее Семён Ильич не утратил своего должного директорского энтузиазма и пафоса:

– Наверху, то есть на самом верху, нам велено провести один заковыристый гуманитарный эксперимент. Суть его в том, чтобы, отвечая на вызовы времени, нам на базе школы организовать курсы по обучению специалистов особого профиля. Одним словом, персонала для достойного, на самом современном уровне обслуживания местной бизнес-элиты. Ей, набравшей силу, очень даже стали потребны образованные, вышколенные гувернантки, дворецкие, экономки, горничные, лакеи и так далее. Уверяю вас, всё это ощути-мо скажется в лучшую сторону на нашей с вами зарплате.

«Что-то в этом есть... От горькой правды жизни...» – напряжённо, но достаточно уныло подумал Комаровский.

Словно уловив на расстоянии мысли коллеги, Семён Ильич машинально сосредоточил свой бдительный взгляд на биологе. Именно Евгения Андреевича он почему-то всегда на общественных мероприятиях выбирал себе в негласные оппоненты. Будто по выражению его лица опытно определял значимость своих слов. Евгений Андреевич, вовсе не ведая об этом, служил ему неким тайным ориентиром. Особая надмирная требовательность ко всему происходящему в этом зале, в этой стране и человечестве в целом подспудно виделась директору в бледно-голубых и всегда перенапряжённых глазах учителя биологии.

Дальше Семён Ильич как бы говорил уже только с одним Комаровским. Будто, кроме них двоих, в зале никого и не было. Семён Ильич, пре-

жде всего, обосновал назревшую необходимость и перспективность нового направления в общей образовательной системе, как высшие курсы слуг.

– Или та же школа, может быть, лицей. А там, глядишь, замахнёмся и на уровень бакалавриата! В зависимости от вызовов времени.

Тут Водовозов с настоящим благородным волнением высказал реальную тревогу, что плодотворно растущее у всех у нас на глазах общество своих, родных миллионеров и миллиардеров до сих пор обслуживается на бытовом уровне недостаточно квалифицированными людьми. Порой чуть ли не явными проходимцами.

– Одним словом, налицо второсортная самодеятельность в этой особой отрасли! – строго определил Семён Ильич. – Взять хотя бы наше поверхностное понимание обязанностей той же горничной. Смахнула пыль – и гуляй? Нет, друзья! Будущие горничные должны иметь твёрдые знания по самым современным методам уборки помещений. Они обязаны глубоко изучить принципы использования безопасных для клиентов моющих средств, основы комплектования белья, предметов личной гигиены. И тому подобное!

Директор проговорил всё это, по-прежнему не сводя глаз с Комаровского, явно ставшего ему компасом на пути в новые, непривычные образовательные категории.

А получив в ответ от Евгения Андреевича словно бы положительный импульс, Водовозов и вовсе взбодрился и уверенно заключил, что их общий успех не за горами.

– И не такие задачи на раз выполняли! За работу, товарищи! – каким-то особым политическим голосом проговорил Семён Ильич.

Примерно так первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв величаво объявил с трибуны XXI съезда: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Евгений Андреевич, и близко не заставший то историческое время, тем не менее машинально встал, нервно побледнев и как бы намереваясь что-то сказать, то есть внести свой вклад в обсуждение темы, но тотчас опустился на стул, не произнеся ни слова. Что-то сорвалось в нём. Садясь, он машинально бросил взгляд на сидение под собой, чтобы убедиться, нет ли на том каких-либо колких, липких и даже взрывоопасных предметов, которые отдельные школьники азартно норовят подложить учителю от избытка подростковой энергии.

– Не понял юмора! – рассмеялся Семён Ильич. – У вас, Евгений Андреевич, есть какие-то возражения? Вас что-то смутило?

– Это я от волнения... Машинально. Сам не знаю, зачем я встал? – сдавленно проговорил учитель биологии. – Нет, что вы, Семён Ильич! Я целиком за. Пора и нам того самого...

Что именно «пора и нам», он не смог объяснить и походил сейчас на школьника, отчаянно забывшего на самом важном месте стихотворение, какое вчера с мучительной настойчивостью зубрил весь вечер.

– Да-да, пора! – снова взял инициативу в свои руки Водовозов и не удержался, шагнул к Евгению Андреевичу и от избытка положительных эмоций несколько раз вдохновляюще приобнял его.

– Можно, извините, ближе к теме нашего сегодняшнего педсовета? – поморщившись, строго проговорила семидесятисемилетняя математичка Анна Константиновна. – Господа, цените своё время! Нашли место тискаться. Вам здесь не гей-парад!

Последовавший коллективный смех был из-за застоявшегося общего перенапряжения настолько звучным, надрывным и неестественным, что участники педсовета, уже расходясь по классам, продолжали «хвататься за животики».

Школьный охранник, дедушка Пётр Прохорович, проводил их самым что ни на есть бдительно-насторожённым, строгим взглядом, а потом уже вслед и сам, как бы нечаянно подхватив вирус смеха, ни с того ни с сего прыснул, гоготнул и залился мелким хриплым и надсадным, болезненным всхohатыванием, на какое только были способны его жестоко прокуренные, смолистые лёгкие и беззубый рот.

Дома Евгений Андреевич весь вечер, вдохновенно сцепив руки замком на затылке, пролежал на реликтовом, ещё бабушкином кожаном диване, своей громоздкостью похожем на мясистого старого бегемота.

На сегодняшнем педсовете Комаровскому под занавес поручили взять на себя заведование ни много ни мало кафедрой подготовки экономок, горничных и дворецких. Он, конечно, просил нечто более близкое к его основному биологическому предмету, скажем, профессию садовника или того же смотрителя за домашней живностью, только Семён Ильич уговорить себя не позволил.

С первых дней работы приёмной комиссии «школы слуг» (другие, пусть и более официальные, правильные названия изначально не прижились в коллективе СОШ) охранник Пётр Прохорович и его сменщики возненавидели это педагогическое ноу-хау. Кстати, до сих пор родители воспринимали охранников как самых главных по значимости фигур школьной иерархии. Словно именно эти люди с волчьими мордами на фирменных куртках управляли всей жизнью школы и не позволяли ей рухнуть в бездну дисциплинарной анархии. Только их бдительность относительно наличия сменной обуви у школьников спасала жизнедеятельность СОШ от полного краха. Основы нравственности были всё ещё непоколебимы в здешних стенах опять-таки в силу того, что нахальное «шляние» школяров по коридорам во время уроков с хохотом и визгами «вау!» мгновенно останавливалось одним только грозным взглядом представителя ЧОПа «Волк».

Однако даже эти заматерелые охранники стали повально отпрашиваться в отпуска, хотя бы и без содержания, а несколько человек так и вовсе уволились, когда школьные коридоры заполнили весьма специфической внешности молодые люди и девицы, примчавшиеся записываться на высшие курсы обслуживающего персонала для местной бизнес-элиты.

Вот, скажем, заходит некая юная претендентка, почти без признаков верхней одежды, и дерзко требует немедленно выдать ей диплом горничной или домработницы, но при этом одновременно громко говорит с кем-то по смартфону, «фоткает» им вокруг себя всё и всех подряд, а на просьбу озадаченного охранника надеть антиковидную маску ответно предлагает тому с пронзительным, свербящим хохотом использовать её по назначению при посещении «сортира».

Первое время Водозовов вообще не снимал со своих дверей табличку: «Директора нет», но это мало помогало. Бронзовую ручку на двери ему так-таки оторвали: ничего удивительного, ибо, кажется, половина молодых жителей города решила стать камердинерами, дворецкими или просто лакеями.

Отчаянные жалобы на подобных более чем настойчивых посетителей – а иных, прямо говоря, здесь практически и не было – ежедневно поступали к Водозовову от растерявшейся и почти утратившей свою дисциплинирующую значимость службы школьной охраны.

– Как вы будете работать с таким диким контингентом?! – расстроенный до старческих слёз, не раз глухо вскрикивал Пётр Прохорович, завидев в коридоре директора.

– Успешно, друг мой, успешно. На ура! – философски отзывался Семён Ильич, норовя поскорее завернуть в свой кабинет сквозь перевозбуждённую толпу желающих стать дипломированными слугами.

Как-то Пётр Прохорович с некоей мудрой дерзостью крикнул вслед директору, живо удалявшемуся походкой солидного, полноценно счастливого человека:

– Семён Ильич, а меня не возьмёте учиться на лакея?! Я глядел на школьном сайте: вы им после окончания курсов такие заработки обещаете, какие айтишникам не снились! В общем, камердинер из меня ещё тот может получиться! Даже старший камердинер! Ливрея явно будет мне к лицу. Вернее, к моей морденции.

Водовозов остановился и вдумчиво, содержательно посмотрел на судорожно моргавшего старика.

– Откуда ты такое слово заковыристое знаешь – «камердинер»? – снисходительно хмыкнул Семён Ильич.

– А я вчера во время рабочего дня пьеску Чехова по смартфону от нечего делать глядел! – дерзко объявил Пётр Прохорович. – Какой-то там «сад». Вишнёвый, кажется. Туфта, конечно. Но один мужик мне там глянулся. И кто, как вы думаете?

– Я насчёт Чехова по нолям, – поморщился директор.

– Лакей Фирс! Старикашка хреновый, вроде меня. Жизнь, мол, прошла, а он словно и не жил.

Водовозов благосклонно прищурился:

– Хорошо. Отпускаяй бакенбарды, Прохорыч. Да погуще! Тогда и поглядим.

Старый охранник растерянно задумался и раньше времени включил звонок с урока.

Первым в ещё пустой школьный коридор вышел из класса Евгений Андреевич. Вид у него был радостный, мечтательно вдохновенный. Иного настроения и быть не могло. Он только что увлечённо, почти самозабвенно рассказывал ребятишкам о великой тайне появления на Земле примерно четыре миллиарда лет тому назад самых первых форм биологической жизни, в итоге приведшей к появлению человека. Он так возвышенно и доверительно говорил об этом, словно лично присутствовал в тот исторический момент, когда на планете неизвестно как и неизвестно из чего слепились биомолекулы. Зародившиеся, между прочим, вовсе не в супе первичного океана, а, как это сейчас признано многими серьёзными учеными, на суше, в тамошних её лужах и лужицах.

– Что грустим, товарищ начальник? – аккуратно улыбнулся Комаровский охраннику.

– Да вот хотел на ваши курсы устроиться... – уныло проговорил Пётр Прохорович. – На старости лет на камердинера выучиться. А Семён Ильич меня на смех поднял: мол, отпусти прежде положенные такой профессии баки. А у меня растительность на лице с молодости не прижилась. Вот так и живу с лысой физиономией. Зато на бритвах экономлю...

– Не переживай, я тебя возьму. А то у меня пока одни девицы на курсе. Без мужика, боюсь, не слажу с ними. Нынешние все как одна пошли такие агрессивно-строптивые!

– Я насчёт себя просто так ляпнул! Не берите в голову, Евгений Андреевич! Юмора ради. Пошутил, одним словом... – смущённо напрягся охранник. – А вы вот лучше внучку мою примите, Машу! Характер у неё – чистое золото! Правда, денег у меня сейчас не хватает, чтобы полностью оплатить её учёбу на ваших лакейских курсах.

Евгений Андреевич строго задумался.

– Ничего, Прохорыч, внесёшь частями. И скидку твоей протезе какую-никакую придумаем. Всё-таки ты свой человек. А только внучка твоя согласится ли?

– Да она как про эти ваши курсы услышала, так будто расцвела и даже запрыгала от радости! Вальсу начала учиться! А до этого вместо приличного танца она со своими подружками только по полу извивалась, как при падучей. Но образование у неё высшее! – не без гордости уточнил Пётр Прохорович. – Как и вы, биофак ВГУ окончила.

– Странный случай... – замаялся Комаровский. – Очень даже. А кем она работает? Учитель? Или в аспирантуру уже поступила?

– Как бы не так! – в сердцах вскрикнул охранник. – Вам ли не знать, что сейчас после института редко кто по профессии устраивается. Им главное – корочку диплома о высшем образовании заполучить. Для фанаберии. А так она у меня сейчас менеджер. В «Глобусе». Старший менеджер! По авторучкам да карандашам. За весь день наговорится с покупателями до того, что слова в горле у неё начинают застревать. Зато всегда на людях. Смотришь, и жениха себе наконец моя Маша углядит. И не абы какого. Она у меня девка непростая! В Интернете чуть ли не каждый день можно найти её статьи. Про театр она у меня любит писать, про современную музыку, всяких там художников.

– Ладно, приводи свою красавицу... – вздохнул Комаровский с каким-то нехорошим предчувствием. Ему как будто стыдно за что-то стало.

Проходя мимо поста охраны, Евгений Андреевич мельком глянул на себя в зеркало. Он явно не понравился себе. Какая-то суетная, перенапряжённая личность. О таких говорят: без царя в голове.

И всё-таки он нашёл в себе силы на прощание улыбнуться своему отражению. Хорошо, что никто не видел его в этот момент. Улыбка вышла «сикось-накось». Какая-то пришибленная, одним словом.

Следующее утро, как отныне и все прочие, началось с того, что войти в школу оказалось просто невозможно. У её парадных дверей загодя собралась нервозная, лихорадочно шумная толпа. Такой многолюдности здесь не наблюдалось практически никогда: ни в торжественно-классический день первого сентября, ни на выпускном празднике.

Преподавателей пропускали в школу через потайной ход. Вначале он вёл в подвал, где раньше располагалась угольная кочегарка, потом ты оказывался в мрачном и сыром, запаутиненном помещении, переполненном портретами и бюстами Ленина, Сталина и, кажется, Дзержинского, а также множеством безобразно выцветших красных знамён и тусклых, блёклых гербов СССР. Одним словом, подлинный паноптикум былого величия.

У школьников отныне имелся один путь попасть в свои классы – через окна. Правда, ребянтю это не только не отягощало, а приводило в состояние счастливого восторга.

Как член приёмной комиссии, Евгений Андреевич в выделенном им на время спортзале день ото дня, как на автомате, по несколько часов одно за другим регистрировал заявления о принятии на курсы. Правда, лиц большинства претендентов и претенденток он даже не видел, потому что они

практически не отрывали свои взгляды от персональных смартфонов, даже когда отвечали на его вопросы в анкете.

Само собой, ни о каком кастинге речь не шла. Семён Ильич торжественно убеждал преподавателей, что научить правильно подать тарелку к столу или сменить постельное бельё можно научить и обезьяну. Поэтому на первых порах принимали любого желающего оплатить свою учёбу.

Тем не менее Евгений Андреевич, как говорится, не успевал лица поднять. Написанные в основном плохим почерком, со множеством грубых ошибок заявления тем не менее источали дорогие томно-страстные ароматы парфюмерной воды и одеколонов лучших европейских брендов: эпатажных, дерзких и жизнерадостных. Это была как самая настоящая газовая атака.

Однако в конце недели за десять минут до прекращения работы приёмной комиссии, то есть где-то около восьми вечера, на стол перед Евгением Андреевичем впервые легло заявление, которое ничем не пахло, кроме как бумагой.

– Фамилия написана неразборчиво... – глухо, утомлённо проговорил Евгений Андреевич, бегло пробежав глазами заявление.

– Серебрянская, – аккуратно проговорила будущая курсистка.

– Что-то она мне знакома? – сдержанно отметил Евгений Андреевич и поднял голову.

Перед ним стояла девушка лет едва за двадцать, очень простой, несовременной внешности, без ядовитого окраса волос и жутковатых татушек на всех доступных и недоступных частях тела. Для такой в нынешнем молодёжном сленге и близко не найти подходящего определения среди заковыристых прозвищ типа готесса, ниферша или та же лейбла. То есть достаточно приятно, миловидное лицо, и вся из себя она неброско стройная, правда, избыточно худощавая, но вовсе не в подражание стучащим костями подиумным моделям. В общем, надутых всякой гадостью губ и груди точно не имелось в её простодушном облике.

– Мой дедушка у вас работает в охране, – сказала Серебрянская с тёплой, искренней и весёлой интонацией.

Комаровский тотчас понял, о ком идёт речь. К стыду своему, он никогда не знал фамилию Петра Прохоровича. Серебрянский?! Более чем недурно. Такая фамилия во многих своих ответвлениях в веках знаменита на особом, историческом уровне. А Серебряный век? Вон как...

– Так вы – Маша?

– Маша Серебрянская.

– И какую параллельную специальность намерена получить Маша? – достаточно напряжённо вздохнул Евгений Андреевич.

– Может быть, экономки? Я в профессиях прислуги как-то не очень разбираюсь... – вкрадчиво улыбнулась Маша, как видно, заранее предугадав, какая реакция проявится на это признание у переутомлённого человека за официальным столом с бессмертной красной бархатной скатертью, толстобоким стеклянным графином и куцым букетиком мертвенно увядших белокрылых ромашек в увесистом гранёном стакане.

Комаровский машинально откинулся на спинку стула, что исподволь придало его сухощавой неказистой фигуре определённую значимость. Да и слова из расправившейся груди исходили легче, с нужным объёмным звучанием.

– Давайте, Маша, конкретней определимся.

Евгений Андреевич сощурился, словно глаза у него от усталости слиплись сами собой.

– Честно говоря, я намерена выбрать стезю экономки, – твёрдо проговорила Маша.

– Это хороший выбор! – уверенно проговорил Евгений Андреевич. – Хотя, если честно признаться, лично для меня ваше желание несколько непонятно. Мода времени? Как вы, биолог с высшим образованием, будете день изо дня контролировать работу горничных и кухарок?

– Не только это, – мягко поправила Маша. – На мне будет почти всё домашнее хозяйство. Я успела узнать всяких разных тонкостей об этой профессии. Сингапурскую методику постигла!

– Да, да... – тупо отозвался Комаровский. – Не исключаю, что вы со временем ещё и кандидатскую напишете по теме профессий прислуги? А там, глядишь, и докторскую. Академию слуг создадите. Только вместо чёрных мантий и конфедераток с кисточкой у вас будут озорные фартучки и яркие кокошники.

Маша сдержанно, почти робко вздохнула.

У Евгения Андреевича неожиданно возникло странное желание строго взять Машу за руку, вывести из школы и запретить ей даже вспоминать о таком её безответственном порыве.

Евгений Андреевич вовремя вспомнил про её работу менеджера по продажам карандашей и ручек, судорожно усмехнулся и старательно занёс Машину фамилию в список зачисленных конкурсанток.

– Премного вам благодарна, сударь, – умно и красиво сказала Маша.

– Передавайте привет вашему замечательному дедушке, – неуклюже улыбнулся Комаровский.

При этом он машинально покосился на стоявшее перед ним в гранёном стакане с помутневшей водой некое подобие букетика глазастых ромашек. Они покорно и безобидно таращились на Евгения Андреевича.

«А что если подарить их Маше?» – подумал он, словно проверяя глубину своей глупости.

Когда она уходила, Комаровский опустил голову, чтобы не смотреть ей вслед. Он и без того только по звуку её шагов отчётливо представлял, как она мягко и плавно идёт. Идёт так, словно школьный спортзал не переполнен донельзя претендентками и претендентами, а она здесь одна, сама по себе.

«Перспективная девушка...» – вздохнул Евгений Андреевич, и тут его взгляд неожиданно задержался на канате, который гигантским чёрно-белым червяком свисал с потолка спортзала. Комаровскому вдруг неожиданно захотелось, бодро подпрыгнув, зависнуть на нём и, уверенно перебирая руками, стремительно взлететь под потолок.

«А с высоты послать Маше воздушный поцелуй? Дитя дитём...» – осуждающе подумал он о себе, хорошо помня, что это упражнение ему всегда не удавалось. Когда он был ещё школьником, учитель физкультуры отворачивался, если подходила очередь Женьке Комаровскому лезть под потолок по канату. Женька дёргался на нём, как рыба молодё, сдуру зацепившаяся губой за голый рыболовный крючок.

Очередная претендентка с розово-чёрно-зелёной причёской ревниво перехватила взгляд Евгения Андреевича.

– Это Машка Серебрянская к вам сейчас приходила типа на курсы записываться? – проговорила она, словно бы в нос, густым, ноющим голосом, возможно, из-за обилия металлических колец на носу и губах. Имелись они также в немалом количестве на ушах, шее и лбу. И мало ли где ещё...

Комаровский хмыкнул, представив, как неуютно девушка, если придётся, будет чувствовать себя в коконе магнитно-резонансного томографа.

– Я не имею права разглашать никакие личные данные абитуриентов.
– Ауф! С ней вы наплачетесь! Она самый настоящий токсик! И хейтит всех подряд!

– Извините, я ничего не понял из вашего новомодного языка. И вообще идите к другому столу. У меня перерыв.

Он ладонью резко повалил свою табличку с ФИО, словно сам себя прихлопнул. Наверное, это всё, на что он способен?

Заснул в эту ночь Евгений Андреевич только под утро.

«Кто придёт завтра на смену нам? Кто будет пахать землю? Делать ракетные двигатели? Компьютеры? Писать стихи?»

Комаровский лежал, словно оцепенев.

Перед открытием «школы слуг» математичка Анна Константиновна предложила провести торжественную линейку с построением. На такой случай в школьном музее она уже договорилась насчёт «проката» горна и барабана. Однако эта идея отклика у директора не нашла. Семён Ильич распорядился организовать непринуждённое коллективное чаепитие с некоторым даже размахом в духе всяких разных молодёжных акций: флэшмоб и прочие западные выкрутасы.

– И никакого алкоголя! – многозначительно рассмеялся он.

Фуршет назначили в школьном саду: расставили между дешёвых только что отцветших яблонь столы и стулья в форме большого сердечка, самовары с дымком раскочегарили, а к ним в плетёных корзинках подали всякие разные печенюшки. И, чтобы угодить нынешним молодёжным веяниям, заказали велосипедную доставку пиццы, роллов и суши. Последние Семён Ильич то ли в насмешку, то ли грамматической фанаберии ради на свой особый лад называл вместо «суши» – «суси». Ко всему прочему он целый день готовил напутственное слово, а за несколько минут до начала торжественного чаепития обнаружилось, что директор эти свои вдохновенные наброски потерял.

Пришлось говорить, так сказать, экспромтом, но спич-райтер из него оказался никакой. В этом особом жанре Семёна Ильича хватило только на одно предложение:

– Каждый домработник должен быть гением!

Тут Маша Серебрянская встала и порывисто предложила, не откладывая, создать профсоюз по защите прав домашней прислуги.

– Уверена, всем нам достаточно скоро придётся столкнуться с придирками, упрёками и прочими закавыками наших хозяев! Плюс хамские интимные домогательства и лживые барские обвинения в воровстве или тайком съеденном лакомом кусочке.

Все с интересом повернулись к Маше. Правда, это вряд ли было связано со смыслом её заявления, а скорее, с необычным видом: на фоне молодых людей в донельзя коротких шортах и мини-кофточках, скорее напоминающих очень открытые лифчики, на ней развевалось классическое длинное праздничное белое платье, а на ножках Маши сияли вполне приличные чёрные лабутены с красной платформой.

Евгений Андреевич никогда не видел портрет Жанны Д'Арк или видел мельком, да и то иконописный, но ему показалось, что в матовом от вдохновенного волнения лице Маши некоторым образом явственно присутствуют черты Орлеанской Девы.

– Не бойтесь трудностей! За время учёбы на курсах, дорогие вы мои, я уверен, у вас вырастут самые настоящие крылья! Вперёд и выше! – покровительственно успокоил собравшихся Семён Ильич и благожелательно рассмеялся грянувшим счастливым аплодисментам.

После официальной части Водовозов поделился с Евгением Андреевичем новостью, будто Пётр Прохорович практически на полном серьёзе высказался насчёт своего экстравагантного желания в духе времени получить «корочку» камердинера а'ля старый глуховатый лакей Фирс из «Вишнёвого сада» Антона Павловича Чехова.

В эту ночь Евгению Андреевичу отчётливо, объёмно снилось, будто он сам дворецкий или мажордом в некоей большой олигархической семье. И получает он там за свои труды праведные ни мало ни много по миллиону рублей в неделю. А все его обязанности «старшего по дому» заключаются в том, чтобы поутру перед завтраком, когда глава семьи нетерпеливо усаживается за столом, выйти на середину их просторного, нет, даже необъятного столового зала и, напряжённо, на армейский манер вытянув руки по швам, чуть приподняв свой гладко выбритый, лакированно бликующий подбородок, объявить достойно, полновесно: «Ваша овсянка, сэръ!»

И за всё за это, включая миллион рублей в неделю, Евгению Андреевичу было даже во сне стыдно и хотелось как можно скорей проснуться. Однако сон цепко не отпускал его, и до самого утра мучительно, словно испытующе, повторно являлся несколько раз, словно заела некая шестерёнка в механизме сновтворческой аппаратуры.

Наконец проснувшись, Комаровский не сразу расстался с чувством стыда за свою фразу: «Ваша овсянка, сэръ!». Он понимал, что это всего-навсего сон, но поделаться с собой ничего не мог.

В конце концов, чтобы избавиться от таких самоедских переживаний, он со всей присущей ему педагогической старательностью принялся готовиться к первому уроку с будущими слугами.

Насторожённо раскрыл Евгений Андреевич некую английскую методичку, подготовленную однако с учётом специфики загадочной психологии русского человека и особенно его непростой, таинственной души.

Читал не спеша, с невольным напряжением: «Неуважающий себя человек никогда не станет хорошим рабом. Не стоит, приняв ошейник, полагать, что теперь можно не задумываться ни о чём, раз всё решает Господин или Госпожа. Хороший раб – это правая рука, помощник и советник хозяев во всех их начинаниях. Приняв ошейник, раб должен все силы, душевные порывы, ум, волю, таланты и навыки употребить на служение господам, приняв всем сердцем мысль, что он собственность, вещь, но вещь разумная и многофункциональная. Притом ему запрещается быть навязчивым, забывчивым, делать ложные выводы, строить необоснованные домыслы, вторгаться без разрешения в личную жизнь господ».

С первых минут чтение стало вызывать у Евгения Андреевича лёгкие приступы нехватки воздуха.

«Так, соискатель должности дворецкого обязан сопровождать хозяина до автомобиля утром, открывать двери машины. Встречать его вечером, организовывать тёплый приём. Сопровождать в доме. Контролировать приём лекарств, запись к парикмахеру, врачу и прочие записи личного календаря. Подбирать школу для детей, спа-курорты. Покупать предметы интерьера, посуду, бытовую технику, вино, сигары и прочее. Планировать бюджет и вести отчётность. Контролировать работу всего персонала, включая повара. Выполнять личные распоряжения хозяев. Иметь навыки оказания первой медицинской помощи. Неплохо знать минимум три иностранных языка: английский, французский и китайский. Иметь сертификат сомелье и сертификат TheInternationalInstituteofModernButlers («Международного института современных дворецких»).

После таких фраз он явно не хотел бы сейчас ни с кем говорить даже о такой, всегда волнующей его главной биологической теме, как зарождение жизни на Земле. Кстати, Евгений Андреевич с провинциальной дерзостью отрицал общепринятую теорию академика Опарина о биохимической эволюции. Он вызывающе склонялся к гипотезе Рихтера о занесении жизни на Землю метеоритами. Да, он не был в этом оригинален. На такой позиции стояли, скажем, великие Герман Гельмгольц и Владимир Вернадский. Однако, как преподаватель биологии, Евгений Андреевич должен был придерживаться официальной точки зрения – и это было одним из источников его вечной нервозности и замкнутости. Когда на одном из Всероссийских семинаров преподавателей биологии Комаровский отважился с трибуны вернуть панспермию на пьедестал, коллеги не только не поддержали его, но массово уходили из зала, многозначительно посмеиваясь. Только что пальцем у виска не крутили.

Однако Евгений Андреевич, несмотря ни на что, мужественно напрягшись, как бы став ещё выше ростом, продолжал упёрто, нервозным голосом, отчего слишком поспешно, чуть ли не сбивчиво, неуклюже высказывать своё провальное утверждение, что жизнь возникла не на планете Земля, а занесена на неё метеоритами и кометами из глубин Вселенной в форме бактерий и иных микроорганизмов.

В итоге председательствующий на семинаре член-корреспондент начал лихорадочно звенеть своим тонкоголосым никелированным колокольчиком, а вдобавок, для пущего эффекта, хлопать ладонью по столу. Ладонь, как видно, была основательная, как у того же плотника, слесаря или тракториста. Одним словом, стоявшие на столе графины принялись симфонически дребезжать, а микрофоны попадали, словно ниспровергнутые.

– А откуда, любезный Евгений Андреевич, позвольте вас спросить, эти первичные формы жизни объявились в Космосе, прежде чем соизволили попасть к нам на Землю?! – рыкнул, закашлялся председательствующий член-корр.

– Хороший вопрос. Спасибо! – щедро, но как-то всё же по-прежнему лихорадочно улыбнулся Комаровский. – Живые микроорганизмы появились во Вселенной вместе с самой Вселенной!

– Это настоящая религиозная чушь! Бредни! Поповщина! – закричали из зала.

Чтобы помочь председателю остановить зарвавшегося биологического диссидента, которым в глазах всех отныне стал бледный и потный Евгений Андреевич Комаровский, зал в свою очередь принялся всё громче и громче аплодировать, чтобы сделать невозможным для себя слушать и далее «доморощенные гипотезы».

В итоге Евгений Андреевич покинул трибуну. Правда, ушёл он неторопливо, с достоинством и очевидной духовной просветлённостью в лице.

Такое событие не осталось без должных выводов: там, наверху, на всё на это веско отреагировали, и отныне на биологических конференциях и симпозиумах Евгению Андреевичу перестали давать слово.

Водовозов был в курсе антипопулярности Комаровского среди коллег, но дети почему-то очень любили этого долговязого нервного учителя биологии, и Семён Ильич пока великодушно закрывал глаза на сугубо ошибочные теоретические взгляды Евгения Андреевича. А если тот на каком-либо праздничном застолье под коньячок так-таки дерзко порывался оседлать тему панспермии, директор Водовозов сразу давал понять математичке, что вся надежда сейчас только на неё. И тогда понятливая семидесятисемилетняя

учительница с лукавой, но мудрой улыбкой объявляла музыкальную паузу и озорно, с наскака приглашала биолога Комаровского на вальс. И Anne Константиновне было неважно, что школьный оркестр ничего, кроме панковой музыки и хип-хопа, исполнять не умел. Несмотря на зрелые годы, она уверенно чувствовала себя в любом самом молодёжном жанре. Наверное, сказывалась её активная рок-н-ролльная и твистовая юность.

В энергичном танце с вдохновенной, ослеплённой Анной Константиновной Евгений Андреевич быстро утрачивал желание просвещать окружающих относительно истинных причин их общего изначального появления на этой многострадальной планете.

Как бы там ни было, за лето курсы домашней прислуги достаточно успешно отработали свою первоначальную задачу. Как сообщил Семён Ильич в своём директорском итоговом отчёте городскому управлению образования, за время каникул педагоги вверенной ему СОШ подготовили восемнадцать дворецких, двадцать пять камердинеров, двенадцать экономок, двадцать три горничных, а также пятнадцать гувернанток и двух лакеев. Шестнадцать человек не были допущены к экзаменационным испытаниям из-за частых пропусков занятий или многократного появления на них в неподобающем виде, чаще попросту донельзя нетрезвом. Семь обучающихся на втором и третьем месяце занятий самостоятельно отказались от продолжения получения специфических знаний по разным особым причинам, но, согласно договору, платёжные средства, внесённые ими, возвращены администрацией школы не были. Попыток отсудить материальный урон никто из обучающихся не предпринял.

Днями на школьных дверях, несколько перекошенных из-за отсутствия нижней петли, не выдержавшей непрерывного её пинания учениками (и не только!) в течение учебного года, появилось красочное, но всё-таки аляповатое объявление о встрече выпускников курсов с их будущими работодателями. Водовозов, честно говоря, никак не ожидал такого ажиотажного интереса местных олигархов к их новоявленным курсам.

С первого дня начала работы «Школы слуг» здешние политики, банкиры и предприниматели (и не только!) настойчиво звонили ему, чтобы заказать себе нужного человека из самых-самых лучших.

На эту встречу народ из областного «списка Forbes» пожелал явиться лично. Одним словом, новогодний благотворительный губернаторский бал не видел такого наплыва местной элиты.

Из спортзала в экстренном порядке убрали почти все его физкультурные приметы: маты, кольца, трамплин, канаты, коня и козла, включая шведскую стенку. Цветы в горшках и пальмы в вёдрах, напротив, снесли сюда со всех классов и коридоров. Даже из директорского кабинета взяли его любимые кактусы, похожие на рассерженных дикобразов.

Кстати, местный магнат Юрий Данилович Печерин прилетел на своём любимом лёгком вертолёте с романтичным названием «Робинзон» и, лично им управляя, смело изловчился сесть прямо на крышу СОШ. Притом почти её не повредив. Кстати, Юрий Данилович позже сторицей возместил расходы на ремонт такой суммой, что её хватило на подготовку к новому учебному году всех школ этого района.

Когда Семён Ильич и Евгений Андреевич по дороге в зал поравнялись с Машей, она, нежно просияв, с явно балетным изяществом, самым вежливым, почтительным образом исполнила этикетный ритуал поклона с тремя глубокими, раз от раза нарастающими приседаниями. При всём при том исполнение состоялось без напыщенной вычурности и излишней торжественности – как птичка вспорхнула она раз, и другой, и третий.

– Что за театр, прошу меня извинить? – достаточно сухо проговорил Семён Ильич, только что не закашлявшись.

– Наши просили меня поблагодарить вас от имени всего курса! – красиво проговорила Маша. – Мы вам очень благодарны. Донельзя. Но на эту встречу никто прийти не смог. Всех нас с первых дней занятий как пирожки горячие расхватили! Влёт разобрали по самым лучшим домам. Конечно, не Лондона и Парижа, но все трудоустроились самым наилучшим образом. Одна я пока на воле вольной порхаю. Жду свой звёздный час!

Тотчас к ним почти парадным строевым шагом доблестных кремлёвцев подступил Пётр Прохорович с большой корзиной красивых, но ничем не пахнущих голландских цветов.

– Это от нашего курса всем преподавателям! – радостно проговорила счастливая донельзя Маша.

У неё было столь воодушевлённое лицо, словно она приготовилась немедленно или что-то пропеть, или стихи прочитать невозможно прекрасные.

– Выходит, задуманная мной встреча сорвана?! – глухо, просто-таки болезненно вскрикнул Водовозов. – Ничего себе выверт! Самая настоящая гибель Помпеи! Всё, уйду в монастырь...

– Не надо, миленький! – взволнованно-радостно вскрикнула Машенька, словно ошарашенная возможностью кого-то немедленно спасти. – Доверьтесь мне. Я хорошая ученица, честное слово. И на раз-два сделаю так, что все собравшиеся олигархи уйдут от нас довольные собой и жизнью!

Какая-то классическая женственность зримо, гордо проявилась в оживлённом, ярком лице Маши.

– Будь что будет... – обречённо хмыкнул Водовозов.

Машенька очаровательно прошла к микрофону: так ходят только навстречу очень счастливому будущему.

Публика, наполнявшая зал, притихла, переполненная чувством собственного достоинства. До сих пор вряд ли какой зал, пусть и из первых столичных, вроде таких заглавных, как CrocusCityHall или СК «Олимпийский», мог похвалиться таким числом олигархов. Разве что Государственный Кремлёвский дворец на юбилейном концерте бывлой Примадонны?

Маша не сказала ещё ни слова – её глаза пока смотрели не в зал, а куда-то вверх, словно она ясно видела ими небо даже через потолок и крышу, и там, среди подпиравших небо своими хребтами облаков, явственно читала специально для неё начертанные свыше слова.

– Господа... – тихо, особым, проникновенным шёпотом Татьяны Дорониной проговорила Маша. – Я – Маша! Когда-то принято было говорить, что человек человеку – друг, товарищ и брат. Сегодня человек человеку или господин, или слуга. Историческая правда возвращена. В наше время господа без слуг и слуги без господ, как вы понимаете, – обоюдное ничто. Между ними должна быть тесная смычка. Прошу вас на выходе заполнить анкеты, кого из челяди вы хотите пригласить в свой дом!

Раздались снисходительные, местами достаточно вежливые, хотя в основном более чем разрозненные аплодисменты.

– Вот тебя я и хочу пригласить! На должность экономки, – деловито проговорил в первом ряду, несколько привстав, молодой человек с очень приятной, почти артистической внешностью. – Счастливыхцев, хозяин свиноводческого комплекса. Меня зовут Илья Борисович. Всякие там горничные и гувернантки у меня имеются. Но мне нужна главная над ними. С башкой!

Сидевшие в зале коллеги вновь не удержались от одобрительных хлопков. На этот раз те были вполне из разряда дружеских. Соседи Ильи Борисовича даже потянулись приятельски пожать ему руку. Он не ответил

ни на один такой жест, но сердечно и весьма глубокомысленно улыбался всем. На его лице было отчётливо написано, что он не утонул в своих миллиардах, аки пушкинский Скупой рыцарь-скряга, который, открывая свой заветный сундук, каждый раз впадал «в жар и трепет». Не вызывало сомнений, что Илья Борисович, помимо всего прочего, ценит литературную классику, отменно разбирается в живописи, мальчишески любит спорт и уверенно чувствует себя за штурвалом личной океанской яхты с романтичным названием «Ассоль» или личного двухмоторного самолёта с патриотичным именем «Чкалов». И это только краткий, беглый перечень достоинств Ильи Борисовича.

– Да, барин, – мягко, уважительно отозвалась Маша.

– Bravo... – усмехнулся Счастливец. – А у кого ты, милая, до меня работала?

– Все свои лучшие молодые годы я готовилась к встрече с вами... – был ответ Маши, прозвучавший одновременно вежливо, остроумно, но с допустимыми нотками аккуратного самолюбия.

Тем не менее Евгений Андреевич машинально дёрнулся, как это случается, когда человек вдруг почувствует, что по спине у него ощутимо ползёт, царапая кожу, некая достаточно жесткокрылая букашка.

– Тпру... – тихо проговорил Водовозов. – Если испортите всем нам праздник, я на вас потом Петра Прохоровича спущу.

В это время представитель школьной охранной службы, как школьник, краем глаза заглядывал в зал то через одно зарешечённое окно, то через другое. При этом всякий раз на лице Петра Прохоровича мелькали самые противоположные выражения: радость внезапно сменялась строгостью, растерянность – восторгом, и так далее. Это был настоящий спектакль одного актёра. Евгений Андреевич даже название мысленно ему подобрал – «Слуга двух господ». Того самого Карло Гольдони.

– Оклад в сто тысяч вас устроит, Маша? – проговорил Илья Борисович мягким, несколько утомлённым голосом, невольно подуставшего от своей щедрости и своих неоспоримых возможностей человека, определённо живущего в надмирных сферах неподалёку от резиденции самого Господа Бога.

Пётр Прохорович тут как тут объявился в очередном окне, показавшись в нём от разгорячённого волнения чуть ли не во весь свой, так сказать, анфас. При этом его энергичные мимические и жестиколярные возможности выразительно свидетельствовали, что Пётр Прохорович, несмотря на свой более чем достаточный возраст, до сих пор обладает исключительной многогранностью и живостью выражения. Одним словом, он настойчиво и весьма понятно сигнализировал Маше: соглашайся, внуча, не будь дурой!

– Благодарю вас, Илья Борисович... – Маша уважительно вздохнула.

Но не более того.

В эту минуту с залом, до сих пор пребывавшем в состоянии некоей протрации или вовсе отчуждённости, словно бы произошло нечто непредвиденное. Что-то подобное случается с игроками в рулетку, когда крупье запускает шарик в священный желобок, как истинный властелин ставок. Само собой в этом его жесте, отработанном до автоматизма и всё же каждый раз не лишённом неуловимой азартной новизны, на первом месте всегда определённо витает ощутимый, надменный дух насмешливого и дерзкого мистицизма. И потаённого, раздражённого коварства, которое неизбежно испытывает всякий, видя утонувшую в безумном азарте массу страдающих человеческих физиономий.

В общем, что-то в настроении зала неуловимо изменилось. Он словно бы ожил. Несколько растревоженно ожил. Более чем ожил!

И тут, как раз за спиной Ильи Борисовича, неуклюже привстал Дмитрий Алехнович, владелец или, если вам такое словцо более по душе, хозяин очень даже известного везде и всюду завода «Молочные реки». Ко всему профессору, доктор биологических наук и член Государственной Думы, в недалёком прошлом – актёр одного местного драматического театра.

Дмитрий Дмитриевич, напряжённо поморщившись, сказал как бы сам себе, тише тихого:

– Итак, сто двадцать тысяч.

Евгений Андреевич невольно подумал, что если бы этот человек просто о чём-то подумал, не прибегая к помощи слов, его всё равно определённо услышали бы.

Маша смущённо приопустила голову на кончики своих пальцев рук, чуть ли не молитвенно сложенных на груди ладошка к ладошке.

Не успел Дмитрий Дмитриевич дождаться ответа, как у него за спиной кто-то, словно прыгучий камешек, пульнул по воде:

– Сто пятьдесят!

Следом прогрохотало, но уже, как реактивный истребитель, пошедший на взлёт на форсаже:

– Двести пятьдесят!

Тут, набычившись, босс местных спортивных стадионов и залов, словно в кручёном хлётком прыжке метателя ядра, бодро, ударно выкрикнул:

– Триста тысяч!

Эти его слова полетели через зал, стремительно догоняя и сокрушая все предыдущие предложения.

И рассмеялся. Душевно так, простецки. Как во времена оные в деревне, когда прозвучит забавная частушечка с эдаким срамным подтекстом.

Кажется, происходящее начало весьма нравиться залу. Собравшиеся явно почувствовали себя в родной стихии. От былого недоумения и напряжения, вызванного неожиданной переменной повестки дня, не осталось и следа.

И понеслось как вразнос:

– Триста пятьдесят! Четыреста! Пятьсот! Пятьсот двадцать! Миллион!

Это была самая настоящая радостная игра. Очень даже пацанская, забавная и одновременно до невозможности заводная, зажигательная. Что-то вроде смеси из былого штандера, догонялок и пристеночки. В каждом выкрике новой цифры всякий словно бы норовил сам себя превзойти и таким открыться перед всеми, чтобы народ ахнул, заулюлюкал и затопал ногами.

Такой хлёткий, ажиотажный беспорядок звуков этот школьный спортзал вряд ли когда слышал, даже в те редкие счастливые для учеников минуты, когда они на какое-то время оставались без физрука – и тотчас всем кагалом с рёвом кидались лазать по канатам, прыгать с трамплина или состязаться в битве кавалерии со всадниками на плечах сверстников.

Вдруг стало тихо. Провально, чуть ли не ошеломительно. И только-то, казалось бы, оттого, что Илья Борисович вновь встал. Встал, да и встал. Так нет же, он ещё как-то вполне по-домашнему высморкался. Огляделся, прищурясь, потому что снял свои очки-иллюминаторы и сейчас тщательно протирал их. Казалось, эти его простецкие, ни к чему происходящему не имеющие отношения обыденные действия будут длиться ещё достаточно долго.

Но зал решительно приготовился ждать финала. Просто-таки с восхищением. В зале не было человека, которой не знал или хотя бы не слышал о всяких разных особенных штучках в манерах и взглядах Счастливецца. Никто не относился к этому человеку запросто. Илью Борисовича, чтобы он ни делал или ни говорил, нельзя было не принимать во внимание на уровне обязательной первоочередности.

Постояв минуту-другую с самым что ни на есть равнодушным лицом, Счастливец наконец сел, введя всех собравшихся в зале коллег по бизнесу в явное состояние философского предвосхищения и вдохновенности.

Илья Борисович ещё раз и опять же весьма обыденно высморкался, а потом также по-простецки, как будто был наедине с самим собой, потянулся поправить подвернувшийся левый носок. Кстати, он никогда не изменял одной своей странной особенностью, учитывая его вовсе не молодёжные года, – левый носок на нём всегда был чёрного цвета, а правый – белого.

И вот, подтягивая именно чёрненький, Счастливец вдруг негромко, даже глухо, потому что чуть ли не в пол, проговорил:

– Полтора лимона.

Тем не менее его услышали все. Кажется, его услышала вся школа. Да что там какая-то их СОШ, пусть даже и из самых лучших! Илью Борисовича услышал весь город. Страна в целом! Иначе и быть не могло. А вот Петру Прохоровичу показалось, что фразу Счастливецца про размер содержания его будущей экономки услышала вся планета. Правда, насчёт Большого Космоса ясности не было.

Если говорить проще, предложение Маше со стороны Ильи Борисовича произвело на всех в зале примерно такое впечатление, когда ты стоишь в саду, скажем, под яблоней, усыпанной мордатými, зрелыми плодами, а тут некий озорник или даже озорники со всей силой дёрнут её ствол туда и сюда. И тебя шумно окатит душистый озорной град, норовя засыпать с головой. Само собой, и по носу достанется смачным яблочком, и по уху оно запросто съездит, по лбу основательно щёлкнет. Не без того.

– Она согласна!.. – хрипло, задыхаясь прокричал через двойное мутное стекло спортзала Пётр Прохорович.

Только его как бы никто и не услышал. Кроме разве что Водовозова и Евгения Андреевича. Кстати, Анна Константинова тоже пропустила мимо ушей отчаянно-радостный, но при всём при том чуть ли не болезненный голос определённо пожилого охранника. Сопоставив свой оклад с будущими доходами Маши, учительница математики ещё долго не могла ни о чём ни говорить, ни слушать. Более того, она несколько минут не могла вспомнить ни строчки из таблицы умножения.

– Наша радостная встреча завершена! – ломано прокричал Водовозов, интуитивно, директорской своей «чуйкой» осознавая, что всем потребна спасительная пауза, а иначе... – Счастья всем!

На выходе Счастливец обернулся, сосредоточив свой взгляд на Комаровском.

– Вас, кажется, зовут Евгением Андреевичем?

– Да, так... – как можно отстранённой, словно бы вовсе безличностно, проговорил тот.

– Память меня не подвела! – великолепно усмехнулся Счастливец. – Вы полгода были моим учителем биологии. А потом наша семья переехала жить в Штаты. Кстати, вы мне тогда почему-то очень не понравились. Извините.

– Да-да... – глухо отозвался Евгений Андреевич.

– Успокойтесь. С вашей протезе всё будет хорошо... – внушительно, пророчески произнёс Илья Борисович.

В третьем часу ночи в квартиру Комаровского позвонили.

Евгений Андреевич ещё не спал. Понять причину его нынешней бессонницы было несложно. Тем более что этих самых причин было хоть отбавляй: от любой голова невольно пойдёт кругом.

«Какая сволочь ошиблась дверью?!» – напряжённо, просто-таки судорожно подумал Комаровский, как будто мысленно вскрикнул.

И вдруг взволнованно спохватился: «А если это – Маша?! Маша! И верно... Это точно она! Она всё поняла! Что – всё?..»

Евгений Андреевич спешил к двери с таким чувством, словно он сейчас простит человечеству все его явные и неявные грехи, включая ювенальную юстицию и смену полов.

Звонок торопил его. Счастливое будущее человечества приближалось секунда за секундой.

В «иллюминатор» дверного глазка Евгений Андреевич увидел Петра Прохоровича. Но и этой щёлки было достаточно для отчётливого понимания: дедушка Маши основательно пьян. Правда, пьян специфически. Как-то так, скажем, вдохновенно, азартно пьян. Одним словом, лицо его определённо выглядело озарённым некоей радостно-восторженной и в то же время блаженной энергией. Мало того, что её источником были и глаза, и губы, и даже лоб и уши Петра Прохоровича, она, ко всему прочему, словно бы шевелилась у него под кожей, озорно перекачиваясь ликующими волнами. С определённой натяжкой, однако, можно было так-таки утверждать, что физиономия Петра Прохоровича «кипела счастьем»!

– Что приуныли, господин преподаватель? – умилённо раскинул руки Пётр Прохорович, словно намереваясь немедленно, по первому зову свыше взлететь ни много ни мало как раз в ангельские сферы.

Сказать, что Пётр Прохорович ввалился в квартиру Комаровского – ничего не сказать. Он мощно, всей своей поныне не увядающей крепью бывшего воина-«афганца» объёмно переполнил куцей коридорчик хрущёвки Комаровского. В школьных пространствах он смотрелся как-то проще, то есть выглядел пожиже. Определённо его нечто переполняло. Само собой, это было всё возрасташшее в нём с минуты на минуту благодатное чувство счастья.

– А я к вам с откровением! – ёмко, романтично и в то же время с подспудной жёсткостью вскрикнул Пётр Прохорович. И весь как-то ярко, солнечно просиял.

Так бывает с человеком на открытом месте, когда серьёзное, отменно густое облако, основательно прикрывавшее было солнце, вдруг сдвинется в сторону и освободит пространство для напористой световой волны.

– Право такое имею! Как увидел в нашем спортзале родных миллиардеров, так и прозрел: они – элита, наши боги! Мы же – быдло. И никаких «человек человеку друг, товарищ и брат»! Я счастлив быть их холуем! Счастлив быть быдлом! И знать, что дальше мне падать некуда! И незачем! Для нас надо строить особые церкви. И в них вместо богов и святых будут иконы наших миллиардеров! И пусть бьют нас, колотят, за чубы таскают! А мы им со счастливым сопливым восторгом ноги целовать станем, ползая по земле на своих быдловских тощих животах! И притом радоваться до поросычьего визга, что они нас удостоили мордобоя и прочих барских наказаний. Желаю быть подлым рабом!

Пётр Прохорович тяжело, с надрывом задыхался. Света, лучистости в его лице всё прибавлялось. Точно внутри его вспыхнуло своё собственное солнце. Казалось, минута-другая – и он весь будет охвачен внеземным огнём рождения нового мироздания.

– Позвольте я вам в ножки кинусь, Евгений Андреевич?! – пронзительно улыбнулся Пётр Прохорович. – Так сказать, потренируюсь, прежде чем осмелиться пасть ниц перед нашими истинными новыми богами!

И тут Серебрянский-старший будто исчез. Это он так решительно, предельно побледнел. Он него осталась только серо-рыжеватая лысина, напоминающая лужицу на глиняной почве, да куртка с теми самыми волками, да армейские высокие ботинки на шнурках.

Пётр Прохорович кинулся ниц перед Комаровским, но так чрезмерно напористо, таким мощным броском, что невольно сбил учителя с ног.

Оба долго лежали молча.

Когда Евгений Андреевич оклемался, он первым делом окликнул Петра Прохоровича.

Тот не отозвался. Не потому, что голос у Евгения Андреевича после падения основательно сел. Просто Серебрянского уже не было в квартире.

Кажется, это его быстрые шаги ещё слышались, благодаря распахнутой входной двери, в глубине подъезда. Более того, Пётр Прохорович на бегу по ступенькам что-то активно, дерзостно выкрикивал. И, кажется, при этом восторженно и достаточно больно бил себя в грудь. Чтобы сдержать невесть откуда нахлынувшие слёзы? Насчёт них Евгений Андреевич предположил не без основания, судя по частым, просто-таки взахлёб усиленным сморканиям Серебрянского. Те были достаточно звучные, лихорадочные, каждый раз напоминали ни много ни мало хлопок выстрела. Такой звуковой ряд, между прочим, чаще всего возникает, если человек при возникшей на то необходимости для облечения своего дыхания пользуется не носовым платком, а самым что ни на есть подручным средством, из которых рукав есть наиболее подходящее и качественно надёжное.

Понимая, что нельзя отпустить сейчас Петра Прохоровича одного в ночь в его теперешнем раздёрганном состоянии, Евгений Андреевич решительно понадеялся на свои бывшие школьные увлечения лёгкой атлетикой. До сих пор в его квартире на видном месте висела, пусть и достаточно потускневшая, золотая медаль за первое место по бегу с препятствиями на Всесоюзной Спартакиаде школьников в Ташкенте на знаменитом стадионе «Пахтакор».

Правда, очень скоро Комаровский понял, что, несмотря на возраст Петра Прохоровича, его афганской закалки явно более чем достаточно, чтобы уже через несколько минут стать недостижимым. Тем более что бег с препятствиями при всей своей сложности перед бегом в темноте выглядел не более чем торопливой прогулкой. Метровый барьер с последующей водяной ямой ничто перед неожиданно вырастающими перед тобой из тьмы металлическими оградками, чугунными урнами для мусора или деревьями, чаще всего поваленными строителями для расчистки места ради будущих новостроек, чем-то отдалённо похожих на копики для миллиардов.

В общем, через несколько минут особого ночного бега Евгений Андреевич споткнулся, упал на одно колено, затем на другое и в итоге вовсе завалился на спину.

Ёмкие, живые звёзды всем своим небесным объёмом радостно бросились ему в глаза. Он лежал на дне просторной низины, залитой физически ощутимой, упругой темнотой, холодно веющей слёзно-росной сыростью.

Евгений Андреевич догадливо сообразил, что находится в знаменитом городском парке, неподалёку от которого жил со времён оных на берегу той самой раскидистой лужи, известной всему городу. Кстати, она не так давно получила имя собственное. Автор его, правда, остался неизвестен, хотя он через своё озарение вполне был достоин памятника или бюста на её берегу. Одним словом, лужа с чьей-то лёгкой или не очень руки стала называться Мудрой. Тем самым подтверждая: неисповедимы глубины её и фантазия человеческая.

Густые, амёбоподобные звёзды над головой Евгения Андреевича явно хорошо знали настоящий ответ на все вопросы земной жизни, в том числе и о её появлении в здешних пространствах. Но звёзды, как и во всех других проблемных случаях земной жизни, с достоинством безмолвствовали,

предоставляя человечеству самостоятельно, пусть и болезненно, разобраться в этих явно казусных вопросах.

Однако сегодня голос свыше так-таки раздался. И от неожиданности он прозвучал для Евгения Андреевича как самый настоящий глас Божий.

– Мужик, ты что здесь потерял? Свали, понял?! По-хорошему свали, – раздалось полнозвучно напористое требование, усиленное мегафоном. Голос звучал так, словно это был глас небесный. – А то собак спущу!

Евгений Андреевич тотчас сообразил, что он находится сейчас неподалёку от появившегося лет пятнадцать тому назад в здешнем распадке посёлка городских миллиардеров. Кстати, вскоре получившего в народе с помощью особого его мышления мудрое и многозначное название – «Долина нищих». С тех пор оно начало гулять по нашим городам и весям с небольшими местными вариациями.

– Я ищу дом господина Счастливецва! – с достоинством объявил Евгений Андреевич. Словно бы с самой тьмой-тьмущей вступил в переговоры.

– Лучшего времени найти не мог?

– Извините, я тотчас ретируюсь... – смущённо-витиевато отозвался Комаровский. – Только ответьте мне на один очень важный для меня, и не только меня, вопрос: мужик с волками на куртке здесь не объявлялся?

– Было такое! – бодро и на этот раз с подлинно тёплыми, душевными нотками отозвался голос, теперь уже, несомненно, земного происхождения. – Классный старик! Мы с ним от души рванули. Умеет пить, зараза. Вот что значит старая закалка!

– Если он вернётся, передавайте ему привет! От учителя биологии. Он поймёт, что к чему. В любом состоянии поймёт. Уверен! – добросердечно усмехнулся Евгений Андреевич.

Возле своего дома он почтительно остановился напротив их легендарной лужи, разрастающейся год от года с очевидной претензией на оформление в какое-никакое озерцо. Евгений Андреевич был почти уверен, что лужа растёт, развивается и уже узнаёт его.

– Приветик... – тихо сказал он ей.

Ответ лужа явно отложила на следующий раз.

В часу пятом юного голубовато-серого утра в коридоре Комаровского аккуратно тренькнул колокольчик дверного звонка полувековой давности.

С бабушкиного дивана Евгений Андреевич поднялся как будто с помощью подъёмного крана.

В дверях стояла Маша.

– Я пришла, чтобы объявить себя вашей невестой! – строго и как-то особенно очаровательно проговорила она.

– Оно как бы очень даже прекрасно... – сдавленно отозвался Евгений Андреевич. – Только как же? При вашей должности никак нельзя сочетаться браком с таким мелким служащим, как я.

– Я отказалась от должности экономки! – сурово проговорила Маша.

– И что вы ей предпочли в утончённой иерархии обслуживающего персонала? – зябко напрягся Комаровский.

– Наш с вами брак! – сосредоточенно вздохнула Маша.

Евгений Андреевич решительно встрепенулся, словно Маше неотвратимо угрожала реальная опасность. Он нахмурился, лихорадочно ища для неё правильный выход из такой опасной ситуации.

– Мне там в качестве испытания повелели провести ночную уборку... – усмехнулась Маша. – За мной по пятам ходили тамшний старик-дворецкий и какая-то здоровущая псина. Счастливецва, ко всему прочему, объявил мой оклад в полтора миллиона фокусом-покусом. Положил сорок тысяч,

и ни копейкой больше. Но дело вовсе не в деньгах. Вся тамошняя прислуга, включая дворецкого, была пропитана лакейством, как селёдка второго сорта ржавым маринадом. Когда я уходила, они и сумочку у меня вывернули, и что-то во рту моём тщательно искали. Хорошо, что в это время дедушка объявился. И стал громогласно требовать через забор что-то вроде: «Свободу Деточкину!» При этом на нём были афганский тельник и вэдэвэшный берет. Когда на него собак спустили, он так рассмеялся, что все эти псины рядом с ним с удовольствием разлеглись и принялись подгавкивать да хвостами весело вилять.

Евгений Андреевич поморщился.

– Позвольте! Да наш дорогой Пётр Прохорович, считай, час назад чуть ли не с кулаками уверял меня в духовной полезности рабства, собирался броситься ниц перед новыми долларовыми богами человечества!

Маша озорно прищурилась.

– Это он вас проверял! На понт брал, говоря его языком, – совсем по-девчоночьи вскрикнула она. – Потому что я с первой нашей с вами встречи призналась дедушке, что отныне без вас шагу не смогу одна ступить.

– Эх, Машенька... – смутился Евгений Андреевич. – Да какой же из меня по нынешним понятиям спутник жизни? Пустое место! У меня сейчас только одно самолюбивое устремление. И оно вызрело как раз в миг вашего волшебного явления. Вернее, выстрелило. Пора, Машенька, человечество обновлять! Ни изгнание Адама и Евы из Рая, ни уничтожение Содома и Гоморры, ни всемирный потоп результата, как известно, не дали. Человечество на всех парах, торжествуя, несётся прочь от духовности. Так вот, я предлагаю по новой запустить процесс эволюции. Для этого многого не надо: всего-навсего лужа и скол Челябинского метеорита со следами космического ДНК. Я уже нашёл хозяина такого вселенского чуда. Осталось найти мецената, чтобы его выкупить.

Евгений Андреевич дал объявление в газете. Днями к ним в дверь позвонил сам господин Счастливец и с чуть ли не по-мальчишески путаными извинениями сделал взнос, которого вполне могло хватить на покупку всего Челябинского метеорита. Оказывается, в нём многое изменилось в романтическую сторону после его встречи в Долине Нищих с Петром Прохоровичем и Евгением Андреевичем.

...Свадьбу молодожёны справили во дворе, расставив праздничные столы вокруг здешней знаменитой Лужи. Тамаде такое позиционное новаторство понравилось: он то и дело заставлял жениха носить невесту через Лужу на руках. В ходе одной из таких водных процедур Комаровский незаметно бросил в воду некий камень. Как исподтишка. Тем не менее тот звучно булькнул. Земная вода после долгого полёта в открытом Космосе вполне глянулась ему. Это был осколок Челябинского метеорита с чётко выявленной в нём космической ДНК. Он кособоко опустился на дно Лужи. Кажется, ему там вполне понравилось. Он почувствовал себя здесь как дома. По крайней мере, значительно лучше, чем в открытом Космосе.

Метеорит уютно погрузился в тёплый и нежный ил, приуговарываясь в нужное время запустить на Земле новый виток эволюции.

В конце концов, вдруг на этот раз человечеству так-таки счастливо повезёт?.. Остальное будет на его совести.

Олег
ЗАХАРОВ

ЭТА ТЁМНО-ВИШНЁВАЯ БЛУЗЬ...

Пародии

ВСЁ, ЧТО НУЖНО...

*Ты все так долго искал
Покоя. Созвучья. Участья...
...Россия. Распутин. Байкал...
Ну что ещё нужно для счастья?*

Диана Кан
(Оренбург)

Посмотришь, бывало, вокруг:
Край отчий. Россия. Отчизна...
...Радищев. Москва. Петербург...
Ну что вам ещё для туризма?

В дубраве слышны голоса,
Зимой отголосок их гулкий.
...Сусанин. Поляки. Леса...
Чего вам ещё для прогулки?

К душе обратите свой взор,
Почувствуйте, счастье какое!
Раскольников. Бабка. Топор...
Пожалуй, есть всё для покоя...

-
- Олег Владиславович Захаров – поэт, пародист, публицист, автор нескольких книг пародий и публицистики, публикаций в федеральных и региональных изданиях. Председатель Нижегородского отделения Союза писателей России, председатель оргкомитета Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех». Член Союза писателей России. Член издательского совета литературно-художественного журнала «Нижний Новгород». Живёт в городе Кстово Нижегородской области.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ДОЖДЯ

*И от небес любви уже не ждя,
Я буду петь мелодию дождя.*

Владимир Фёдоров
(Москва)

И от небес любви уже не ждя
И мокня от осеннего дождя,
Я сочинял, по улицам бродя,
Свои стихи на музыку кладя.

А может быть, на музыку ложа,
Я сочинял, по улицам брожа.
А дождь меня промачивал, лижа,
Свою натуру мокрую кажа.

И вот, не зная ни нотов, ни октав,
Я вдруг запел, на музыку поклав.
А небеса, кошмар такой не ждя,
С испугу перестали лить дождя.

ЭТА ТЁМНО-ВИШНЁВАЯ...

*Юбок ты износила немало,
Но хранит моей памяти глубь
То, что ты для меня надевала
На свиданье вишнёвую юбь.*

Фома Конфузов
(Нижний Новгород)

Не пойми меня слишком превратно,
Гардероб обсуждать не берусь,
Но сидит на тебе элегантно
Эта тёмно-вишнёвая блузь.

Ровный выточ. Подобраны пуговь.
И приталено грамотно вродь.
Правда, с обувью, кажется, туговь –
Слишком грубь эти жёлтые боть.

Польт и юбь покупала на рынке?
Сразу видно китайскую строчь:
Морщь в груди, на плечах и на спинке.
И, похоже, крива оторочь.

С этой юбью пора бы проститься:
В прошлом годь было моднь эта тканьь.
Как уходишь?! Куда мне катиться?
Вот так случь.. Что же дельь.. До свиданьь...

ВЕСЕЛО ЖИВЁМ!

*Выйду в поле, засмеюсь,
Отчего – не знаю,
Вот она – святая Русь,
Вот она родная!..
...Рядом, в белизне берёз
Не могу иначе,
Потому смеюсь до слёз,
И смеюсь и плачу...*

Владимир Решетников
(Нижний Новгород)

Выйдешь в поле – так и ржёшь,
Не остановиться,
Если видишь в поле рожь
Или там – пшеницу.

Одуванчик на лугу,
В небесах светило,
Уморили, не могу!
Аж кишки скрутило!

И при виде деревца
На лесной опушке
Заливаюсь без конца
Просто в покатушки.

Вот черёмухи кусты –
Я от смеха плачу,
Хохочу до икоты,
Не могу иначе!

Хорошо в краю родном
Всласть повеселиться.
Вот он – милый жёлтый дом,
Вот моя больница.

ПОЭЗИЯ ВДЫБЫ!

*Земле тепло и без огня вулканов,
Красива и без волн морская зыбь,
Но скучно моряку без океанов,
А конь красивее, когда поднялся вдыбь.*

Василий Сочнев
(Нижний Новгород)

Бесстрастные стихи приятно слушать,
В них нет ни потрясений и ни дрызг.
Но лишь тогда стихи тревожат душу,
Когда от строчек чувствуется встряск.

А чтоб в стихах не проявлялась немощь,
Вы у меня учитесь, молодёжь!
Для этого творю и вутрь, и всенощь.
Я сочиняю всядь и даже влёжь.

Творю безостановочно я, ибо
Зачем тогда талант мне Богом дан?!
Поэтому пишу, какой бы ни был –
И вдрызг, и влом, и даже вдрабадан!

Писатель я речистый, норовистый,
Мои стихи – как в тёмном царстве луч!
Вот только получил от пародиста
Я, как обычно, взбучь и нахлобучь...

Артём
попов

ГОД ТАВОЛГИ

ЕСТЬ ТАКАЯ ДЕРЕВЕНЬКА...

Лето. С другом Денисом трясёмся на «газике» по грунтовке. Пыль долго стоит в воздухе, чтобы потом незаметно осесть на придорожных берёзах и осинах. Листва на них уже седая. На дороге всюду коварные ямы «прощай подвеска». Бицепсы на руках у Дениса что трёхлитровые банки: покруги-ка весь день баранку, увиливая от ухабов. Наша дорога находится на границе двух областей, власти одной надеются на другую и про ремонт дружно забыли.

Вдруг впереди видим старичка, который топаёт чуть ли не посередине грунтовки, хотя вроде и не пьяный.

– Надо остановиться... – говорит Денис и сразу же тормозит. Он парень совестливый. – Мало ли что с ним...

– До Деревеньки подбросите? – заглядывает в кабину старик.

Это название такое, оказывается, – Деревенька. Денис знает, я – впервые слышу. Друг, не раздумывая, соглашается: нам как раз по пути. Роста старик выше среднего, аккуратная седая борода, как у святого с иконы. И глаза голубые, словно небо, – такие бывают у маленьких детей.

В разговоре выяснилось, что дед-то полуслепой! Вместо нашего «газика» видел лишь какое-то тёмное пятно. А возвращался он сейчас из магазина, за три километра, где покупал курицу. И как не сбили местные ухаи за рулём? Довезли мы его и денег, разумеется, не взяли, друг даже обиделся, когда старик вздумал расплатиться...

Забыл эту историю, пока следующим летом снова не оказался на той же самой по-прежнему не отремонтированной дороге. И тут вспомнил этого полуслепое старца и деревню под названием Деревенька. Зарулю-ка на полчаса!

-
- Артём Васильевич Попов родился в г. Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Работал корреспондентом городской газеты. Участник ежегодных Всероссийских совещаний молодых литераторов Союза писателей России. В 2020 году принят в Союз писателей России. Печатался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Юность», «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Волга–XXI век», «Бельские просторы», «Двина», «Сибирские огни» и других изданиях. Автор трёх сборников прозы: «Счастье прошедшего времени» (Северодвинск, 2018 г.), «Избачиха» (Архангельск, 2020 г.), «Ваня Француз» (Москва, 2022 г.) Живёт в г. Северодвинске.

Несколько сотен метров в сторону. Небольшое поле, на котором то тут, то там высятся старые кряжистые берёзы. Прошёл чуть подалее – видны и остатки срубов. Одна изба почти полностью ушла в землю, только несколько венцов на поверхности, а вот крыша – чудо! – в целости. Фронтон украшен резной доской, на чердачном оконце – наличники. Выпиливали, скорее всего, вручную. Белое эмалированное ведро закрывает трубу, чтобы дождь не испортил печь. Жив ли этот рукастый хозяин?

В окнах другой избы призывно колышется белая кружевная занавеска, а стёкол уже нет. Очередная умершая деревня.. Не сразу понял, что у каждого дома – будто сговорились хозяева – посажена берёза, исконно русское дерево. Изб почти не осталось, а берёзы всё растут. Природа им отмерила жизни больше, чем человеку.

Рядом с берёзами нагло и мощно прёт крапива: стебель высокий и мясистый, лист пышный, тёмно-зелёный. Наверное, когда-то здесь был огород или стоял двор, мычали коровы в ожидании хозяйки. Земля помнит заботу и до сих пор родит сочную траву, пусть и сорную.

Близко к берёзам не подхожу: крапива может маскировать колодцы, которые наверняка имелись у домов, а сейчас заросли, обвалились, но, если упадёшь в них, пропадёшь.

Один дом в деревне точно жилой. Трава около него выкошена идеально ровно, будто английский газон. Изба старая, брёвна почти чёрные, как крепкая чайная заварка. Между ними для тепла современный материал – пена, которая смотрится будто пробки во рту. Открываю калитку: тихо, хозяева собаку не держат, иначе давно бы шум подняла. На территории много резиновых покрышек, самых разных по размеру – от трактора, грузовика, легковой. Края их аккуратно вырезаны, и в каждой растут яркими шапками цветы. Напуганные моим появлением, нехотя взлетают дрозды и трясогузки, они здесь порхают и поют, как в саду Эдема. Если б из кустов выскочил заяц за морковкой – я ничуть бы не удивился.

К дому пристроена веранда, обшитая вагонкой. Около дверей прибита эмблема тепловоза с гербом уже не существующего государства СССР.

В окне замечаю того самого старика, которого год назад мы с другом подвозили. Он что-то старательно делает у оконной рамы: то ли штукатурит, то ли красит. Стою, смотрю – он всё работает, словно не замечает меня.

А ведь и точно – не видит!

– Есть кто дома? – так в деревнях принято говорить, даже зная, что дома кто-то есть.

Услышав мой вопрос, старик неспешно положил кисть и вышел на крыльцо. Прямой как гвоздь. Та же аккуратная борода, выбритые щёки, будто только из парикмахерской. Одежда рабочая, но чистая.

– Здравствуйте! Это я в Деревеньку попал? – спрашиваю. Надо же найти ниточку разговора, а для этого лучше притвориться несведущим.

– Да, Деревенька и есть. А вы к кому здесь? – кажется, будто старик смотрит сквозь меня.

Объясняю, что ехал мимо, остановился отдохнуть, а название когда-то слышал раньше. Да, поясняет, была когда-то деревня, а нынче с женой они одни зимовали.

На разговор выходит женщина, выглядит чуть моложе хозяина.

– Ой, я переоденусь, обождите. – И быстро уходит в дом – не принято перед гостями появляться в повседневной одежде.

Выходит через пару минут в яркой кофточке. А как похожа лицом на мужа! Вспомнилась примета, что счастливо и долго живут те пары, где супруги внешне похожи друг на друга.

Если хочешь расположить хозяина – похвали его дом. Старик с гордостью рассказывает, как поднял дом на бетонный фундамент, иначе бы тот ушёл в землю, как все остальные в деревне, а сейчас стоит стопочкой, ровно.

А женщина поведала мне загадочную историю этого дома.

– Несколько лет назад в деревню прибился кот. Серый, пушистый, видно, что домашний. Близко не подходил, но, когда давали еду, всё съедал. Наведывался так несколько дней подряд.

Как-то раз мы поехали за продуктами в соседнее село и на двери магазина увидели объявление: «Потерялся кот, домашний, привезён в деревню на лето. Очень скучают дети». И указан номер телефона. Позвонили по этому номеру, рассказали про нашего приبلудного кота: похож...

На следующее утро рано-рано приезжает старушка и спрашивает:

– Это вы вчера про кота звонили? Со мной разговаривали.

Пригласили её пройти. Говорим, что кот тут где-то ходит, вы подождите, вдруг он появится. Пока она ждала, разговорились. Оказалось, что дом, который мы купили в начале девяностых годов, начал ещё до войны строить её отец. Когда его забрали на войну, достраивала мать. После войны они продали дом и уехали. А сейчас, много лет спустя, старушка собралась к дальним родственникам в гости в соседнее село. И как же удивилась, что родительский дом по-прежнему крепко стоит!

Пробыла здесь старушка целый день. Малины насобирала, по деревне погуляла, но кота, правда, не нашла. Да и котяра после того дня ни разу не приходил...

Вот такой сюжет. Уверен: так всё и было, потому что коты знают чуть больше нас. Недаром к ним такое уважение у верующих, что и в церковь пускают.

Даже после этой личной истории, которую рассказали единственные жители Деревеньки, не решаюсь на вопрос, который меня сюда привёл.

Разрешилось всё само собой, в разговоре. Легко и обыденно рассказывает старик про свой недуг, словно это пустяковый насморк:

– Лучше б всё было и с домом, и огородом, если бы я видел. А так – одни тени да силуэты. Животин не держим. Из забот – только огород. Нет, не скошу морковь и лук, не волнуйтесь – досками отделаны гряды. Цветы вон жена посадила тоже в колёсах, а то раньше не успевали распуститься – скашивал.

– А откуда у вас эмблема с тепловоза? – любопытствую.

– Дак я на тепловозе сцепщиком работал. Предприятие «Локомотив» называется. Сцеплял цистерны с мазутом на нефтебазу и вагоны, возившие грузы на военный завод. Нельзя ошибиться.

Как же это возможно?

На моё вопросительное молчание ответил спокойно:

– Паря, я же не всегда слепой был! Когда уже на пенсию вышел, это случилось. Беда-то. Никто из врачей толком причину назвать не может. Ну и вылечить тоже. Один доктор даже сказал, что эта аномалия у меня с рождения. Потом я рассказал, что сцепщиком работал, он и язык прикусил. Инвалидность только не дают – плохо. Пенсия бы другая была.

– В Пенсионном фонде всё удивлялись, что есть такая Деревенька. Думали, мы шутим, – жена продолжила о непростых взаимоотношениях с казённым ведомством.

Так мы долго проговорили. И тут меня осенило: я даже не спросил, как зовут эту пару! А теперь спросить уже и неудобно.

Меня всё интересовало, как они живут – одни и почти в лесу.

– Да у нас как в столице. Продукты с доставкой на дом, что закажем, то и привозят теперь из соседнего села. Магазин там, – ответила женщина. – Постоянно кто-то приезжает в гости, много у нас тут родни живёт. Жаль, дочка в этом году не навестит летом: только на новую работу устроилась. А видите дорогу за огородом? Там на Заимку путь. Деревня, ещё дальше нашей. Не-э, не жилая. Дети и внуки приезжают иногда в Заимку посмотреть родительские дома, вернее, то, что от них осталось. Тянет... Они там и беседку поставили, чтобы от дождя укрыться.

Пора мне собираться в путь, прощаюсь. Хозяин уверенно вкладывает руку прямо в мою, как будто видит протянутую ладонь. Или чувствует.

– Счастливо вам добраться! Заезжайте, если надумаете, подольше погостите. Ну, с Богом! – провожают меня.

Кажется, остаётся что-то недосказанным. Грустно уезжать, но стараюсь говорить бодрым голосом:

– А вам счастливо оставаться!

Эх, сколько таких безымянных деревенок в многострадальной России, где доживают свой век один-два человека!

Милые, добрые старички, они ещё долго смотрели мне вслед. Он – опершись на калитку, она – рядом. Моя машина через минуту подняла придорожную пыль, и Деревенька скрылась. А я до сих пор вижу эту картинку ясно, как в тот солнечный день.

ГОД ТАВОЛГИ

Указатель с названием деревни «Павшино» как будто нарочно замаскирован ветками буйной ивы – издалека и не увидеть. Пришлось нажать на тормоз, чтобы не проехать мимо. С асфальта сворачиваю на узкую лесную дорогу. Бывший зимник, припорошённый старыми иголками и шишками, в середине лета стоял сухим. По сторонам дороги то тут, то там глубокие ямы, словно ловушки для медведей.

Ищу деревню Павшино, где, по рассказам бабушки, жил гончар. Она покупала у мастера кринки, миски, кружки и прочую посуду для хозяйства. Говорила, что в глиняной посуде молоко долго сохранялось свежим. А вдруг старик жив до сих пор? Или дети, внуки остались в Павшине, и они повспоминают мастера?

Дорога из бора вывела к реке василькового цвета, почти на самом берегу которой стояла иномарка. Около неё копошилась молодая парочка, доставая из багажника закуску. Парень, в облегающих плавочках, довольный собой и своей спутницей в открытом купальнике. Не рады меня видеть: уединились, а тут я.

– Нет, мы не местные. Не слышали ни о каком Павшине, – парень смотрит весёлыми, с хмельным блеском глазами.

Я дошёл до воды по чистейшему, белому, словно мука, песку. А в реке прохлаждается пакет с банками пива, привязанный к коряге. Тут же валяется одна уже опустошённая и сдавленная жестянка. Эта парочка хорошо подготовилась. Да, глиняной кринки не найти, а вот жестяные пивные банки долго будут напоминать о нашем поколении.

Как мне рассказали перед поездкой знающие люди, Павшино стоит на берегу озера, точнее, не совсем озера, а на старице – старом русле полноводной реки. Давным-давно, лет двести назад, здесь был изгиб реки, на её

берегу располагалось несколько густонаселённых деревень: Павшино, Павлово, Наволок, Исток. Со временем река изменила русло и ушла в сторону, где и сейчас благополучно протекает, а старое русло, которые местные называют озером, в форме дуги, потихонечку зарастает.

Обычно деревни с названием Наволок стояли у излучины реки. Чтобы не плыть на лодках против течения, здесь их перетаскивали волоком по берегу, а на месте, где останавливались на отдых, и основывали деревни.

Подпрыгивая в машине на сосновых корнях, выбрался на асфальтовую дорогу. Через минуту из-за поворота увидел велосипедистку лет пятидесяти, а то и больше. Она была в длинном платье, наверное, мешающем ей крутить педали, но так женщина прятала голые ноги от комаров и оводов. На руле прикреплена берестяная корзина – по грибы по ягоды отправилась. Вблизи женщина чем-то напоминала сову: и без того большие умные её глаза ещё увеличивали толстые стёкла очков. Притормозил. Женщина тоже остановилась.

– Вы в Павшино? Так там никто не живёт, – расстроила меня сразу. – Поезжайте лучше в Павлово, она перед Павшином. Там хоть люди есть.

Познакомились. Наталья, так она назвалась, – дачница из деревни Наволок. Купили с супругом дом ещё в 90-х годах.

– Воздух здесь чистейший! Из-за природы мы в этих местах и обосновались, хотя сами родом издалека. Муж мой рыбак и охотник, для него тут раздолье: щуки, окуни, утки, глухари. А ведь мы могли и не остаться здесь жить... Так испугалась я в первую ночь в новом доме, точнее, новом для нас – пятистенку-то лет сто, не меньше. Сейчас думаю: как я решилась остаться ночевать одна? Молодая ещё была.

И Наталья рассказала леденящую душу историю своего заселения.

– На входных дверях кольцо, такое большое металлическое, и засов. Кто откроет – слышно далеко. Ну вот, задвинула я засов, потом в самую избу тоже дверь на крючок закрыла, – погрузилась в воспоминания Наталья. – Легла и начала уже с устатку вроде засыпать, как вдруг слышу: кольцо в сенях загрохотало. Август стоял, темень непроглядная. Тяжёлые шаги в сенях. Я вся сделалась ни жива ни мертва. Кто-то скидывает крючок в самой избе... Я смотреть в сторону дверей боюсь, глаза зажмурила. А через минуту меня кто-то словно рукой начал мягко за ногу тянуть с кровати! Рука не тёплая и не холодная, как будто ватная. Боже мой! Я начала читать «Отче наш», единственную молитву, что помню наизусть.

На улице поднялся ветер, завывало, будто февральская метель: «У-у-у!» Старый тополь у дома зашумел листвой, казалось, ещё немного – и его вырвет с корнем. Невидимая рука вдруг резко отпустила меня. Ветер так же резко стих, как и начался. Я, наверное, поседела за эти минуты. Еле встала с кровати, дрожащими руками включила свет. Так до утра больше не уснула.

– А двери, двери-то закрыты были? – кажется, за время рассказа волосы у меня встали дыбом.

– Как раз открыты! Соседка, баба Маша, сразу сказала, что это прежние хозяева приходили знакомиться. Посоветовала мне свечку в церкви купить, зажечь, святой водой всё окропить и никогда в доме одной не ночевать. Так и сделала. Больше никто не приходил. Зато каждую весну, как только приедем и затопим печку, неизвестно откуда к нам на дымок тут же является чёрный кот с белым галстуком на грудке. Старый, шерсть местами свалялась, местами облезла, глаза слезятся. Кот-старик. Но важный какой! Вечером заберётся на колени и смешно шевелит усиками, пока я семечки ем. Ему тоже чищу. А он что, хуже человек? Тоже страсть у него к семкам.

С Натальей мы успели поговорить о прежних обитателях соседних деревень. В Истоке жил в последние годы один-единственный житель – инвалид Миша.

– Очень плохо ходил, хронал. Называли его Миша Француз: речь никто не мог понять, была какая-то болезнь. За ним присматривала сестра, чтобы не упился. Раз в месяц почтальонка приносила Мише пенсию по инвалидности. И эту пенсию иногда отнимали у него какие-то приезжие из райцентра отморозки. А в Павлово жил его дружок Толян, по прозвищу Брокер. За свою работу – траву покосить, грядку вскопать, дрова поколоть – всегда просил немалую денежку. Пропивал всё потом с Мишей Французом. В деревнях с 90-х годов, как не стало совхозов, пили почти все мужики. Толян тоже помер вслед за Мишей...

Как рассказала Наталья, от Павлово и Наволока сегодня осталось несколько домов. А раньше в каждой насчитывалось дворов по восемьдесят, три порядка – так по-деревенски называли улицы. Зажиточно жили. У многих были срублены пятистенки из лиственницы. Свой клуб, магазин, пекарня и начальная школа. Скотный двор стоял, сеяли ячмень, другие культуры. Ничего теперёшь нет, некоторые крепкие лиственничные дома увезли на продажу.

– И озеро начало зарастать. Сосед Никола чистил немного, но потом забросил, вот и забивается оно потихоньку телорезом. Так мы называем растения, которые водятся на озёрной поверхности, ими запросто можно порезаться, – предупреждает Наталья.

– Так, может, добраться до вашего Наволока на машине?

– Нет, не получится, у нас там протекает ручей Каменный, автомобильного моста через него нет. Издалека только посмотрите. В центре деревни муж поставил на флажке российский триколор. Живёт деревня! Высокий колодец-журавль ещё увидите. Оттуда для питья воду берём. Вот так сидишь в доме, пьёшь чай из блюдца, как раньше бабушка, а мимо то лодочка проплывёт, то уточки, то лебеди... Проболтала я с вами!

Наталья засобиралась в путь.

– Вы лучше таволги себе нарвите, белая трава, все луга в ней сей год. Насушите, – посоветовала Наталья. – Мы собираем эти цветы, завариваем с другими травами в термосе и всю зиму пьем вместо заварки, получается полезный вкусный чай. Пахнет мёдом... Сладкий, можно без сахара пить. И от комаров помогает, если протереть кожу.

Последние слова она кричала уже на ходу, быстро крутя педали скрипящего велосипеда. Задержал её со своими расспросами.

Потом долго, до сумерек, блуждал по приречным лугам, на которых разлилось белое море таволги с островками сиреневых колокольчиков и миниатюрных гвоздик. Не нашёл я ни Павшина, ни Истока. Не увидел деревень – знать, даже остатки срубов утонули в зарослях таволги. И правда, год таволги! Я сорвал несколько соцветий этого чудо-растения, протёр, по совету Натальи, лицо, шею. И комары-звери отступили.

...Павлово, Павшино. Два похожих названия. Может, в честь апостола Павла, испокон веков так любимого крестьянами? И ещё подумал, что, конечно, и ночное видение, и старый блуждающий кот неслучайны. Души бывших жителей деревень навещают свои дома, тревожатся. И там им нет покоя...

**Эллина
САВЧЕНКО**

ПТИЦА НАД ВОДОЙ

Очерк

Второй день сыплет мелкий дождь. Оплывают рыжиной облепиха и калина. Окно в моей комнате приоткрыто. По плотным стёклам, обрамлённым деревом, змейками струится вода.

Семь часов утра. Завариваю монастырский чай. Здесь, в Марие-Магдалинской обители, монахини выращивают и сушат множество лекарственных трав. Слушаю, как отстукивает ритм природа, звучно барабая по железной входной двери, карнизам, по гладким брускам архиерейского дома.

Пока чай остывает, надеваю галоши, накидываю дождевик и спешу к сушке; из печной трубы поднимается прозрачный ароматный дымок – запах вишни. Он перемешивается с влажным воздухом. Дорога до «башни» лежит через фруктово-ягодный сад. Пахнет недавней покосиной и редкой яблонево-кислой падалицей.

Тёплая наружная стена, в которой спрятан дымоход, закопчена у заслонки. Заглядываю внутрь небольшой сушильни – там по обеим сторонам деревянные стеллажи в пять ярусов, и на них самодельные короба с сетчатым дном из нержавеющей стали. Всё пропитано особенным запахом сушёной вишни...

Краски южной осени насыщены. Радует глаз ещё не опустевший малахитовый сад на монастырском подворье, где ровные ряды деревьев в солнечную погоду откидывают густые тени.

Летом девочки, приезжающие в монастырь на каникулы, собирали на поле календулу, и высокие пахучие травы путались в их длинных рабочих юбках. Юные помощницы рвали липкие солнечные цветки и кидали их в короба. К вечеру медовые закат-

-
- Эллина Сергеевна Савченко родилась в 1982 году на Колыме, в пгт Кадыкчан. Поэт, прозаик, публицист, фотохудожник, член Союза писателей России, почётный наставник молодёжи, руководитель Совета молодых литераторов Кубани, лауреат премии «Российский писатель» в номинации «Позиция», лауреат различных литературных конкурсов, в т.ч. международных. В конце 2019 года участвовала в совещании молодых писателей Китая и России. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т.ч. газетах «Кубанский писатель», «Горячий Ключ», «День литературы»; журналах «Краснодар литературный», «Перископ», а также в журнале «ГражданинЪ», куда помимо рассказов вошли и авторские фотоработы; в одном из китайских журналов. Живёт в Краснодаре. Работает учителем литературы в школе семейного образования, ведёт творческую мастерскую.

ные лучи заливали благодатным светом смиренно-величественные купола Свято-Покровского храма и ласково озаряли юные лица.

...Тишина неспешно гуляет по обители. Почти собран урожай, отошло время засолок и летних хлопот на кухне, в палисаднике и на огороде. Впрок заготовлено сено для скотины. Ещё вспыхивают изредка бутоны розовых кустов, но осень ощущается уже во всём.

Возвращаюсь в архиерейский дом. Мы с оператором собираемся на хутор имени Димитрова (бывш. Малинино) снимать репортаж. С этим хутором связана вся судьба монастыря. Пока допиваю чай, рисую себе образ игуменьи Митрофании, настоятельницы первой женской обители на Кавказе. Сложно представить, как эта женщина, уповая только на милость Божию, осмелилась затеять на совершенно пустом месте строительство монастыря. А ведь время было неспокойное – 1846 год.

Уже почти полвека шла борьба за укрепление южных рубежей России. Присоединение Кавказа к Российской империи должно было прекратить кровавую племенную междоусобицу, принести мир исстрадавшейся земле. Для создания культурной и религиозной общности на вновь обретённых землях была создана Кавказская и Черноморская епархия (территория её простиралась от степей Астрахани и земли войска Донского до Кавказского хребта). Измученный войнами народ искал утешения и исцеления душ в монастырях, но из-за отсутствия именно женской обители вдовы и сироты вынуждены были покидать родные края, ища покровительства Божьего в монастырях других епархий.

За окном мелькнул силуэт. Вошла мать Савватия. Она сообщила, что машина на Димитрова готова и меня уже ждут. К тому времени погода сжалась над нами – дождь перестал. Пахнуло свежестью, и одновременно пришло какое-то смешанное чувство радости и волнения.

Лиловатое, с прожилками облаков небо оживилось и заиграло. Дорога, пустая и скользкая от дождя, бежала нам навстречу, напоминая речушку. В почти раздетых полях от подсолнухов осталось только одинокое жнивье. Эта дорога исстари верно служила тем, чьими усилиями по кирпичику возводилась святая женская обитель.

В школе мы кратко изучали биографию генерал-лейтенанта Рашпиля: родился в 1801 году, происходил из дворян, получил домашнее образование, служил в казачьих частях, радел за подъём образования среди населения. Но никогда нам не доводилось слышать о том, что во многом именно его стараниями был устроен первый на Черноморье монастырь.

Сейчас с огромным интересом узнаю о том, как по провидению Божьему в 1846 году произошла встреча есаула, наказного атамана, с монахиней Лидинского монастыря Митрофанией, которая пришла от своего монастыря на Черноморье для сбора средств. Будущая игуменья смогла убедить Григория Антоновича в острой необходимости создания женской обители на родной земле. Кстати сказать, Митрофания, в миру – Золотаревская, сама была черноморкой. Родилась она в 1795 году, так же, как и Рашпиль, происходила из дворян. Получив очень достойное образование, впоследствии она непрестанно занималась самообразованием. В 1822 году, став вдовой, Митрофания, чуткая, добродетельная, с теплом относившаяся ко всему живому, ушла в монастырь. Невзгоды и лишения не ожесточили её любящего сердца.

...Проезжаем мимо пасущихся лошадей. Грузная кобылица, с широкой светлой проточиной на лбу, неспешно перебирая ногами, приминает влаж-

ную траву. Прыткий жеребёнок со щетинистым рыжим рядком на длинной шее резвится рядом, весело пофыркивая. Пара тонконогих малышей заигрывает со своими мамками, тычась крутыми лбами в их круглые бока. Вспомнилось, что именно разрушенный конный завод в излучине реки Кирпили выделили монашествующим для их нового размещения и будущего строительства пустыни. Мало кто верил тогда в успех этой благой и великой идеи. Испросить одобрения правительства, ручаясь, что обитель можно устроить на одни частные пожертвования, – смелый поступок! Тогда во всех станицах неравнодушные люди откликнулись, много жертвовали сами казаки. На невозделанной пустыни с нуля, собирая доброхотные подаяния, принимая в дар любой строительный материал, ревнители веры воздвигали Марие-Магдалинский монастырь.

Сам Рашпиль не предполагал, что из этого выйдет. Митрофании он мог сказать лишь одно: «Молитесь Богу, а я буду стараться об этом деле». Деле, благодаря которому возрастёт живое народное усердие к религии и образуется обитель, где обретут покой и утешение беспомощные старицы и вдовы...

Рашпиль хлопотал ещё и за обустройство при монастыре женского пансиона – школы и приюта для девочек. Так и сложится – обитель станет единственным местом, где будут заниматься воспитанием и обучением девочек из казачьих семей. По достижении шестнадцати лет девочки возвращались в семьи – в этом родителями давалась расписка. Так, к 1862 году в школе насчитывалось около двухсот воспитанниц, постигающих грамоту и ремёсла.

А пока остаётся два года до официального постановления о создании Мариинской пустыни. К слову, это имя носила и супруга будущего императора Александра II, почитаемая народом, – Мария Александровна. Она много жертвует для монастыря. Некоторые подарки императорской семьи станут особо хранимыми и значимыми для храмов обители.

Мастерицы обители славились умением вышивать золотом, серебром, синелью и шелками. Были среди сестёр и умелые ткачихи, а некоторые вязали, изготовляли чётки и разные краски, переплетали книги.

И сейчас, особенно в конце осени, когда высвобождается время, сёстры чаще проводят его в иконописной мастерской и за рукоделием, сохраняя, развивая и оберегая традиции своих предшественниц. Всё и всегда делается с усердием и чистой молитвой, с особым настроением и добрыми помыслами.

...Мы въезжаем на хутор. «Что это за строение?» – спрашиваю у матери Савватии, когда мы приближаемся к невысокому белому дому. «Бывшая мельница, – отвечает она. – Тоже монастырю принадлежала... Во время войны фашисты одного хуторянина тут, на ветродвигателе, повесили. Всякое бывало... Елена, – обращается ко мне монахиня, – а давайте-ка напрямиком к Нине Мифодиевне поедем. Здесь близко. Она ведь свидетелем тогда была. Сама всё и расскажет. А уж потом и на подворье, согласны?» Я не задумываясь соглашаюсь.

Подъехали к аккуратному сложенному домику. Нас встречает пышная, рясная калина. По двору весело носится рыжий котёнок. А вот и хозяйка – потихоньку, опираясь на трость, идёт нам навстречу и радушно улыбается, хотя волнуется немного, живёт и болит в ней по сию пору воспоминание. Располагаемся во дворе и ведём неспешно беседу...

«В 1936 году мы с родителями приехали из Воронежской области. Много нас, ребятшек, у мамки с батей было. Разместили нас на втором этаже

монастырской трапезной – целых три комнаты отдали. И пока не окончилась война, мы туточки оставались, на территории бывшей обители. Довелось нам жить и в «гэшках» – монашеских кельях. «Гэшки» – потому, что буквой «г» располагались.

А сама трапезная столько изменений претерпела – и школа в ней была, и клуб был... А «тёплую» церквушку, так мы называли её, переоборудовали под спортивный зал. Правда, пугались мы там заниматься – потолки ведь и стены расписанными остались... «Глядят» на нас святые, а нам жутко... Зато в монастырскую пекарню как бегали – ой, вкусный хлебушек был!

Честно скажу: веру в Бога люди сохранили и тогда. И молились тихонько Господу, и крещение принимали тихонько... Мы, дети, так остро это не воспринимали, но взрослые, особенно старики, очень переживали, собирались маленькими группами, у кого где можно, и молились.

Здесь, на хуторе, жила тогда одна-единственная монахиня – Макрина, оставшаяся в обители после прихода Советской власти. Сказала, мол, хоть убейте, а хутор не покину. Так вот, она-то, добрейшая, трудолюбивая, сердобольная, и детишек подкармливала, и взрослых утешала. Сама аккуратная, подтянутая, росточка небольшого... К ней всегда народ стекался. Будто огонёк нам всем светила.

Очень эта Макрина с моей бабушкой дружила. Бывает, часами сидят в комнате и разговоры ведут. Но нам бабушка ничего не сказывала об их беседах и делах, видать, боялась за нас.

А в войну вот какой случай вышел: немцы хотели выведать, кто напал на их солдат, пригрозили всех: и детей, и стариков, и женщин, и инвалидов – всех, одним словом, запереть в амбары и поджечь. И вот, когда всех согнали на площадь, матушка Макрина принялась упрашивать старшего немца, чтоб пощадили людей, и каким-то чудесным образом убедила его в невинности хуторян. Сказала, что нападавших она своими глазами видела – моряки, все в чёрное одеты... Немцы для острастки повесили-таки пятерых хуторян. И почти неделю не разрешали мёртвых ховать, а жара страшная была, дух невыносимый стоял... Разве забудешь когда?..

Что было – то было. Но к Макрине немцы относились с уважением, лукавить не буду. Не трогали они монашествующих, то – чистая правда. Давали возможность отправлять религиозную службу на оккупированных территориях, но для того, чтобы держать людей в повиновении. И священники, монахи шли на подвиг смирения, чтобы быть со своей паствой.

А когда мать Макрина, душа ангельская, совсем в летах была, ей всем миром помогали, никогда без угла тёплого и без хлебушка не оставляли, дохаживали, досматривали. Померла когда, колхоз её, смиренную, хоронил. Правда, просьбу её последнюю – крест поставить на могилку тот, что от церкви ещё остался (он у неё подле окна стоял, она молитвы пред ним читала), – председатель-то не выполнил. Да и люди худые нашлись, которые крест этот потом на куски разбили и вместо гнёта для засолки использовали. Всякое бывает, милые... это жизнь. Сейчас концов не сыщешь – куда-то ведь и колокол подевали. Переплавили, небось. Тогда всё шло на производство. А здесь недалеко и могилка Макрины...»

Скромная могила монахини Макрины, почившей в 1950 году, приютилась на краю небольшого кладбищенского пригорка. На табличке выбита фамилия – Чайкина, хотя по воспоминаниям и записям – Чайка она... Нет фотографии на железном резном кресте подвижницы, тихо и мирно покинувшей этот свет. На мой вопрос, чем занималась мать Макрина в последние годы, старожилы ответили: «Просто жила...»

А вот и подворье (у монастыря оно было не одно). Здесь тихо и пусто, но дух истории по-прежнему ощущается во всём. Слева за сохранившимися амбарами – поле, долгое и молчаливое. Это бывшее кладбище монастыря – сейчас на нём выращивают кукурузу. Удивительно, но у края поля стоит высокая, каких я никогда раньше не видела, груша, ещё та, монастырская, чудом уцелевшая свидетельница войн и бед. В старых документах, казачьей описи, сохранились данные о том, что на территории разрушенного конного завода росли две яблоньки и четыре кислицы. А уже потом монахини высадили здесь множество плодовых деревьев.

Где-то среди этого поля покоится и первая настоятельница – игуменья матушка Митрофания, прослужившая в монастыре ревностно и самозабвенно двадцать лет, со дня заложения первого камня в 1849 году до последнего своего часа... А вот что ещё поведали мне старожилы из истории монастырского кладбища: однажды хоронили на этом поле скончавшегося от ран солдата и, когда копали яму, наткнулись на тело упокоенной монахини, имени которой никто не знал. Но удивительно было то, что она «аки цвет» была – нетленна...

Одинокая раскидистая груша смотрит на бывшую аптеку, что была при обители. А нынче это чей-то чужой жилой дом, справа – худо сколоченная голубятня. Я заглянула в окна подвала – темно и жутковато. Говорят, здесь во время гражданской войны в сырых застенках пытали монахинь... Вековая свидетельница видела, как в 1918 году власти расправились со священнослужителем, великомучеником Григорием, принявшим жестокие пытки перед казнью. Он был объявлен врагом народа. Об отце Григории вспоминают как о кротком человеке, талантливом учителе, радеющем об образовании детей и просвещении взрослых. Он организовал народную читальню, сделал многое для прихожан и воспитанниц приюта. Теперь 10 июля, в день смерти священномученика, совершается ежегодное поминовение.

За палисадником, заглядывающим в пустые глазницы полуразрушенной трапезной, о которой упомянула в разговоре Нина Мифодиевна, – река. Направляюсь туда мимо места, где стояла первая деревянная церковь. Её привезли из станицы Старокорсунской, разобрал, а затем собрали здесь заново.

Подхожу к реке и замираю – в воде, поодаль от помоста, стоит большая серая цапля. Деловито вытянув шею, она словно пьёт утреннюю дымку, не обращая на меня внимания. Я, почти не дыша, чтобы не спугнуть птицу, достаю фотоаппарат и успеваю сделать несколько кадров. Но вот она присела и ударила крыльями по воде. Потом резче и быстрее – и наконец-то взлетела, роняя крупные капли. Часто взмахивая крыльями, цапля набрала высоту, а потом мягко спланировала за деревья, едва видимые в тумане. Удивительное, редкое зрелище!

Мать Савватия объясняет, что эта гостья здесь частая. Мне почудилось, что серая цапля ищет кого-то или ждёт, а может, это именно она удерживает невидимые нити, соединяющие прошлое с настоящим...

Далёкое прошлое здесь, на этой земле, становится близким, которым дышит всё вокруг, волнуясь, переживая, ожидая чего-то, храня память о тех, чьими трудами обустроивалась Мариинская обитель. Кроме подвижников Митрофании и Рашпиля, хлопотал о ней и преосвященный Иеремия (в миру Иродион Соловьёв), получивший от родителей религиозно-нрав-

ственное воспитание. Помимо прочего, он объяснял современникам важность образования для девушек. Много внимания Владыка Иеремия уделял духовному образованию. Он часто посещал семинарию и училище, где всегда отмечал самых талантливых учеников. Всё, что архипастырь делал для обители, было освещено каким-то особым, чистым восторгом. Вообще же судьба этого человека – глубочайшей веры и духовной чистоты – удивительна: Владыка Иеремия прошёл долгий путь от Севского училища и Печерского монастыря, «возвращения в мир» (продолжить обучение в Санкт-Петербургской духовной академии) и посвящения его в сан архимандрита в Александро-Невской Лавре, до назначения его 1 января 1843 года епископом Кавказским и Черноморским в новооткрытую епархию с местопребыванием в г. Ставрополе. Открыв духовную семинарию, преосвященный Иеремия на собственные деньги учредил стипендии для бедных учеников, на средства, пожертвованные одним богатым купцом, построил большой дом под общежитие для бедных детей кавказского духовенства. Он же благословил Мариинскую пустынь драгоценным подарком – иконами, особо почитаемыми в монастыре, – Святой равноапостольной Марии Магдалины и Иверской Божией Матери.

Теперь я своими глазами увидела чудом уцелевшую и даже частично служащую людям бывшую монастырскую трапезную. Частично потому, что на втором этаже обустроена домовая церковь. Помещение маленькое, тёплое, светлое. Половицы поскрипывают, дышит живой иконостас... Вдоль стены по длинному коридору – немного истории «под стеклом»: старинные вещи, принадлежавшие насельницам, книги, бытовая утварь. Их когда-то касались руки самоотверженных подвижниц, беззаветно служивших Богу и людям. Сердце щемит... Где затеряны следы этих святых женщин? Живы ли сейчас какие-нибудь их родственники? Вспомнят ли, узнают ли, найдут ли почти невидимые нити прошлого?

В этом прошлом живёт подвиг наряду с ратным – подвиг сестёр, отправившихся из обители к театру военных действий в азиатскую Турцию (1877–1878 гг.). О судьбе этих шести монахинь писали в кавказских епархиальных ведомостях. Одна из сестёр умерла от тифа, ухаживая за солдатами.

...Первый этаж бывшей трапезной много лет терпеливо ожидает восстановления. До мая 1918 года, пока при поддержке Роговского ревкома не образовалась коммуна с символичным названием «Всемирная дружба», при монастыре были приют для сирот, школа для девочек и последнее пристанище для стариков. При пустыни имелись пасека, пашни и огород, кузница, маслобойня и швейная мастерская, иконописная, скотный двор, бакалейная и книжная лавки, а также небольшой кирпичный завод. Сколько щедрых душ здесь трудилось, сколько сил было вложено! Сколько лет было посвящено делу, которое разрушили в один миг...

В 1920-х годах, когда монашествующих жестоко преследовали, около четырёхсот пятидесяти сестёр были выдворены за ворота обители. Около двухсот послушниц отправили на рыбные промыслы в Порт-Петровск (Махачкала). Иные разбрелись по станицам, иные были жестоко убиты...

Сосланным в другие земли разрешалось взять с собой лишь то, что они могут унести. И монахини привязывали к телу, под одежды, иконы и книги. Власть долгое время переходила от белых к красным, от красных – к белым. Коммуну то изгоняли с территории монастыря, то вновь организовывали.

Аресты, обыски, разгромы, эвакуации и передача имущества из рук в руки тянулись страшной нескончаемой вереницей...

...По первому этажу бывшей трапезной гуляет осенний ветер, бродят тишина и тоска. Я почему-то вспомнила мотив песни «У Чёрного моря», когда-то её пел Утёсов. Смотрю на сохранившуюся сцену клуба, на которой выступали самодеятельные коллективы. Возможно, тут крутили кино и устраивали танцевальные вечера. Сквозь окна, затянутые рваной старой плёнкой, глядит вечное доброе солнце, дающее надежду всему живому.

Утром следующего дня спешу на сакральное для монастыря событие – постриг. Две сестры, готовые облачиться в хитоны вольной нищеты и нестяжания, стоят словно в узком коридоре из мантий выстроившихся в два ряда монахинь, в руках которых горят высокие свечи. Принимающие постриг простоволосы, облачены в белые длинные одеяния. Скоро их мирские имена сменятся на монашеские – Елисавета и Варвара. Пусть свершится великое таинство – обет служения Господу Богу и людям, данный теми, кто, отрекаясь от мирского, принимает ангельский лик, мантийное монашество.

Обе сестры лежат на полу лицом вниз, раскинув руки крестом. Владыка даёт им знак подняться. Смирненно склонив головы, обе одновременно отвечают на его вопросы. Присутствующие в храме с радостным волнением наблюдают за происходящим. Солнечные лучи, падающие сквозь полукруглые своды, скользят по стенам, выложенным на треть гладким круглым камнем, по иконам и подсвечникам... Льются молитвы, песнопения – ладные, умиротворяющие. Они звучат то тише, то громче, то медленнее, то быстрее, вливаясь в общее благоговейное настроение.

Вот Владыка срезает с голов будущих монахинь по небольшой пряди волос. Наперсницы обступают их ещё плотнее, готовясь облачить сестёр в одежды духовной радости. Когда всё свершается, мать Елисавета и мать Варвара тоже берут в руки высокие свечи. Головы их уже не опущены, а глаза устремлены на Владыку и иконостас.

Все сёстры переполнены радостью, иные не скрывают слёз, искренне улыбаются, наверняка вспоминая свой постриг и свои переживания. Мне тоже с трудом удаётся сдерживать волнение. Принявших постриг сердечно поздравляют. Теперь и им предстоит нести свет благодати, служа Богу и людям, бережно хранить историю обители, удерживая нити прошлого, передавая их будущему.

Тем же вечером мы вернулись в Краснодар. По пути домой прошу водителя свернуть в Димитрово. Он, усталый, удивляется, мол, зачем мне это в такое позднее время. «Пожалуйста», – тихо прошу я его. Мы останавливаемся у торца бывшей трапезной. Быстро спускаюсь к помосту ещё раз посмотреть на то место, где встретила большую серую цаплю. Не передать словами ощущение трепета, переполняющего меня в тот момент...

...Река, засыпая, словно чистое зеркало, отражает осеннее вечернее небо. Скользят по воде янтарные лодочки, сорвавшиеся с прибрежных деревьев, и кружит среди них одинокое серое пёрышко... Но вот оно, подхваченное течением, выпрямилось и легко поплыло – всё дальше, дальше... связующая ниточка...

**Залина БАСИЕВА,
Нина ЯГОДИНЦЕВА**

Автор стихов – Залина Руслановна Басиева, член Союза писателей России, руководитель секции поэзии Союза писателей Северной Осетии, поэт, переводчик, лауреат Государственной литературной премии имени М. Камбердиева, лауреат Международной литературной премии «Буламартъ» (Соловей), лауреат национальной литературной премии имени Нафи Джусоева и Первой Международной премии литературного журнала «Мах дуг».

МОНОЛОГ МОЕГО СЕРДЦА

Перевод с осетинского языка Нины Ягодинцевой

ГОРА КАЗБЕК

Старейшина аланских гор, Казбек,
Сияющий торжественными льдами,
Дающий рекам силу и разбег,
Ты – страж перед небесными вратами.

Ты славен красотой на весь Кавказ!
Щедра земля у твоего подножья.
В Осетии я тоже родилась,
Душою к небу устремилась тоже.

-
- Нина Александровна Ягодинцева родилась в 1962 году в Магнитогорске. Выпускница Литературного института имени А.М. Горького. Кандидат культурологии, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры. С 2010 года ведёт курсы литературного мастерства в Центре дополнительного профессионального образования ЧГИК. Автор более 30 изданий: более десятка поэтических книг, курса лекций «Поэтика: модели образного мышления» и учебника точной речи «Поэтика: двенадцать тайн»; монографий, изданных в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями, а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат многих литературных премий. Руководит межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса», ведёт популярную авторскую рубрику «Прикладной смысл» на официальном сайте Союза писателей России «Российский писатель». Член жюри Всероссийской литературной премии им. П.П. Бажова (Екатеринбург, 2007–2013), председатель жюри Южно-Уральской литературной премии (2012–2017). Член Союза писателей России с 1994 года, секретарь СПР, член Совета по критике СПР, координатор работы Совета молодых литераторов СПР, член Координационного совета Ассоциации писателей Урала. Живёт в Челябинске.

Ты видишь небо близко – что же в нём
О будущем земли моей? – ответь мне!
Неужто снова полыхнёт огнём
Суровое, жестокое столетье?

Своею силой грозы отведи,
Не допусти страдания и беды.
Ты гор гора! И на твоей груди
Рождаются великие легенды.

В них подвиги и боль лихих годин,
От ран земли аланской содроганье...
Но благородный духом осетин
Не дрогнет перед новыми врагами.

Величественный, гордый наш Казбек,
Я верю, что в твоей могучей власти
Из года в год, из века в новый век
В Осетии хранить и мир, и счастье!

Знаю: опять возвращаться мечтами мне
К радостям каждого нашего дня...
Только что были они – и растаяли,
Свет мой небесный оставил меня.

Лишь в сновиденьях любима по-прежнему.
Болью разлуки пылает рассвет.
Ласковой песней, мелодией нежною
Ты остаёшься в душе столько лет...

Если и страсти огонь позабудется,
Слёзы счастливые, звёзды в ночи –
Боль не исчезнет, она не заблудится,
В сердце моё кулаком постучит.

В небо стремится мечта моя тайная.
Разве удержишь? – уже ни следа...
Дай тебе Боже любви без страдания,
Будь же, любимый мой, счастлив всегда!

МОЛИТВА

Жизнь не всегда бывает благосклонна
И не всегда на радости щедра.
И замирает сердце пред иконой:
Дай Боже доченьке моей добра!

Пусть многих встретит на пути грядущем,
Не зная, кто друзья, а кто – враги,
Но юную неопытную душу
От разочарованья сбереги!

Как жадно большинство людей, коль скоро
Добро и милость в долг они дарят!
Не допусти презрения людского –
Она не встанет с ними в этот ряд.

Пусть выберет себе пути иные,
Без алчности, и злобы, и вражды.
Но если душу опалит унынье,
Господь, моё дитя ты поддержи!

И если свет в глазах её истает,
Без сил она падёт на землю ниц,
Весь мир жестокий супротив восстанет –
Господь, Ты от неё не отвернись.

А если вдруг страданья и потери
Она не сможет духом обороть
И отречётся от Тебя – я верю:
Ты милостив! Прости её, Господь...

МОНОЛОГ МОЕГО СЕРДЦА

О, я любовью пронзено
И в небеса вознесено,
И проклято я, и воспето,
И в бездну сброшено за это.
Я крепко связано с тобой –
Но жилами, а не судьбой,
Я помню радость, знаю горе,
Ты мучила меня, но вскоре,
Прогнав, назад звала опять.
И клятвы жаркая печать,
И ледяная сталь кинжала,
Который ты в любовь вонзала –
Во мне.
Разбито ль, сожжено ль –
Я выдержу любую боль
И оживу надеждой снова –
Всегда служить тебе готово.

Черна, бездонна между нами пропасть.
Мы смотрим друг на друга и молчим.
Остановилось время. Поздний ропот
Сколь бесполезен, столь неутолим!

Слова умолкли в сумерках тяжёлых,
Все чувства стали серыми, и я
Смотрю в надежде уловить хоть сполох
В глазах твоих – свою тоску тая.

Жизнь замирает в тягостном молчанье,
И камнем одиночество гремит.
Узка двоим дорога до отчаянья,
Нет тяжелей накопленных обид.

Но, замирая, сердце встречи просит.
Как друг до друга дотянуться нам?
И тень моя ложится через пропасть
Как самый верный мост к твоим ногам.

КОРАБЛЬ

По небу, и высок, и снежно-бел,
Корабль к созвездьям облаком летел.
Попутный ветер полнил высотой
Его прозрачный парус золотой.

Благословлён в далёкий путь горой,
Зеленоглазой рощей молодой,
Он слышал, как вослед звенит река,
По-девичьи нарядна и тонка,

Как в чистом поле радость птичьих стай
Слилась в одно напутствие: «Летай!»,
Как молится земля ему вослед:
«Господь, убереги его от бед!»

ТРОПИНКА МОЕЙ ЖИЗНИ

Тропинка жизни, ты – судьбы дорога,
На повороты сказочно щедра!
И хоть переживаний даришь много,
Порою не жалеешь и добра.

Из прошлого в грядущее иду я –
То робки, то тверды мои шаги,
То солнце светит, то луна колдует,
То сад вокруг, то бурелом тайги.

Тропинка жизни, ты – судьбы стремленье.
Куда же я свои несу мечты?
Вот поворот – там райское цветенье,
Вот шаг – и ада мрачные черты.

Но прохожу я с верой без боязни,
И камень под ногою – как трава.
Пылающего сердца вечен праздник,
И поднята высоко голова.

Январский вечер улыбался мне,
Он словно знал, о чём давно мечтаю.
И холодок, волною набегаю,
Лизал мне щёки в розовом огне.

В торжественной вечерней тишине
Деревья, к небу ветви воздымая,
Снежинок ослепительную стаю
Держали на весу. И как во сне
Я шла – вокруг меня снега сияли,
Душа светилась, радостью полна.

В туманном, невесомом покрывале
Плыла по небу бледная луна,
И на меня, забывшую печали,
Смотрела, любопытствуя, она.

Нет тебя рядом, любимый!
Где ты, в каком ты краю?
Жизнь, проходящая мимо,
Радость уносит мою.

Лирой звенящее лето
Стало печальным «вчера» –
В сердце я спрятала эти
Сказочные вечера.

Шумные листья притихли,
Месяц в просветы глядит.
Лира моя, не с твоих ли
Струн ускользает мотив?

Знаю, что жизнь – испытанье,
Завтра – рассвет и весна.
Только разлуки страданье
Выпить придётся до дна...

О, здравствуй, обитатель снов моих,
Тревоги беспричинная причина!
В полночи, когда весь мир затих,
Меня влечёт запретных чувств пучина.

Прекрасны звёзды! Нежный лунный свет
Я в волосы рассеянно влетаю.
И голову не на подушку, нет –
На грудь твою покорно опускаю.

Любимый, образ твой передо мной,
Как будто мы с тобой и вправду рядом.
Твою ладонь держу своей рукой,
В твои глаза гляжу влюблённым взглядом...

Моя мечта далёкая, явись,
Из пламени сердечного воскресни.
Единственный, мечта моя и жизнь,
Явись – и мы навеки будем вместе!

Оставим в прошлом ночи, где мы врозь,
Соединим сердец горящих пламя –
Чтоб наше счастье в небеса взвилось
И песнею парило над горами!

НАШ КОСТА

Надежда осетинского народа,
Высокая и яркая звезда,
Ты послан был на землю с небосвода,
Ты словом озарил наш путь, Коста!

На скалах Алагирского ущелья
Твоя судьба начертана – но в ней
Так было мало счастья и веселья,
Так много было горьких, тяжких дней!

Ты как недостижимая вершина,
Сияньем льда развеявшая тьму.
Благословен и крепок нерушимо,
Ты радость нёс народу своему.

Израненное сердце воспылало –
Ты не щадил своих душевных сил,
И сам Господь помог тебе немало –
Он более других тебя любил...

Но вот настал тот чёрный час, когда ты
Покинул навсегда наш скорбный мир –
И не воскрес. Мы не приносим клятвы
На томике стихов «Ирон фандыр».

Прости, Коста! Не сразу оценили
Ума величье и души тепло –
Но нам они дорогу осенили,
И знамя правды высоко взошло.

О, наш Коста! Ты свет души народа,
Глашатай нашей воли и мечты.
Твои слова и мысли путеводны –
Мы помним всё, что заповедал ты!

Алексей Бусс

СТЕЗЁЙ РОМАНТИКА И БИБЛИОФИЛА

Интервью Анны Морковиной
с Алексеем Буссом

А.М. Алексей Александрович, поздравляю с наступающим юбилеем! Вас хорошо знают в литературной среде Саратова, но всё же, пожалуйста, расскажите немного о себе. Ведь корни ваши не связаны с нашим городом. Где вы родились, получили образование?

А.Б. Спасибо большое за поздравление! Моя биография, пожалуй, точно соответствует строчке из популярной некогда песни: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!». Я родился в экзотическом месте – городе Тахиаташ Каракалпакской АССР, на большой стройке Тахиаташского гидроузла, где волею судеб оказалась тогда ещё совсем молодая моя мама. Вскоре мы оттуда уехали, хотя позже ещё возвращались, и я навсегда сохранил в памяти Каракалпакию – поезда, бегущие через пустыню, хлопок, огромные дыни, мутные оросительные каналы и вездесущий песок... Но вырос я всё-таки уже в Казахстане, в столице Целины – Целинограде, бывшем Акмолинске, нынешней Астане, в семье деда и бабушки, которых депортировали из Баку в 1941-м (дед мой был русским немцем). Там я окончил школу и филфак местного пединститута, написал первые стихи и прозу, познакомился с профессиональными писателями.

Должен заметить, что Целиноград 70–80-х годов – город небольшой, но отнюдь не провинциальный. Главный центр освоения целинных и залежных земель был также местом притяжения специалистов разных направлений со всего СССР. В наших вузах преподавали профессора из Москвы и Ленинграда, возводили город строители и архитекторы из разных республик, а столичные и даже иностранные артисты постоянно приезжали на гастроли, благо площадок для выступления было несколько, включая великолепный Дворец Целинников с колоссальным концертным залом и занавесом, который, по легенде, делали в мастерских Кремля.

При общем высоком культурном уровне в почёте была и литература. «Десанты» писателей из столицы республики – Алма-Аты, а то и из Москвы часто посещали мою малую родину, а в конце

1980-х у нас, в противовес алма-атинскому республиканскому «Простору», появился даже свой «толстый» журнал «Нива», под редакцией Владимира Романовича Гундарева. Вот в нём под рубрикой «Нетрадиционная поэзия» и увидели впервые свет мои стихи, а чуть позже – рассказы и даже написанная в соавторстве с другом Дмитрием Глугих повесть.

А.М. *2023 год объявлен Годом наставника и педагога, поэтому большинство вопросов будет именно на эту тему. Можете ли вы вспомнить своих педагогов? Кому сейчас вы адресовали бы самые добрые слова?*

А.Б. К сожалению, в школьные годы мне не повезло встретить учителя, который бы сильно повлиял на моё становление, на выбор пути. Увлечение чтением, литературой – это дар моей семьи, которая во всех поколениях была очень читающей. Моя бабушка вместо сказок пересказывала мне по памяти главы из Диккенса и приключенческих романов, мой дед – библиофил, мама – любительница поэзии, музыки и... улицы! Сейчас в это уже почти не верится, но последние советские поколения мальчишек удивительным образом сочетали в себе дворовую хулиганскую вольницу с запойным чтением всего подряд, прежде всего, конечно, фантастики и авантюрной литературы. Книжки ходили по рукам, книжки ходили по дворам, по школьным классам, друзьям, знакомым, книжки зачитывались в буквальном смысле до дыр, за ними стояли очереди в библиотеках и книжных магазинах...

А потом уже появились в моей жизни и сами писатели. Моими учителями стали прозаик и редактор Алексей Дебольский – один из самых известных в стране советских немецких писателей, Владимир Гундарев – поэт, автор текста песни «Деревенька моя», и поэт Владимир Прокуров – культовая фигура целинной поэзии, журналист, радиоведущий. Не могу не вспомнить и Николая Ховрякова – выдающегося русского есениноведа, автора исследований о великом русском поэте и обладателя обширнейшего архива и библиотеки, оказавшегося в наших краях не по своей воле в период репрессий, с которым я тоже близко дружил и у которого многому научился.

Вот этих моих литературных учителей я не перестаю вспоминать добрым словом. А ещё, конечно, институтских преподавателей – но это отдельная большая история...

А.М. *Вы – профессиональный писатель и поэт. Но ведь для получения этого статуса необязательно оканчивать Литературный институт? Где вы обрели литературные навыки? В каких студиях?*

А.Б. В 1996 году я переехал в Саратов, и здесь у меня появились уже другие наставники, старшие товарищи-писатели. Один из них, человек, благодаря которому я стал в своё время самым молодым членом Саратовской писательской организации Союза писателей России, замечательный наш писатель-деревенщик Иван Шульпин как-то сказал: «Я не считаю себя профессиональным писателем. Профессиональный писатель – это тот, кто живёт своим трудом. Мне это никогда не удавалось». И это – слова советского литератора, члена СП СССР, человека, сполна заставшего все те «бонусы», которыми пользовались советские мастера слова. Что же говорить о нас, современных литераторах, не сотрудничающих с коммерческими издательствами? Нет, я не считаю себя профессиональным писателем, хотя нет-нет да и удаётся что-то заработать редактурой, предисловиями, гонорарами за выступления. Однако это отнюдь не «жить своим трудом». Я скорее профессиональный читатель, библиофил и «библиофаг», проглотивший множество книг, продолжающий поглощать их и далее и готовый делиться прочитанным с кем угодно – вот, например, с участниками студии «Голоса поколений». Конечно, мне помогает и филфак за плечами, а уж Литературный институт точно

никому не помешает. Знаете, в 90-е годы среди членов СП России витала такая сомнительная идея, даже некоторая бравада: мы-де, поэты (прозаики) от сохи, мы «университетов не кончали». Конечно, исповедовали этот подход к образованию только некоторые писатели, считая его неким проявлением «почвенничества», и совершенно игнорируя тот факт, что как раз писатели-почвенники, такие как Василий Белов, Евгений Носов, Василий Шукшин, были людьми образованными, мало того – всеми силами, через большие трудности тянулись к этой образованности. А, например, Фёдор Абрамов – и вовсе был учёным-филологом. Образование, эрудиция, начитанность – это безусловные помощники любого литератора. Они позволяют, по крайней мере, изучить технику письма и не изобретать велосипед.

А литературные студии или ЛиТО в период моего ученичества я не посещал. Как-то не повезло с этим, а потом вместо них был уже Союз писателей – на вырост, так сказать, а в нём – Иван Шутьпин, Николай Байбуза, Николай Болкунов, Владимир Пырклов, Владимир Бойко – если и не непосредственно учителя мои, то добрые старшие друзья, сильно на меня повлиявшие.

А.М. *С вашей точки зрения, можно ли научить кого-либо писать хорошие стихи и прозу? Есть ли у вас свои методы?*

А.Б. Да, я убеждён и часто это повторяю: писать можно научить любого. Знаете, мне довелось однажды редактировать книгу непрофессионального писателя, как раньше говорили, «из бывших» – Михаила Оберучева, одного из отцов-основателей саратовской энергетики, человека удивительной судьбы. Мемуары были написаны им незадолго до кончины, в 1960-е годы, много лет пролежали без движения, и лишь в наше время энтузиасты решили их опубликовать. Так вот, Михаил Константинович, выпускник обычной гимназии, писал мемуары, а написал... роман! Полноценный документальный роман с яркими образами исторических персонажей, с которыми довелось повстречаться, драматическими поворотами сюжета, обширными описаниями дореволюционной жизни, Гражданской войны, реализации плана ГОЭЛРО, Великой Отечественной, послевоенного строительства... И всё это – добротным русским языком дореволюционного гимназиста. Всего лишь гимназиста (высшее образование Оберучев получил за границей, в Бельгии), однако хорошо обученного правилам построения художественного текста именно в гимназии. У него есть стиль, слог, лёгкая ирония, то, что называется красивым полузабытым словом «шарм». Его хочется читать и перечитывать, несмотря на то, что человек просто последовательно изложил свою жизнь, отнюдь не претендуя на художественность и писательство.

Вот и я утверждаю, что практически любого человека можно научить создавать полноценный образный текст. В прозе он сможет написать воспоминания, письмо, любовное послание. В стихах – поздравление, тост, шуточный текст, допустим, для КВНа. Это тот минимум, который, при правильном подходе, доступен даже без таланта. А вот при его наличии начинается уже иной процесс – создание писателя. И тут всё уже сложнее. Знаете, ведь наличие музыкального слуха и даже диплома музыкальной школы отнюдь не означает того, что человек станет профессиональным музыкантом. А если станет, то обязательно солистом. А если станет солистом, то обязательно звездой. Так и в литературе: градация таланта от «я могу писать стихи» до «ай да Пушкин, ай да сукин сын!» (гениальности) – велика и многоступенчата. Вот тут-то часто и нужна помощь литературного педагога – определить границы возможностей человека, помочь ему выбрать стезю в литературе. Это сложно, и от ошибок тут никто не застрахован.

А мой метод работы с литераторами прост, я задекларировал его, едва придя руководителем в студию «Голоса поколений»: «учимся, читая». То есть – изучаем литературу во всех её ипостасях, на положительных и отрицательных примерах, пробуем писать так, как тот или иной автор, выбирая лучшее отовсюду.

А.М. *В Саратове вы ведёте литературную студию «Голоса поколений», которая славится своей преемственностью, своими традициями. Расскажите, пожалуйста, о ней. Возможно, это заинтересует тех, кто только пробует перо.*

А.Б. Студия «Голоса поколений» – старейшая, постоянно действующая в Саратове, основана она известным нашим прозаиком Иваном Корниловым в 1979 году, но прообраз её существовал и ранее, с конца 1950-х годов при редакции газеты «Заря молодёжи» и под руководством поэта Владимира Бойко. Изначально, при Корнилове, студия называлась «Молодые голоса» и под этим названием прочно вошла в историю саратовской литературы. «Выпускниками» «Голосов...» стали в разное время такие известные поэты как, например, Михаил Муллин или Олег Дмитриев, впрочем, Олег Юрьевич и сейчас – активный участник студии. Именно разный возрастной состав и нежелание части студийцев расставаться со студией на протяжении почти всей творческой жизни и стали причиной смены названия на «Голоса поколений» в период, когда её руководителем был писатель и журналист Евгений Саблин. Теперь «Голоса поколений» уже не менее известный литературный бренд, чем исторические «Молодые голоса», – он закреплён в названии студийного альманаха, семинара-конкурса «Голос года» и во множестве наших акций, таких, например, как летний фестиваль романтиков «Корабли Санди».

А.М. *Лично мои профессиональные интересы связаны не только с журналистикой, но и с чтением, книгами. У вас большая домашняя библиотека? Назовите, пожалуйста, своих любимых авторов, произведения. Сколько часов в день обычно вы читаете?*

А.Б. Библиотека очень большая. И это, пожалуй, всё, что я могу сказать о ней в рамках этого разговора. Иначе пришлось бы вам брать у меня интервью ещё и как у библиофила! Как я сказал, собирать её начал ещё мой дед в середине прошлого века, в ней есть редкие издания, но главное – великое множество любимых моих писателей. И об этих любимых авторах я могу говорить часами, потому что их много, они относятся к разным периодам моей жизни, и постоянно появляются всё новые и новые. На занятиях в студии каждую новую практическую тему (допустим, приёмы того или иного жанра) я соотношу со своим читательским багажом и «вытаскиваю» его из головы и книжного шкафа для лекции и практического задания. Это могут быть и классики, и современники – минимум четыре занятия в год я посвящаю нынешним поэтам, прозаикам, публицистам.

Чтение моё можно разделить на две неравные части: для работы и для удовольствия. Ведь я – книжный редактор и литературный педагог, а значит, постоянно читаю тексты, которые нужно править, составлять к ним рецензии и предисловия.

А вот для удовольствия читаю сейчас немного меньше, но всё же укorenившаяся ещё с детских лет привычка читать перед сном меня, наверное, уже никогда не оставит. Ради нескольких страниц любимой книги готов и лечь попозже, да и поздний вечер или ранняя ночь – зачастую единственное по-настоящему свободное время в моём расписании...

А.М. *С вашей подачи в Саратове начал работу новый литературный фестиваль «Корабли Санди». Чем он отличается от других саратовских*

и российских литературных фестивалей? Какие имена могут открыть для себя новые поколения читателей?

А.Б. Летний фестиваль романтиков «Корабли Санди» по первоначальной задумке – лёгкое, фееричное и свободное действо на тему романтической литературы. Прежде всего – местной, саратовской. Недаром название мы взяли от самого, наверное, известного романа нашей землячки, продолжательницы традиций Александра Грина – Валентины Мухиной-Петринской. Состоит он пока из двух частей и двух дней проведения – литературных чтений в конференц-зале Центральной библиотеки г. Саратова, посвящённых кому-либо из авторов, имевших в своей библиографии романтические произведения (в этом году речь шла о прозе Галины Ширяевой), и музыкально-поэтического шоу в парке «Липки». И если в чтениях принимают участие учёные-филологи, библиотекари, писатели, журналисты и читатели, то в поэтическом выступлении – почти исключительно поэты и барды, тоже, естественно, с романтическими стихами и песнями. Символика фестиваля – морская, это парусники, разноцветные флаги, яркие значки – в общем, фестиваль знаменует собой начало литературного лета – времени впечатлений, путешествий, новых надежд...

А.М. *Вы – человек, в арсенале которого множество публикаций и книг, а также литературных премий и наград. Если можно, расскажите, пожалуйста, о тех изданиях, над которыми вы работали в последнее время, и о том, что планируете опубликовать в ближайшем будущем.*

А.Б. «Множество» – это как раз не про меня. В моём писательском багаже – несколько сборников стихов, два цикла рассказов, песенный сборник и роман. И, конечно, довольно обширный список предисловий, литературных эссе, статей, рецензий.

Стихи я пишу постоянно, иногда прямо на ходу, так что можно сказать, что основная моя работа как автора – это формирование очередного поэтического цикла. Думаю, на сегодняшний день он почти готов с точки зрения удобоваримого для читателя количества стихов, но не готов концептуально. Дело в том, что в последние годы написанное мною как-то само собой распалось на две составляющие: разнообразная лирика и стихи исторического и социального содержания. Между собой эти два направления взаимодействуют слабо и в одну книгу, возможно, не годятся. Так, воронежский журнал «Подъём» в прошлом году опубликовал подборку из моих почти исключительно исторических стихов, подобная публикация готовится в белгородской «Звоннице». Похоже, и издатели уже воспринимают меня как автора двух разных направлений. Что делать с этим – пока не знаю, но мечтаю о выпуске иллюстрированной книги стихотворений на исторические темы – это было бы здорово, хотя, наверное, и старомодно.

А в прозе последние полгода моей основной задачей был выпуск второго издания романа «Великая мечта» о нашем земляке Павле Яблочкове. Редактором этого варианта романа, как писали раньше, «исправленного и дополненного», стал мой давний хороший друг, заполярный писатель Александр Рыжов, мастер исторического детектива. Роман стал двухтомником, в него были внесены определённые уточнения, а предисловия к нему (соответственно – к первому и второму тому) написали «патриарх» энергетики Всеволод Лубков и известный вологодский писатель Дмитрий Ермаков. В таком виде я собираюсь представить «Мечту...» на своём осеннем юбилейном вечере.

А.М. *Большое спасибо за ответы!*

А.Б. Спасибо за вдумчивые и интересные вопросы!

Ольга Бельская

«НА ПОСТЕРАХ ПОКОЛЕНИЕ НЕ ВЫРАСТИШЬ...»

Интервью Анны Морковиной
с заведующей отделом музеефикации
«Дом Павла Кузнецова»
Ольгой Николаевной Бельской

А.М. Ольга, с чего началась ваша работа в Музее Павла Варфоломеевича Кузнецова?

О.Б. Я начала свою деятельность здесь в 1998 году. Когда я пришла сюда, здесь было очень трудно ходить – были досочки брошены, и мы по ним аккуратно ходили... Функционировать же по-настоящему Дом начал через пару лет – с 2000 года.

А.М. Дом художника Кузнецова был совсем заброшенным?

О.Б. Он был передан на баланс Радищевскому музею. Тут был некий заборчик, во флигеле жили люди. Был подвальныйчик, в который мы стаскивали какие-то вещи... Радищевский музей не знал в девяностые годы, что с этим всем делать. Ведь на музейные деньги ничего не построишь – это ясно, и снести нельзя – он у нас на балансе.

А.М. И что же вам пришло в голову?

О.Б. Постепенно у нас родилась такая идея: если мы не будем в этом доме жить, то и сам дом жить не будет. Но как жить в доме, который даже не аварийный, а мёртвый?! Надо его реставрировать! Мы загорелись идеей – отреставрировать Дом Павла Кузнецова.

Нам попало на глаза письмо Павла Кузнецова к брату Виктору, где он пишет: «Наш дом очень много пережил, тут было столько прекрасных людей». Мы стали обходить разные инстанции, чтобы отреставрировать этот дом.

Тогда же появился Нижневолжский (Ульяновский) филиал института «Спецпроектреставрация»¹, который возглавлял замечательный человек Александр Николаевич Маясов. Потом он

¹ АО «Институт «Спецпроектреставрация» создан в 1977 году. В штате компании свыше 100 реставраторов. Институт специализируется на научно-исследовательских, изыскательских и проектных работах в области реставрации и реконструкции культурного наследия.

перебрался в Саратов и работал под началом Владимира Мухина². Музейщики к нему обратились, специалисты стали составлять проекты реставрации, причём включили в них ещё и здание по Валовой, 94. Но денег у нас всё равно не было. Мы начали готовить дом к реставрации. Разобрали его, остался только остов. Он простоял так зиму, после которой все специалисты сказали: нет, это уже невозможно возродить. И тут в 1998 году наступил момент отчаяния, когда мы поняли: всё, мы уже потеряли наш дом.

Тогда начались музейные «заборные» выставки. Каждые субботу и воскресенье мы подготавливали такую выставку.

А.М. Может быть, я и не была на них, но читала в статьях Наталии Иннокентьевны Свищёвой...

О.Б. Да, Наталия Свищёва была тогда на этих выставках. Перед музеем стояла серьёзная задача: сделать не просто выставку, скажем, детского рисунка, что тоже прекрасно, а создать экспозицию работ какого-нибудь знакового для Саратова человека.

Выбор пал на Виктора Фёдоровича Чудина. Мы с трепетом к нему шли, а он очень легко согласился: «Один день? На заборе? Красота!»

С этого момента и началась наша настоящая, профессиональная жизнь. Афиша, реклама, приглашительные... Афиши мы вешали в Радищевском музее, а руководство, считавшее, что это «несанкционированные митинги», срывало наши афишки, но мы их клеили снова. Также мы раздавали приглашительные всем художникам. Звали телевизионщиков и к концу года добились того, что к нам было приковано внимание всех завсегдагаев-художников, друзей музея, журналистов и широкой общественности. Наконец нас увидел Дмитрий Фёдорович Аяцков.

Было два исторических собрания, на которых присутствовал Игорь Сорокин как заведующий. Аяцков сказал: «Ребята, вы достали меня своими заборными выставками! Я либо снесу подчистую этот дом, либо давайте строить новый! Реставрировать там нечего». «Строить, строить!» – поддержали мы.

Началось строительство дома, с этим тоже много разного было сопряжено... И зимой 2000–2001 года мы Дом открыли. И думали: «Какие же мы счастливы! Как прекрасно! Сейчас у нас тут будут Павел Варфоломеевич Кузнецов и Елена Михайловна Бебутова!..»

Но случился второй удар: в Радищевском музее сказали: «Ни одной работы Кузнецова в этот ваш новый дом, да ещё и деревянный, да ещё и в Глубучевом овраге, мы вам не дадим!» И мы стоим в прекрасном новом доме с чистыми стенами и не понимаем, что делать... «Постеры берите», – говорят. А я к тому моменту уже окончила Академию художеств и понимала, что на постерах поколение не вырастишь, что надо что-то делать в Доме, вдыхать в него жизнь.

У нас появились сундуки – семь штук. И первое, что мы сделали, – расставили сундуки в пространстве Дома. У нас сначала не было витрин, в которых мы хотели показать всё, что мы нашли в засыпках³ этого Дома, что нам сам Дом подарил. А подарил он нам прекрасные вещи.

² Владимир Валерьевич Мухин (род. в 1967 г.) в настоящее время занимает должность министра Саратовской области – председателя комитета культурного наследия Саратовской области.

³ Засыпка фундамента – это процесс, при котором производится укладывание грунта в ранее вырытую траншею или яму. Подразумевается, что грунт был вырыт для строительства сооружения на данном месте.

А.М. Расскажите, пожалуйста, что это за находки.

О.Б. В засыпке фундамента Дома в разное время мы обнаружили краски – причём удивительные, XIX века, кисти, обрывки газет, кусочки писем, вышивки, коробочки, баночки стеклянные, мастихины и фантастический билет на «Алую розу». Это был раритет, он чудом сохранился! Визитки Сапунова и Павла Кузнецова, брошюрки, книжечки... Всё – дореволюционное. Вот что нам сохранил и выдал Дом, и это было прекрасно!

Игорь доходил даже до того, что собирал и дореволюционные окурки! Я протестовала – ведь не доказано, что курил именно Павел Кузнецов. Я, как любая девочка, радовалась всяким осколочкам, особенно если обнаруживала на них какой-нибудь цветочек...

Прошло двадцать два года, и теперь, когда мы сделали нашу комнату-палитру и выставили уже не в сундуке, а в чудесном чёрном ящике, смонтированном Николаем Новичковым, наши раритеты, там на чёрной бархатной подушечке лежат окурки Павла Кузнецова. Теперь мы знаем доподлинно, что именно его, потому что Павел Кузнецов писал Станюковичу: много денег уходит на краски и холсты, ради искусства я бросаю курить.

Кстати, там хранится и мой любимый осколочек чашки, из которой пил Павел Кузнецов. На ней – голубая сапуновская роза. Конечно, все мы родом из детства, и наш сбор по частям этих малостей, думаю, даст ещё многим поколениям исследователей новую пищу... А мы уже для себя всё поняли.

В тот момент в Радищевском музее была Боголюбовская конференция. Приехало очень много московских искусствоведов, включая Сарабьянова, Мурину, Кофман. Мы их пригласили к нам в Дом, и, когда они увидели нашу выставку, они сказали: «Ребята, какие вы молодцы! Какие вам витрины – вы же гораздо круче: вы же работаете в проектной измерении! Вы одним только сундуком с билетом на «Алую розу» рассказали гораздо больше, чем могли бы...»

Это нас очень укрепило, утешило и вдохновило. А дальше началась работа с вещами, которые передали в Радищевский музей родные художника – Ольга Ильинична, Светлана Викторовна Кузнецовы. Это прикладные вещи, фотографии... Нам их потом отдали.

И вот нам стали доверять и сами работы Павла Кузнецова, и его жены Елены Бебутовой.

А.М. Как это произошло? Когда впервые вы их получили?

О.Б. Это произошло на выставке «Друзья» – мы готовили проект к 125-летию Павла Кузнецова. (Пётр Уткин, Кузьма Петров-Водкин и Александр Матвеев.) Тогда нам первый раз дали вещи Уткина. Фантастическим образом дали скульптуру Матвеева – с боем, но всё-таки дали. И потихоньку стали давать работы Павла Кузнецова. Потом это стали делать всё смелее, и через несколько лет ко дню рождения Павла Кузнецова – 17 ноября – мы по одной работе стали получать и выставлять. Так, в 2022 году у нас появилась работа «Пагода» 1910 года. Вообще-то она подписана 1907-м, но Павел Варфоломеевич с датами чудил.

А.М. Те, кто интересуется жизнью вашего Музея, знают, что здесь бывали в разные годы очень известные люди – литераторы, артисты, и их появление, в свою очередь, сыграло необходимую роль в том, чтобы кузнецовские работы из запасников выдавались сюда.

О.Б. Да, это произошло, например, когда в плачевном состоянии был соседний дом по Вальной (мы позиционировали его как «дом-текст»), и наши гости оставляли на стенах его свои пожелания, свои слова... Потом мы переносили их в книгу отзывов. Да, здесь многие побывали – например,

Дмитрий Пригов... А начиналось всё с Андрея Вознесенского: когда Дом стоял как «зброшенный корабль» (так поэт его назвал), Вознесенский был здесь как раз в момент засыпки.

А.М. Думаю, из отзывов вы уже можете сформировать отдельную книгу. Я, например, читала стихотворение Михаила Семёновича Муллина «За тесовым забором водители дают педали...» Он ведь жил рядом и очень близко к сердцу принимал вашу историю.

О.Б. Вот как! А я и не знала об этом стихотворении. Наверняка это был прекрасный человек. Ну, у нас много чудесных гостей было – и случайно попадавших к нам, и постоянных друзей Музея...

А.М. Да, общество, которое собиралось и собирается здесь, например, 17 ноября, в дни рождения Павла Кузнецова, – это ваши преданные друзья, и необязательно художники и искусствоведы. Это и фотографы, и журналисты, и просто родители с детьми. Я сама много раз спешила в Музей в ноябрьский полдень отпраздновать день рождения художника вместе с вами!

О.Б. Проект «100 дней рождения Павла Кузнецова» уже отметил двадцатипятилетие. Он очень любопытный. Если мы протянем ещё столько же, получится уже полвека! Конечно, как Господь даст...

А.М. Ольга, я наблюдаю, как меняется Музей. У вас появились и современные витрины, и другое новейшее оборудование. Вы ведь давно уже и документальные фильмы показываете. Когда Музей стал вот так обновляться?

О.Б. Думаю, это можно связать уже с большим капитальным ремонтом два года тому назад. Этому помог ещё и грант, благодаря чему появилась возможность купить короткофокусные и широкофокусные проекторы, сделать по-новому освещение. Витрины на самом деле были закуплены музеем Радищева уже давно.

А.М. Мне вообще очень интересна проектная деятельность Музея Павла Кузнецова. Расскажите, пожалуйста, о ней подробнее.

О.Б. Мне кажется, что мы только проектной деятельностью и занимались. Может быть, всё было связано как раз с тем, что просто выставлять картины мы не могли, и, сами того не подозревая, мы сделали очень важные проекты: и «След сада», и «Алую розу», и «Друзья»...

Нас всегда подстёгивает та или иная ситуация безвыходности... Как тот самый «голодный художник» – на преодолении. И всё равно в этом преодолении – огромное количество любви! Бывает иначе: преодоление выматывает, и ничего не хочется, а у нас наоборот – дружба, любовь, взаимопонимание и рождение чистого фейерверка!

Так и в этот раз. «Дом-лаборатория Павла Кузнецова – как поле для художественного эксперимента» – рождался бурно. В результате мы выбрали три основных творческих и жизненных момента Павла Кузнецова, разделив их символически на детство, юность и зрелость. Детство – это «Сад», юность – это «Парк», и зрелость – это «Степь». Три направления – три любви Павла Кузнецова.

Сад – потому что все свои автобиографии Павел Варфоломеевич начинал так: «Родился в семье савода...» Дальше он продолжал: «Себя я помню с трёхлетнего возраста, когда при восходе солнца моя семья переехала в цветущие сады...»

«Парк» – это время юности Павла Кузнецова. Это время дачи Жуковского в Крыму, которая называлась Новый Кучук-Кой. Там Павел Кузнецов, Пётр Уткин и Александр Матвеев – наши, саратовцы, выпестованные

городом – сделали нечто совершенно необыкновенное. Они построили парк русского живописного символизма, вообще русского паркового символизма. Со скульптурой, росписью и растениями. Это давало возможность ещё на Земле попасть в небесный Рай... Уникальное творение!

А.М. Это частные владения?

О.Б. Теперь это уже принадлежит государству, но долгое время всё это было закрыто для нас, мы не могли туда попасть, хотя безумно хотелось. И Анна Абрамовна Галиченко, сотрудник Ялтинского музея (она была первой, кто стал писать об этом), пыталась проникнуть на территорию Кучук-Коевского парка. Ей пришлось переодеться водопроводчиком, чтобы её пропустили! Когда она попала на эту частную территорию, то была очень огорчена, потому что от парка тогда практически ничего не оставалось. Были вырублены прекрасные кипарисы, нарушилась линия осмотра, выстроили канатную дорогу, и – самое ужасное – господин Ринат Ахметов, мультимиллиардер, соорудил огромный дворец... Анна Абрамовна «трубила», писала, боролась практически одна, выпустила книжку... И её прекрасное дело не умерло – его подхватили крымчане, а потом в 2014 году забрали владения, всё перешло в руки государства.

Когда мы прописывали проект «Парк», то непременно поставили целью попасть в Кучук-Кой. Это было очень сложно. Но благодаря Людмиле Леонидовне Калининой⁴ мы попали туда. Она долгое время ездила в Крым и пробивала эту дорогу. Даже сейчас попасть в Кучук-Кой очень сложно. Но мы всё же попали и были несказанно удивлены и обрадованы. Парк начал возрождаться! Государство вкладывает туда средства, привлекаются специалисты – садовники, реставраторы... К сожалению, пока непонятно, как восстановить росписи Павла Кузнецова, и домик садовника пока в полуразрушенном состоянии. Но мы надеемся, что весь ансамбль восстановят. Хотя, скорее всего, будут приезжать очень состоятельные люди, которым по карману будет снимать дом Ахметова. Но, вероятно, будет работать пропускная система, и очень хотелось бы, чтобы туда попадали люди творческие, которых может вдохновлять наследие русских символистов...

Мы ездили в Кучук-Кой с художником Михаилом Леженем, он проводил одну из своих необычных акций, всё это было зафиксировано, и теперь входит в систему грантового измерения.

«Степь» – это уже зрелый Павел Кузнецов, вершина его творчества – «Киргизская сюита». Мы позвали работать нашего давнего друга, с которым осуществили не один проект, – Евгения Стрелкова из Нижнего Новгорода. Помня его «След сада», мы понимали, что это мощный человек, и его «зрелое» творчество многомерно и философично. Женя создал прекрасную книгу художника «Сюита» и чудесный фильм «Павел Кузнецов. «Киргизская сюита». Поскольку он радиопизик, то сделал необычный проект: он «считывал» звуки облаков, проплывающих над казахской степью, и неба. Получился тоже очень красивый проект!

А последней частью, «вишенкой на торте», стала наша поездка в калмыцкие степи в поисках места написания картины Павла Кузнецова «Пагода». Здесь с нами работал художник Михаил Гаврюшов, который создал свою буддийскую пагоду. Он по-своему раскрыл загадку, связанную с местом написания этой работы.

⁴ Людмила Леонидовна Калинина – директор Художественного музея им. А. Н. Радищева.

Ко дню рождения Павла Кузнецова все три части нашего проекта – «Сад», «Парк» и «Степь» – соединились под одной крышей музея, и мы поняли ещё раз, что отработали этот материал прекрасно!

А.М. *Что такое «комната-палитра»?*

О.Б. Один из залов музея даёт возможность увидеть наши сокровища – то, что было когда-то найдено в засыпках, что пришло от наследников Павла Кузнецова, от его друзей, из его московской мастерской, – уже не в сундуках, а в очень изысканной форме. В недалёком будущем, мы надеемся, тот, кого вдохновит любой из периодов жизни и творчества художника – будь то его любимая дача в Кратово, Армения или Дзинтари, – сможет брать какую-то «краску» и наверху, в лаборатории, создавать свой проект...

А.М. *Уверена, тут будет где развернуться! Ведь наследие Кузнецова просто безгранично.*

О.Б. Это так, без преувеличения. Ведь помимо живописи есть прекрасные тексты, написанные Павлом Варфоломеевичем, его фотографии...

А.М. *Я читала, что наследники Павла Кузнецова некогда передали музею большое количество картин. А кто эти наследники?*

О.Б. В 1971 году родными племянниками художника, Павлом Михайловичем и Ольгой Михайловной, из Москвы в Саратов действительно была передана уникальная коллекция работ Павла Варфоломеевича и его жены, Елены Михайловны Бебутовой. Часть картин осталась у наследников, была поделена между тремя семьями. Часть досталась Дурылиным (Ольга Михайловна вышла замуж за Сергея Георгиевича Дурылина), другая часть – Павлу Михайловичу Кузнецову, третья часть – племянникам Ольги Бебутовой. Им досталось незначительное количество картин, остальное было передано музеям, преимущественно Радищевскому музею. Наследники поражали нас деликатностью, спрашивая: «Можно, мы себе вот это оставим?» Они искренне считали, что творчество Павла Варфоломеевича должно принадлежать музеям! На мой взгляд, наследники совершили своеобразный подвиг, прекрасно понимая, какая величина – Кузнецов!

А.М. *А в этой большой семье наверняка были и другие творческие люди? Вы дружите с кем-то?*

О.Б. К сожалению, ни Павла Михайловича, ни его сестры уже нет в живых, но остались их дети: Катя, Володя, Маша Кузнецовы, Таня и Юра Дурылины – это теперь старшее поколение наследников, которые время от времени дают нам какие-то вещи из их коллекций, у них осталось много графики... Нам помогают все наследники, но в основном Антон и Настя Кузнецовы, правнучатые племянники художника. Они поддерживают музей и всё время что-нибудь стараются нам подарить – то стулья, то сервиз... Имя своего прославленного предка они стараются увековечить, оно многое для них значит.

А.М. *Хочется пожелать музею Павла Варфоломеевича Кузнецова и вам, его сотрудникам, новых интересных проектов, креативных помощников и толпы посетителей – земляков и приезжих, которые будут постигать вместе с вами не только творчество нашего талантливого земляка, но и расширять своё представление о современном искусстве.*

О.Б. Спасибо! Приходите к нам.

В сентябре этого года в Саратове прошла книжная выставка-ярмарка «Волжская волна». Помимо множества столичных и региональных издательств в ней приняли участие и саратовские. Среди отмеченных дипломами на выставке-ярмарке оказался и Издательский дом «Волга», его книга «Саратов в жизни России» в рамках конкурса на лучшее издание на «Волжской волне» стала обладателем Гран-при.

Книга «Саратовское Поволжье в эпоху Петра I» получила 1-е место на конкурсе «Лучшие книги 2022 года» в номинации «Лучший дизайн и оформление издания», так же, как и книга Д. С. Худякова «Этюды о земляках» (в номинации «Лучшая книга по истории Отечества и краеведению».)

Участие в выставке и награды стали поводом для серьёзного разговора о книжной традиции, о проблемах современного издательства, издательском деле, подводных течениях в выпуске книг, о настоящих книгах и «лёгком» чтении, о современном читателе и причинах его выбора.

Обо всём этом – беседа Елизаветы Мартыновой с Антоном Графченко.

Антон Графченко

«КНИГА ЖИЗНИ»

Е.М. Антон, первый вопрос у меня об издательской политике. Было бы интересно узнать, в каких основных направлениях работает издательство «Волга» – это что-то предзаданное, или отбор по вкусу издателя, или же издания возникают спонтанно, например, появился новый интересный автор с хорошими текстами. Или же это всё происходит в рамках определённых издательских программ и не всё зависит от выбора самого издательства?

Или же играют роль возможности и пожелания заказчиков определённых изданий? Или всё это вместе?

А.Г. Скорее это не политика. И не миссия даже, хотя это слово больше подходит. Не хотелось бы впадать в пафос. Основное наше направление – это «сеять разумное, доброе, вечное». Это наше «кредо».

А для того чтобы сеять, сначала нужно собрать! Мы (издательство) смотрим, ищем достойный материал от авторов, ино-

гда сами ставим задачу. Тут множество наших проектов, идеи которых родились в самом издательстве. Тот же «Саратов в жизни России», «Меняющийся Саратов» – фотоальбом.

Художников наших мы тоже постарались собрать под одну крышу в книгах и альбомах; выпускаем книги, связанные с городами области – об их истории, развитии.

Важно выпускать издания, достойные и с эстетической точки зрения, и с исторической, и с общечеловеческой. Собрать весь этот концентрат в виде книги, чтобы людям показать красоту их земли, где они жили и живут.

Вот это и есть главное в нашей работе. И нам это нравится. И если это нравится и другим, то мы счастливы.

Е.М. *Расскажите, пожалуйста, о своей работе над изданиями. Понятно, что книга должна быть красивой. Но что входит в понятие «красоты» по отношению к книге? Иногда вижу книги, прекрасные оформленные, но содержание которых оставляет желать лучшего (имею в виду книги, выпущенные другими издательствами).*

Как достигается гармония оформления и содержания? Я понимаю, что это работа специалистов разного профиля, но есть ведь что-то целостное, что делает книгу не просто красивой и удобной, а произведением искусства.

А.Г. В основном мы руководствуемся своим вкусом, наработанным годами практики, участием в профильных выставках, в том числе международных, помогает и получение профессионального дополнительного образования. Приходится порой быть авторитарными, и если с нами не согласны, то берём на себя труд объяснить, почему нельзя издавать какие-то вещи... Объяснять, что есть красивость, а что – красота. Есть полезное, доброе, вечное, что помогает жить, а есть то, что нельзя делать никогда.

И ещё – за 20 лет собрался коллектив, который выдерживает высокий уровень, создаёт книги высокого качества практически всегда. Издательству очень повезло с редакторами – это и первый наш редактор Валентина Витальевна Гольяева, и нынешний – Елена Игоревна Алфёрова; наши художники, корректоры, авторы. Люди, чья работа налицо, а самих не видно. Надо сказать, что многие и не хотят этой популярности. От неё порой проблем больше.

Е.М. *То есть изначально получается, что отбор текстов для издания происходит по вашему вкусу и по вкусу сотрудников издательства?*

А.Г. Я не могу сказать о том, что это исключительно мой вкус. Я говорю о том, что есть начитанность, «насмотренность», есть счастье оттого, что я встречал в жизни глубоких людей, мудрость которых раскрывается для меня и по сей день. И я стараюсь эту мудрость привносить в жизнь. «Лучше зажечь одну свечу, чем проклинать всю тьму». Мы просто работаем для людей.

Е.М. *А бывает такое, что люди приходят и хотят издаться? И если да, то над всеми ли предложениями вы берётесь работать?*

А.Г. Бывает, конечно, что люди приходят с таким желанием, но не всегда мы берёмся всё издавать. Есть такая «точка отсечения». Нам, например, как-то предложили выпустить книгу про нашу страну – с её километровыми очередями и прочим негативом. Но зачем его показывать, если он – не главное и главным не может быть?

Ну а книги, которые нужны отдельным людям лично, мы издаём – просто стараемся хорошо делать свою работу.

Е.М. *И всё же какие-то издательские программы, направления есть у вас?*

А.Г. Мы живём в такое время, когда самонадеянно говорить о постоянных программах. Хотя предполагаются определённые серии. Например, серия о городах Саратовской области. Она за 20 лет уже как-то вырисовывается, и вот о Пугачёве, например, издано уже 7 книг (там замечательный уже бывший директор музея краеведения Нурия Ибрагимовна Сулейманова собирает связанные с историей города сведения).

Сейчас вырисовывается серия «Возвращённые имена» – в ней есть необходимость, читатели на книжных выставках спрашивают, есть ли у нас книги саратовских авторов. Уже составили для себя список примерно из 50 писателей и поэтов, незаслуженно забытых или просто давно не издававшихся.

Есть ещё одно направление – это альбомы о различных предприятиях, организациях Саратовской области. Почти два десятка книг уже издано. Недавно вышли альбомы о «Боше», «Алмазе», заводе имени Орджоникидзе, Саратовском цирке.

Е.М. *Вот это, наверное, выгодный издательский проект.*

А.Г. Пожалуй, да. Мало-мальски приличные деньги – и в течение года. Потому что остальные тиражи ведь продаются небыстро. Тут своя специфика есть. Чувствуешь себя Колумбом. Есть книги, которые три, пять, семь лет расходятся. А издательству деньги нужны каждый день: коммуналка, аренда, оклады, налоги. Каждый день работы стоит денег. Но важно и другое: у книги есть своя себестоимость. И потом ещё занимаешься продажей этой книги. Продажа может растянуться на несколько лет, и существует ещё понятие «цены продажи»: сколько потратить бензина, чтобы объездить всю область, сколько времени книга лежит на складе, а в неё инвестированы деньги, которые обесцениваются. Нам иногда говорят, что хотели бы видеть более низкие цены на наши издания, но если отталкиваться от формулы себестоимости, существующей в Москве, то наши цены нужно умножить ещё минимум на два. В Москве больше тиражи, которые по нашим меркам «улетают» в продажу, потому там есть возможность держать относительно низкие цены.

И вот это одна из проблем, которую люди не понимают: не представляют, почему такие цены на книги. На самом деле это почти бесплатно. И ставят нам в пример Москву. Но Москва не работает в пустыне, Москва работает в океане денег, возможностей, интеллектуальных людей, источников.

Е.М. *А что-нибудь с этой пустыней можно сделать? Изменить в лучшую сторону?*

А.Г. Конечно. Вот мы как раз и сажаем деревья. Книги и есть эти деревья. И пустыня перестанет быть бесплодной когда-нибудь. Может быть, кто-нибудь ещё продолжит. Я не могу сказать, что мы тут первые и последние. Дмитрий Сергеевич Худяков сажал такие деревья, Галина Алексеевна Мичурина, скромный школьный библиотекарь (о ней мы издали книгу «Министр просвещения»), да много здесь таких людей. И если бы таких людей вообще не было, культура бы накрылась медным тазом. На ком-то это всё держится. И все эти люди очень сильные, потому что есть и оппонирующая сила, разрушающая.

Е.М. *Разрушает в основном равнодушие. Даже больше, чем агрессия, – непонимание.*

А.Г. Наверное, да. Равнодушие. Может быть, мы сейчас какие-то глубинные темы возьмём. В каждом человеке по какой-то причине сидит та или иная история, то ли из генетической памяти, то ли из детства. Встреча

с реальностью не всегда бывает доброй. И все по-разному на это реагируют: кто-то это перерабатывает, кто-то не перерабатывает. И тот, кто не переработал, сам потом начинает разрушать, и через него эта негативная сущность может дальше продлиться. Ненависть, мизантропия, обида. Ну и равнодушие. Большинство людей просто выживает.

Е.М. Да, согласна. Вот на «Волжской волне» было много книг для детей. А художественных книг для взрослых, которые стоило бы купить, было гораздо меньше. Взрослый человек выживает, ему не до чтения. Но он покупает книгу ребёнку, потому что так принято.

А.Г. Да, это возможность продемонстрировать свою любовь, заботу. Возможность что-то сделать для него. А что касается взрослых... У Арсения Тарковского есть такие строчки: «Наблюдать умирание ремёсел / Всё равно что себя хоронить...» Но всё развивается по спирали. Снова будут великие писатели, Шекспиров, Ломоносовы... А мы пока храним эти семена в виде книг. Книжной традиции сколько лет? Сто тысяч или больше...

Книжная традиция должна быть связана с мировыми законами гармонии, а не со всякой чепухой, которая тоже имеет место быть. Существует, конечно, и имитация книг. Но многое зависит от читателя.

Е.М. Тогда перейдём к вопросу о читателе. Он, наверное, сейчас самый актуальный. Все писательские сообщества последние годы повернулись всё же в сторону читателя: об этом говорит огромное количество фестивалей и выступлений в разных видах и жанрах.

А как у издателей? Где и как читатель может увидеть и приобрести книги, кроме книжных ярмарок, разумеется? Или ярмарок и книжных фестивалей достаточно? И что предпочитают читатели, что выбирают из предложенных книг? И как находится читатель?

А.Г. Мы тоже, следуя тенденциям времени, создали интернет-магазин, зашли на маркетплейсы. Ведётся работа битуби¹.

Практически все книги, что есть в наличии, востребованы, заказы не только в Саратове, но и по всей России. До СВО и в Европу с Америкой заказывали книги. На данный момент это порядка 100 изданий.

Да и вообще наш покупатель сам находится. Но чтобы он нашёлся, нужно быть активным. Вот мы, например, не только участвуем в книжных выставках в Саратове и в других городах, но и ездим по всей Саратовской области. Нужно рассказывать людям, кто мы, зачем мы и почему мы.

Читатель всегда был, есть и будет. А о конце света, о бескультурии общества говорили тысячелетия назад. А жизнь продолжается.

Е.М. То есть все «стенания» об отсутствии читателя – беспочвенны?

А.Г. Да, всегда был какой-то процент людей мыслящих, думающих, изучающих. Пассионарных. Они как были, так и остались. Вот они и станут читать прозу Петрарки в переводе Л. М. Лукьяновой, сами её, книгу, найдут. А люди, которые читают книгу не ради развития, а ради развлечения, просто ищут «лёгкие наркотики».

Но книга с точки зрения смысла, с точки зрения традиции от выбора этих людей ничего не теряет. Она есть. Ну и «развлекалки», конечно, есть. В разных форматах. Также наши книги покупают и как эстетическое

¹ B2b – сокращённо от английского «business to business» («бизнес для бизнеса»). Это вид отношений между партнёрами в процессе продаж, в данном случае, между юридическими лицами, когда одна компания продаёт товар другой для последующей перепродажи данной продукции или использования её для изготовления собственного товара.

произведение искусства в подарок близким и важным людям. Среди людей есть потребители, а есть созидатели. И это тоже обычное дело. Многие люди так и не становятся взрослыми, поэтому безответственны. Но осуждать этих людей нельзя. Один мудрец сказал: «Это не ваша вина, что вы такие, и не моя заслуга, что я такой». К людям стоит относиться спокойно и сострадательно. Нельзя их обвинять. Они тоже любят жизнь. И тоже хотят быть счастливыми. И это уже хорошо. А счастье – это всегда одно и то же. Творчество. Сотворчество. Мудрость. Любовь. Доброта.

Е.М. Расскажите о ваших дальнейших планах.

А.Г. В ближайших планах у нас серии «Волга», «Рыбалка», «Охота». Замечательные рассказы собрал наш автор Андрей Кумаков. Ещё собираемся на выставку «Нон-фикшн», она будет в Москве на Крымском валу. У нас ведь в основном издаётся краеведческая литература, «непридуманная».

Е.М. Такие серии всегда будут пользоваться успехом.

А.Г. И вообще, если что-то читать, надо читать базовые вещи.

Е.М. Соответственно и издавать тоже нужно что-то базовое?

А.Г. Да, например, Петрарку. Но я и других наших книг не умаляю. Потому что, например, «Саратов в жизни России» – это рассказ о достойных людях. Но Петрарка – это «из пункта А в пункт Б». Если ты его прочёл, то можно вообще больше ничего не читать, в этой книге есть всё, что нужно для жизни. Вообще жизнь интересная. И художники интересные, и писатели интересные. Ради этого – ради жизни и творчества – и стоит работать. Книги – это мои дети...

Е.М. Антон, благодарю за беседу. Успехов вам в вашем любимом деле.

**Ольга
ДАРАНОВА**

СВЕТ РЯБИНОВЫЙ

Как ты греешь, равнина осенняя,
Хоть и лик твой дождями избит!
То ль гармошка всплакнула Есенина,
То ли ветер в верховьях шалит?..

Небо дымное, серое, низкое,
И такое сиротство вокруг!
Русь моя, несравненная, близкая,
Чтоб обнять тебя, хватит ли рук?..

Защитить, обогреть эту пахоту,
Это золото, охру и медь..
Здесь единственным праведным грохотом
Майский гром может лишь прогремять!

Даже в холоде осени стройная,
Дорогая моя красота!
Ни измором, ни хворью, ни войнами
Не согнётся твоя прямота.

Будут сосны стоять, словно матери,
Провожая своих сыновей,
Словно нищий на вымерзлой паперти,
Сильный голою правдой своей..

-
- Ольга Николаевна Даранова родилась в 1958 году в Ульяновске. Окончила историко-филологический факультет Ульяновского государственного педагогического института имени И.Н. Ульянова. Учёный секретарь «Дворца книги» (Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина), председатель Правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия. Публиковалась в журналах «Симбирскъ», «Мономах», «Молодая гвардия», «Сура», «Волга—XXI век», «Берега», «Нижний Новгород», «Александръ», «Бийский вестник», «Сызранская излучина» и др. Автор книги стихов и прозы «Флейта осени» (2018). Финалист Всероссийской премии «Чеховский дар» (2010), Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман-2023», победитель Международного конкурса поэтической декламации «О, сто моих колец: посвящение Марине Цветаевой» (2017). Член Союза писателей России, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Ульяновской области (2013). Живёт в Ульяновске.

Так бы ехать дороженькой долгою
В тишине, что предзимьем полна,
И следить, как над вольною Волгою
Богородицей смотрит луна...

СОН

При лампе, с кирпичиком книжным,
Который и греет, и жжёт,
По дальним дорогам и ближним
Мой вечер, густея, бредёт.

– Куда ты влечёшь меня, слово?
В какие обрывы земли?
В какие колодца былого?
Что в них?
– Отголоски любви...

А осень всё суше и жёстче,
И ветер в вершинах суров...
Там где-то в Киндяковской роще,
Задумчив, стоит Гончаров.

Его эта вечная метка –
Оставленный им белый храм.
Парит над обрывом беседка,
К симбирским маня берегам.

Там елей могучие кроны
Раскат колокольный хранят.
И патриархальные звоны
Над Волгою эхом летят.

Страница другая сплетает
Мне прошлого милую вязь.
Знакомым виденьем мерцает,
К постели моей приклонясь.

Чьё здесь первородное слово,
Чья тень проникает в меня?
Кольшется лодка былого
У берега, цепью звеня.

Мне эти железные звуки
Ласкают доверчивый слух,
И помнятся дедовы руки
На вёслах, да илистый дух

Воды, и кустов зависанье,
И гул мошкары, и жара,
И бабушкин взгляд-отрицанье,
Когда рассердит детвора.

Вот мокрое дерево лодки
Врезается в жёлтый песок...
Картины там чисты и кротки –
Деревня, луга да лесок.

И даль развивается свитком,
И я в этой лодке плыву.
Вот скрипнула где-то калитка...
Я вижу их всех наяву!

Они там сидят, на крылечке,
Живые, как юность и сад...
Там птицы и узкая речка
И мой неродившийся брат.

Их руки лежат на коленях,
И дума – одна на двоих.
И чудное это сиденье
Храню я, страницу закрыв.

Не выцвествь вам, кровные знаки
Заветных, спасительных мест.
Там спят старики и собаки,
Где врос покосившийся крест.

ПОКРОВ

Моя пора! Октябрь мерцает
Опалом пёстрых, гулких дней.
В лесу тропинка всё видней,
А позолота угасает...

Фламандским бархатом свисая,
Листва укрыла спуск Венца.
Заволжским далям нет конца,
И так прекрасна жизнь земная!

Все чувства сдержанны, и счастье
В груди теснится со слезой...
Мне этой влажною порой
Приятно и само ненастье!

Защита нам – земля и небо.
И всё, что в этом мире сущно,
Пусть сбережётся в дне грядущем,
Пусть светом будет, будет хлебом...

Каштан сорит созревшим плодом,
Рябина слаще и красней,
Дни кратки, ночи всё длинней...
И мы готовимся к исходу

Осенних дней, ноябрь встречая.
И Божья Матерь омофором
Над волжским благостным простором
Добро сокроет, сберегая.

Памяти Александра Лайкова

Ты ушёл в нездешние туманы
Ранним, ещё тёплым сентябрём.
Опустился вечер над лиманом,
И волна всплакнула с ковылём.

Родина твоя осиротела...
Та, что вдохновляла и звала.
Платье мамино в шкафу висело,
Книжка не дочитана была...

Как горят закаты над Икряным!
Всё здесь так, как было год назад.
Запахом гвоздичным, терпким, пряным
Задышал твой переспелый сад!..

Грохнул дождь в окно холодной дробью,
Птица простионала в камышах,
И застыли праведною скорбью
Звёзды в вопросительных глазах.

Всё вернётся. Всё начнётся снова.
И мальчишек дерзостная рать
Будет вновь искать в золе подкову
И, как ты, судьбою рисковать.

Как живой стоишь в дверях ты, Сашка...
Добрый дух писательской родни.
На тебе в полосочку рубашка...
А теперь уж год, как мы одни.

ЕЁ ТАРУСА

Ты любила рябину – и платье
Алым-алое, подлинно – кровь.
Выделялась неженскою статью,
Дерзко выгнув упрямую бровь.

Сколько стрел тебе метили в спину!
Разобраться б, кто враг, а кто друг...
...В пальцах вновь зажимает Марина
Деревянный потёртый мундштук.

В клубах дыма – задумчивый профиль,
Руки глухо звенят серебром,
Боль рождённых стихов, горький кофе,
И одна среди всех – напролом.

Разлетелись, как по полу бусы,
Твои дни в разорённой стране.
Лишь в родной, не предавшей Тарусе
Свет рябиновый светит в окне.

Помнишь игры под старую ивой?
Ты и Ася и солнечный день...
На балкончике прятали сливы...
А с балкончика – прямо в сирень!

Было столько сокрыто желаний
В тайной пристани трепетных век...
Ледяной чередой расставаний
Отзовётся тревожный твой век.

Мир ещё – только тайны, загадки,
Первый всполох мятежной крови...
Здесь, на краешке узкой кровати, –
Тени детства и тени любви.

В свой последний приезд на пригорок
Прощаться с родною Окой
Вышла ты. Как же памятен, дорог
Край, куда прислонилась душой!

Здесь лишь камень тебе, не могила,
И такая уютность ветвей!..
Это взгорье тебя окружило
Материнской любовью своей.

Пахнет дальним кострищем и сеном,
В «доме Тью» тени бывших грустят...
Над Окой поминальным рефреном
Журавли ровным клином летят.

«ИЗ ТЫСЯЧИ НЕМЫСЛИМЫХ МИРОВ» СТИХИ ПОЭТОВ г. УЛЬЯНОВСКА

Александр ТИМАКОВ

- Александр Александрович Тимаков – поэт, член Союза писателей России. Родился в 1959 году в городе Саранске (Республика Мордовия). Окончил военно-медицинский факультет Куйбышевского медицинского института (ныне г. Самара). С 1982 по 2009 гг. служил на различных военно-медицинских должностях в Вооружённых Силах СССР и Российской Федерации. 1987 год – Чернобыль; 1996 и 2000 годы – Чечня. Является ликвидатором последствий аварии на Чернобыльской АЭС и участником боевых действий. Награждён орденом «За военные заслуги» (1997), боевой медалью Суворова (2000). Врач-анестезиолог, подполковник медицинской службы запаса. Автор поэтических книг «Чеченский альбом» (1987), «Открытие эпохи», (2001), «Апельсин в ладонях» (2003, 2009 гг.), «Чувства и честь» (2006), «Загадываю встречи» (2014), «Упрямая память невольно листает» (2020) и песенного компакт-диска, изданного в Ульяновске и Саранске. Участник масштабного областного книжного проекта «Симбирский контекст», публиковался в антологиях «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2015), «Симбирская пристань» (2019).

Памяти Александра Лайкова

Погода холодает на глазах...
Но кто ответит, как могла природа
Ошеломить нелепостью ухода
И опечалить думой о друзьях?

Они уходят как-то второпях...
Последнего звонка затихли звуки...
И опустить не успеваешь руки,
Как снова слёзы горькие в горстях...

Не думая со скорбью о вестях,
Я всех вас вспоминаю поминутно,
Мои друзья, вы для меня как будто
Угасшие костры в пустых полях...

О них, сынах достойных и мужьях,
В ком неизбежен вечный дух бунтарский,
Мне не забыть! Ненастным днём сентябрьским
Приходит осень с думой о друзьях...

13.09.2021 г.

СНЕГ

Я дверь открыл в морозный выюжный вечер
И эту ненастную порой
Вдруг увидал, как мне летит навстречу
Кружащихся снежинок белый рой.

Зачем он здесь, издалека ль примчался
Сквозь ночь и глушь? Воздушный белый снег
На миг в дверном проёме заметался,
Бездомным роем поспешив на свет.

Тебе дано в беззвёздный этот вечер
На миг сверкнуть при свете фонаря
И завершить свой путь, упав на плечи,
А не блистать, когда взойдёт заря.

И понял я, что, снегом украшая,
Сама Судьба итожит бранный путь.
Даёт нам шанс, круг жизни завершая,
Ещё при свете фонарей блеснуть...

Александра БЕЛОВА

- Александра Георгиевна Белова (26.07.1944–23.12.2022 гг.), поэт, прозаик. С 2005 до 2012 гг. руководила городской писательской организацией «Слово», работала редактором литературного приложения «Слово» к газете «Димитровград», стала одним из организаторов ежегодного литературного фестиваля «Лопатинские чтения», посвящённого 200-летию И. А. Гончарова. Состояла в Союзе писателей и Союзе журналистов России. В 2020 г. стала лауреатом межрегиональной поэтической премии им. Николая Благова.

ЗЕЛЁНЫЕ КАМНИ

Обожаю зелёные камни.
В них такая сквозит глубина.
Собирала их, вроде, недавно.
Набегала на берег волна.
Зеленели берёзы и сосны,
Любовался на них Енисей.
Далеко ещё было до взрослой,
Неприкаянной жизни моей.
С Енисеем – судьба мне расстаться.
Черемшан принят сердцем моим.
Но зелёные камни хранятся.
Взгляд всегда обращается к ним.
Я от Волги до Енисея
Добираюсь охотно, легко.
По дороге люблюсь Россией.
Не могу быть от них далеко.

Навсегда эта нежность дана мне.
Навсегда мне Россия дана...
Обожаю зелёные камни –
В них такая сквозит глубина!

Раиса КАШКИРОВА

- Раиса Иршатовна Кашкирова родилась в 1966 году в Дмитровграде в семье учителей. Окончила Казанский химико-технологический институт. Работала инженером-экологом на Волжском автомобильном заводе в г. Тольятти. В 1998-м вернулась в родной город.
Член Союза писателей России. С 2018 по 2021 гг. – руководитель Дмитровградской писательской организации «Слово», редактор литературного приложения «Слово» к газете «Дмитровград». С 2018 года – член правления Ульяновского отделения Союза писателей России, член редколлегии литературного журнала «Симбирск».

Из тысячи немислимых миров
мне всех милее тот, в каком я ныне.
Пусть всё не так, и день к закату стынет,
и ум тревожат хороводы снов –
жизнь хороша!
Лишь за её чертой
откроются Создателя мотивы,
которых не понять, пока мы живы,
но можно их принять – и снова в бой!
Ведь есть же путь среди множества дверей,
ведущий не к стагнации, не к смерти?
Возможно всё!
Не верьте мне. Проверьте:
жизнь – это рост и право стать мудрей.
А я порой – без горя от ума –
так счастлива простыми мелочами,
что тает груз за хрупкими плечами.
Всё больше мир, всё меньше я сама...

Юрий ШЕРСТНЁВ

- Юрий Иванович Шерстнёв родился в 1962 году в селе Старая Майна в семье журналистов. Детские и юношеские годы прошли в райцентре Павловка Ульяновской области. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Ведущий специалист информационного отдела профкома Димитровградского автоагрегатного завода. С 2013 по 2018 гг. и с 2021 г. – руководитель Димитровградской писательской организации «Слово». Живёт в городе Димитровграде Ульяновской области.

СОЛДАТСКИМ МАМАМ

За веком век всё продолжает бег,
Войну на мир сменить они не в силе.
И на виски опять ложится снег
Святых седин солдатских мам России.
За веком – век, как за войной – война...
И сыновей в боях теряют мамы.
Недавно был Афган, затем – Чечня
Сходила с гор свинцовыми дождями.
В куплетах и стихах не рассказать,
Какого цвета боль на сердце мамы,
Когда от сыновей уже не ждать
Ни SMS-ки, ни звонка, ни телеграммы.
Но кто бы ни был снова в том строю,
Заботы материнской крылья с ними,
В любом походе и в любом бою
Родным теплом согреют и обнимут.
Почувствуйте душою, как светлы
Солдатских мам невидимые крылья.
Но даже им от бед и от хулы
Избавить всех сынов не хватит силы.
От сердца мамы к сердцу сына нить
Незримая, но всех прочней на свете –
О, если бы могла она укрыть
От пуль, и холодов, и лихолетий...
Какому Богу это рассказать,
Какой звезды коснуться их крылами,
Чтоб никогда уже в России мать
«Груз-200» не встречала со слезами?
К каким вождям их плачи обратиться?
Каким чудесным уповать святыням?
Иль нет такой цены, чтоб оплатить
Слезинки малой о погибшем сыне?
За сыновей ушедших помолись.
Зажги свечу у старенькой иконы.
Солдатским мамам в ноги поклонись
За то, что провожали эшелоны,
За то, что любят так других сынов,
Других солдат крылами обнимают,
Воздай им, Русь, не орден, но Любовь,
Нежней которой в мире не бывает.

Светлана ЗАЗИМКО

- Светлана Витальевна Зазимко родилась в 1941 году в сибирской деревне Скарединка. Школьные годы прошли в посёлке Вагай Омутинского района Тюменской области. Окончила историко-филологический факультет Тюменского государственного педагогического института. Работала учителем русского языка и завучем в школе, редактором в отделе телевидения и радиовещания города Свердловска-45 (ныне город Лесной), инженером на комбинате «Электрхимприбор» и в научно-исследовательском институте атомных реакторов. Автор пяти поэтических сборников. С 2012 года – председатель городского общественного клуба любителей поэзии «ЭХО». Член Союза писателей России. Живёт в Дмитровграде.

ВНОВЬ ЗА ПРАВДУ РОССИЯ

Сколько боли и страха
Претерпели они!
Вновь Донец, Волноваха
Заполняют все дни.
Что ни новость с экрана –
Дым да всполох огня! –
И сердечная рана
Всё больней у меня:
Там бандитские танки
У домов средь села!..

Моя мать харьковчанкой
Юность всю провела.
С русским мужем в Сибири,
На Урале жила..
Край её я любила,
Много раз там была.
И тогда там мой русский
Рядом с «мовой» звучал,
С нежной вышивкой блузки
Харьков мне продавал.
Были общими горе,
Счастье, радость и грусть.
А Шевченковы «твори»
Знала я наизусть...

Крым, и Харьков, и Сумы
Вечно дороги мне.
До сих пор мои думы,
Что в одной мы стране!
Я совсем не мессия,
И не громок мой глас:
Вновь за правду Россия,
И форпостом – Донбасс...
Снова мир установим –
Будет в крепких руках.
Нашим общим героям –
Честь и слава в веках!

Инга ГААК

- Инга Альбертовна Гаак родилась в 1970 году в городе Мары Туркменской ССР в семье военнослужащего. С 1993 года проживает в Димитровграде Ульяновской области. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Участник проекта «В нашем доме проживает замечательный поэт», участник Международного открытого фестиваля авторской песни и поэзии «U235» (2015, 2016 гг.) Автор и соавтор книг «Песни Ангела дорог», «На шахматном поле сегодня метель...», «Длягришкины сказки», «Ловцы видений». Живёт в Димитровграде.

...Знаешь, какая-то странная нынче осень:
пахнет грибами и отчего-то немножко морем..
Дождь запоздалый прощенья у леса просит,
стынут уголья, а может, стонут от горя.

Пижмы последней букет написать бы маслом,
да в этом году не в фаворе у публики жёлтый..
Нет и желания взяться за кисть и краски,
грёзы из воска, все впечатления стёрты.

Дух неприкаянный, горький сосновый бродит
вновь по песку... пёс, блуждающий в терниях дрока..
Алым стекая по сжатоному подбородку,
вяжет калина, оскомины как осока..

Галина АНИСИМОВА

- Галина Юзефовна Анисимова – поэт. Жила в Вологде, Димитровграде, Свердловске. Окончила Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова (ныне УрФУ им. Б. Н. Ельцина). Автор сборников стихов «Игры, в которые играют люди» (2006), «Мемуары юмористики» (2007), «На ноте сердца» (2008), «Иллюзион» (2013), публиковалась в журналах «Карамзинский сад», «Мономах», «Театр как театр», «Симбирскъ»; газетах «Ульяновский комсомолец», «Вестник» (УлГУ), «Литературная газета». Член Союза писателей России. Живёт в Ульяновске.

ОСЕНЬ

Подарило мне время отсрочку..
Несмотря на избитый сюжет,
рано ставить в истории точку,
даже пуля даёт рикошет

и надежду на вечное: если..
И возможность сюжет исправлять.
Наши летние дни не исчезли,
просто в осень ушли погулять.

Мне б запомнить огонь бересклета,
паутинок прощальную нить,
и сентябрь – послевкусие лета –
до морозов в душе сохранить..

Илья ТАРАНОВ

- Илья Александрович Таранов – поэт, прозаик. Родился в Ульяновске в 1959 году в семье инженеров. Учился в художественной школе, в 1982 году закончил с отличием Ульяновский политехнический институт. Более 20 лет трудился на Ульяновском механическом заводе, автор нескольких изобретений. Автор семи книг для детей, сборника стихов и новелл «Белая птица», исторических повестей «Как Богдан Хитрово Симбирск строил», «Как Стенька Разин по Волге ходил», поэтического сборника «Я пришёл наблюдать за снегом», романа «Стена».

Ночью падали звёзды – я слышал!
Август щедрый на эти дары.
Я искал во дворе и на крыше
неизвестные сердцу миры.

А нашёл лишь под яблоней старой
россыпь жёлто-лиловых плодов
и в полях – лошадь масти чубарой,
в небе – шлейф незапомненных снов...

Ах, какой аромат свежих яблок,
а как грива коня хороша,
а как час этот сказочно сладок –
в сердце тенькнула счастьем душа!

В приоткрытом окошке посуда
так уютно и звонко гремит.
Осознание пришло ниоткуда –
этот мир во Вселенной – как скит.

Я отшельник в неведомом мире,
я вселенский, могучий монарх,
одинокий стрелок в звёздном тире,
слепок чей-то в божественных снах.

В моей колбе иссякнут песчинки,
превращусь я в межзвёздную пыль.
Опылит она снова тычинки,
кто-то будет читать мою быль...

Ночью падали звёзды – я слышал!
Август щедрый на эти дары.
Ветер, может, чубарый на крыше
или всё же чужие миры...

Виктор МАЛАХОВ

- Виктор Леонидович Малахов родился в Челябинске в 1951 году. Член Союза писателей России. Финалист премии «Наследие» 2016 года. Лауреат областной поэтической премии имени Н. Благова. Автор 10 сборников стихотворений. Живёт в Ульяновске.

ПРОЦЕСС

Здесь пейзаж ненавязчив и вкрадчив –
Мне сегодня и нужен такой.
Кабы знать, что доподлинно значит
Этот мир у меня под рукой?

Пробирает весенней прохладой
Чуть желтеющий вербный пушок.
Ну, а я всё пытаюсь поладить
Со своей неуёмной душой.

Что такое готово начаться?
Для чего наступает черёд?
Мир, раздробленный нами на части,
Скоро ль цельность свою обретёт?

Для чего на моих перепутьях,
На моих перекрестьях дорог
Эта свежесть весеннего утра,
Этот бьющий в лицо холодок,

Эта нежность, с которой на ветках
Нянчит небо заботливый лес?..
Собираю в себе человека
И никак не закончу процесс.

Татьяна МЕЛЬНИК

- Татьяна Петровна Мельник родилась в 1968 году в Ульяновске. Окончила Ульяновский электромеханический техникум по специальности «Техник-технолог электровакуумного производства». В настоящее время работает в архиве Управления культуры и организации досуга населения администрации г. Ульяновска. Член Российского Союза профессиональных литераторов, член Союза писателей России. Автор пяти сборников стихов.

Время сбора камней,
Время горьких прозрений,
Ты пришло и ко мне,
В дом, лишённый призранья.

Ты пришло и ко мне,
Ждёшь неведомой жертвы..
Время сбора камней..
Урожай нынче щедрый..

Только я не боюсь,
Молча их собираю
И вселенскую грусть
Жадно пью из Грааля..

Ты пришло и ко мне
Самой верной порою..
Я из этих камней
Храм, наверно, построю..

Валентина ТАРАВАТ

- Валентина Николаевна Игнатьева (Тарават) – поэт, переводчик, член Союза писателей Российской Федерации (1995), заслуженный работник культуры Российской Федерации (1996), член Ассоциации композиторов Чувашской Республики, Почётный гражданин Цильнинского района Ульяновской области (2004), Почётный гражданин Ульяновской области (2007), лауреат премии им. И. Я. Яковлева Ульяновского областного чувашского фонда «Эткер». Живёт в Ульяновской области.

О чём поёт моя душа?
Мелодию я слыше слышу.
Я ей внимаю не дыша.
То громче льётся, после – тише.

По телу томно разлилась..
Вдруг вырвалась – и в синь небесную!
Здесь и любовь, и жизни страсть.
За миг жизнь стала интереснее!

Молю: лишь бы не прервалась.
Новорождённая, живи!
Романс родится или вальс –
Пусть будет вестником любви..

Ничего. Буквально ничего.
Лишь улыбку, только и всего.
Милый взгляд мне больше говорит:
От зари – путь песни – до зари..

От зари – пусть песни до зари..
Всё кругом сияет: «Ну, твори!»
Взмах крыла – и строчка за строкой,
Как ручей за быстрою рекой..

Екатерина БОГДАНОВА

- Екатерина Андреевна Богданова – поэт, прозаик. Родилась в 1996 году в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет. Член Совета молодых литераторов Ульяновской области. Лауреат областной литературной премии «Первая роса».

Свято верю я: счастье, ты близко.
Дождалась, наступила пора!
Мне у Волги звезда обелиска
Рассказала об этом вчера.

Бой часов – им порадовал снова
Гончаровского дома фасад.
И не видел июня такого
Карамзинский сиреневый сад.

Пустота наполняется смыслом,
Всё не зря: и ветра, и дожди.
Знаю: радужное коромысло
Засверкает на трудном пути.

Бог ведёт меня верной тропюю.
Вот и Пушкин, Языкова друг.
Дальше – площадь. Смешавшись с толпою,
Я иду к своему водопою –
В молодой поэтический круг.

Лариса
РУДКОВСКАЯ

ЗАПЛЕЛА МНЕ ПЛАНИДА УЗОРЧЬЕ

БЫЛ СЕНТЯБРЬ ПО-ВЕСЕННЕМУ СВЕТЕЛ...

Был сентябрь по-весеннему светел,
В кронах клёнов сияли лучи,
И шумел сопричастно ветер...
Я от жизни нашла ключи.

Синевою небесной умылась,
Цвета солнца надела платье,
На все стороны перекрестилась
И пошла – по дороге к счастью...

КАК В ЭТОТ ГОД...

Как в этот год погода с щедростью
Меня наполнила вдвойне
Осеннюю туманной сыростью
И зимней стужей в январе.
А я хотела май цветения,
И я хотела май любви!
Ты в этом хаосе борения
Меня с собою позови.
Ты любишь сказки? Буду сказкою!
Ты любишь песни – буду петь.
Лишь только ты заветной ласкою
Меня не бойся отогреть.
И будет всё светло и радостно,
И сердца стук в моей груди
С твоим мучительно и сладостно
Вовек сольётся в забытии.

-
- Лариса Микелисовна Рудковская родилась в 1979 году в Ярославле. Историк, художник, поэт. Окончила исторический факультет Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Кандидат исторических наук. Имеет более 30 научных публикаций, включая монографические издания и издания ВАК. Публиковалась в литературно-художественных журналах, в том числе в журнале «Невский альманах» (2023).

ПТИЧКА

Перекрыты все дороги,
 все отрезаны пути.
А казалось: только поле –
 только поле перейти.

Там, за речкой, за лесочком,
 за крушиновым кустом,
За пригорком, за лужочком,
 за калиновым мостом

На высоком дубе птичка
 себе гнёздышко свила,
Унесла моё колечко,
 моё счастье унесла.

А бывало –
 прилетала
 ко мне зёрнышки клевать,
Щебетала –
 обещала
 научить меня летать.

ОКУНИСЬ В ЭТУ ОСЕНЬ СО МНОЙ...

Окунишь в эту осень со мной –
Пусть бросает нам под ноги золото,
Пусть алмазно звенит под луной.
Что душой не увяло, то молодо.

Позабудь ту, что пахла весной,
Что взлетала и пела как птица –
Крылья белые стали золой,
Песне звонкой вовек не кружиться.

Были росы из глаз по щекам,
Были розы шипами в руках,
Приставала к чужим берегам,
Ветер гнал и дышал в парусах.

Как нарушила Лота наказ,
Оглянулась – застыла смятенно...
Пусть же осень прольётся на нас
Всепрощением неба безмерным.

ПОЧЕМУ ТЫ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ СНИШЬСЯ...

Почему ты мне больше не снишься,
Не тревожишь меня по ночам?
Шелестел не о том ли камыш мне,
Что с другой тебя вечер венчал.

Та, другая, не скажет стихами
И ковёр из цветов не соткёт.
Скажешь, тесны тебе мои дали?
Скажешь, стал невысок мой полёт?

А ты помнишь, как в снежном тумане
Мы под светом ночных фонарей
Ртом ловили снежинки
И знали: в этот миг ничего нет важней.

А потом в ветер рьяный и хлёсткий
Сквозь метель пробирались домой
И с сугробами по-донкихотски
Мы вступали в восторженный бой!

Ты всё помнишь, конечно, ты помнишь...
Только этой земли благодать
Тебе больше не знать. И неволишь –
За двоих мне гореть и мечтать.

ЗАПЛЕЛА МНЕ ПЛАНИДА УЗОРЧЬЕ...

Заплела мне планида узорчье
Из своих хитроумных затей,
Опоила полынною горечью
Да забросила в снег да метель.

Но взглянул на меня светлый месяц,
Свет мой месяц меня полюбил.
И работой небесных кудесниц
Одарил меня – парюю крыл.

Мой жених, gospodarь ясноокий,
Входит месяц в мой дом по ночам –
И рождаются вольные строки,
По моим разливаясь шелкам.

**Евгений
МИРМОВИЧ**

БЕССМЕРТИЕ

Областной хоспис. В палате четыре неподвижных тела. Тяжёлый воздух. Мягкие простыни. Капельницы, катетеры, каталки. Переступить порог нелегко. У входа справа старик, обросший седой щетиной. Подхожу к нему. Иссохшее жёлтое тело. Дряблая кожа. На тумбочке челюсть, памперс и блёклая фотография в рамке. Морской офицер. Капитан второго ранга. Живые чёрные глаза. Только по глазам и узнаю. Это он. Что мне ему сказать? Как вы себя чувствуете? Какая циничная нелепость. Он давно ничего не чувствует, кроме боли. Пожелать выздоровления? Лицемерие. Всё ведь очевидно. Спросить, чем помочь? Да чем же ему поможешь?! О родных спрашивать нельзя. Их здесь у многих нет. Зачем я сюда пришёл? Я смотрю в его глаза. Он видит меня.

- Как вас зовут? – спрашиваю я.
- Владимир, – тихо отвечает он.
- Моего отца тоже звали Владимир, – говорю я.
- Кто ты?
- Волонтёр.
- Откуда?
- Из Ленинграда.

По опыту знаю, что так старики быстрее понимают, если сказать, что из Ленинграда, а не из Петербурга.

- Ты не с Васильевского острова?
- Нет, я с Выборгской стороны.
- А я когда-то жил на Васильевском. Как там сейчас?
- Всё хорошо. Стрелка, биржа, университет – всё как раньше. А ещё мост новый построили. На Петровский остров. Красивый.
- А Дворцовый мост разводят?
- Конечно, разводят. Как всегда, много людей по вечерам. Гуляют, фотографируют.
- Так ты с Васильевского?
- Нет, не с Васильевского.

● Евгений Мирмович родился в Ленинграде в 1973 году. По образованию юрист. В настоящее время куратор волонтерских проектов в области работы с детьми-инвалидами. С 2019 года один из редакторов литературного портала «Имба-читальня». Финалист национальной премии «Писатель года 2021», лауреат конкурса, посвящённого 80-летию С. Довлатова, проведённого Комитетом по культуре Санкт-Петербурга. Лауреат премии «Славянское слово-2022». Публиковался в сборниках «Писатель года», «Художественное слово», «Антология русской прозы», «Славянское слово».

- А речные трамвайчики есть?
- Да, есть. Ночью, когда мосты разводят, их очень много. И катеров разных, и лодок. А потом, когда мосты разведут, они уходят, и начинается движение грузовых судов. С Балтики идут вверх по течению тяжёлые баржи. По набережной гуляют влюблённые, и светло как днём.
- А улицу Репина ты знаешь?
- Конечно. Узенькая такая. Мощённая камнем.
- Да-да. Я там когда-то жил. После войны... Как жаль, что ты не с Васильевского.
- Я там иногда бываю.
- Послушай, парень, я прошу тебя: сходи на улицу Репина.
- Хорошо, схожу.
- Когда придёшь, произнеси там вслух: «Плыл по морю чемодан. В чемодане был диван. На диване ехал слон. Кто не верит – выйди вон!» Запомнил?
- Что это?
- Детская считалка. Мы в детстве там так считались, кому вадить. Пусть она там снова прозвучит. Около дома номер 12. Ты запомнил?
- Запомнил. Я обязательно это сделаю. Обещаю вам.
- Я заметил, что с коек по соседству удивлённо смотрят три пары глаз. Мы посидели несколько минут молча.
- Ты хороший парень. Спасибо тебе, что ты пришёл.
- Он попытался взять меня за руку, и я почувствовал ели ошутимое рукожатие. Слеза выкатилась из его правого глаза и стекла за ухо. Владимир закрыл глаза. Я ушёл.
- Что это? Безумие? Или мужество сильного человека, так легко принимающего смерть?
- На следующий день я приехал на улицу Репина. Тесная улочка. Окна первых этажей у самой земли. Городского шума здесь не слышно. На балконах сохнет бельё. Живут люди.
- Плыл по морю чемодан. В чемодане был диван. На диване ехал слон. Кто не верит – выйди вон! – произнёс я громко.
- Из окна первого этажа высунулась смешная рожица мальчишки лет семи с удивлёнными глазёнками.
- Что это?
- Считалочка такая.
- А это зачем?
- Просто так. Игра. Запомнил?
- Ха-ха-ха. Запомнил.
- Я ушёл, а вслед мне на всю улицу звонким мальчишеским голосом разносилось: «Плыл по морю чемодан. В чемодане был диван. На диване ехал слон. Кто не верит – выйди вон!»

**Александра
ВИЗАНТИЙСКАЯ**

Я И ВЕТЕР

ОСЕНЬ

Миг покоя, и печали,
И тоски, унылых дум.
Опустело на причале.
К морю ближе подойду,

Полюбуюсь морем чутким –
Благодушно, как монах.
Улетели ныне утки,
Листья всюду – тлен и прах.

Побережье опустело.
Только слышен моря плеск!
Солнце сонное несмело
Светит тихо – тусклый блеск.

Мир молитвой осеняя,
Кроны шепчутся осин.
Сад пустынный оттеняют
Гроздья алые рябин.

МОСКВЕ

Глаза твои – сверкают купола,
Душа твоя – дух храмов и церквей;
Сжигали... но горела не дотла.
И, сбросив плен оков, чужих цепей,
Ты воскресала снова – сонм лучей!

Непобедима ты, моя Москва!
Тебя Творец через века хранит.
Хотя узнала я тебя едва,
Меня твоё величие манит
И, как вино древнейшее, пьянит.

-
- Александра Магомедовна Алидарова (Византийская) родилась в городе Каспийске. Окончила Дагестанский медицинский институт и Клиническую ординатуру. Кандидат медицинских наук по специальности «Детский кардиохирург». С 2009-го по 2014 год – руководитель группы по подготовке специалистов для сосудистых центров. В настоящее время работает в МГМСУ им. А.Н. Евдокимова. Публиковалась в альманахе «Тени странника» при редакции журнала «Юность», «Малаховском альманахе», в журнале «Наш современник». В 2013 году вышел сборник «Стихи и проза».

Я И ВЕТЕР

Тщетно в дверь мою скребёшься, ветер!
Не встревожишь омут тяжких дум.
Что ж доньше одинок, бездетен,
Просишься к оставленной ятум*.

Не возникнут чувства в сердце боле,
Их, как хворост, скорбь сожгла давно.
Я у одиночества на воле
Памяти горчайшей пью вино...

«Торопливо тучи грозовые,
Погляди, идут как на войну.
Их упрямые бессмертны выи...
Будто сокрушают вышину».

Гром ударил, как взорвало небо!
Кто там гневом жутким одержим?
Иль кого ругают так свирепо,
И ужель не страшно им самим?..

«Мне куда? – терзался мокрый ветер. –
Чуть погреться ты меня впусти.
Знаешь ты, я одинок, бездетен,
Что уж было в прошлом – отпусти!»

ВОЛЫ

Серым днём по бездорожью
Стонет, сетует арба.
Подем долгим с битой рожью
Вьётся узкая тропа.

Плоть дрожит волов. Ох, тяжко!
Где же край пути? Сил нет.
А над ними вьётся пташка,
Бросив на лету привет.

Поведут волы глазами,
А спасенья не видать.
Тяжкий воз влекут полями...
Их скорбей не описать.

...Тянут воз волы надрывно,
Из ноздрей парок – мольба.
Вьётся птаха непрерывно...
Стонет и скулит арба.

* Ятум – на агульском языке – сирота.

УМИРОВАНИЕ

Моему дорогому другу Гафаровой З.З.

Безбрежна осень, нет конца –
Сиянье царского венца.
Покой храня, весь мир замолк.
Как ясен день, как он широк!

Какая тишь кругом стоит!
На ветке дряхлый ворон спит.
Не слышу певчих я давно.
Лететь мне с ними не дано.

На тропке горной я сижу,
На даль зовущую гляжу.
В степи таится тишь-княжна.
...С рассвета здесь сижу одна.

В глазах былая жизнь – панно.
Я дум кручу веретено
Увечных, многих лет моих,
Сложила память в копны их...

И солнце тихий свет струит.
Какая тишь вокруг стоит!
И неба дремлет мирно сень.
Клонит к закату чудный день.

Вернуться в келью мне пора.
Картинен яркий день с утра.
С горы спускаться мне крутой.
Бежит внизу ручей босой.

Зовёт мой милый друг-ручей –
Чарует звук его речей.
Он тёплых чувств живой пучок
И мил, и ласков, как щенок.

Какая тишь кругом стоит!
И редко лист какой слетит.
Не день, не осень – чудо, знать!..
И звон к вечерне – благодать.

ВОСПОМИНАНИЕ

Я помню вдоль дома плетёнку
И жаркого лета деньки.
Таскала я воду телёнку,
Напевны ручьи и легки.

Спешила сорока к нам с вестью,
С плетёнки, бывало, кричит;
Как ангел на свадьбе – невеста,
Как будто младенцы – ключи.

На сказочных крыльях сквозь время
В тот мир возвратилась бы я.
Простое, наивное племя,
Простейший уклад бытия.

Встречали коров вечерами,
Струилось в ведро молоко.
Жизнь лета с благими дарами
Текла полноводной рекой.

Уходит светило всё дальше
С его беспокойной судьбой.
Уходит, и гаснет, и машет
Дрожащим лучом, как рукой!

Елизавета
МАРТЫНОВА

«Человек на своей земле»

Ермаков Д. А. От земли. Василий Белов: повесть-отзвук. — Вологда: Киселёв А.В., 2022. — 159 с.

В свой приезд в Саратов Дмитрий Ермаков, постоянный автор нашего журнала, подарил мне свою книгу – повесть (по моим ощущениям – роман) о замечательном русском писателе Василии Ивановиче Белове. И тогда же на творческом вечере Дмитрия возник вопрос о знании региональной литературы «соседами», ведь зачастую мы своих соседей по региону не знаем, не представляем их масштаба. Но с писателями «вологодской школы», думаю, знакомы все любители русской литературы, все, кто может назвать себя её читателями. Знают Николая Рубцова, Ольгу Фокину и Василия Белова, конечно.

Василий Иванович Белов – исконно вологодский («от земли» – это Дмитрий Ермаков подчёркивает названием книги), но прежде всего – выдающийся русский писатель, и без него, без его творчества невозможно представить нашу литературу.

У каждого из нас своё, личное отношение к писателям. У каждого из нас свой Пушкин, свой Есенин, свой Белов. Дмитрий Ермаков написал о «своём» Василии Ивановиче Белове. Написал то, что отозвалось («повесть-отзвук»). Именно это делает книгу живой – живой встречей с писателем, которого уже воспринимают как классика. Такие книги вызывают у читателя желание прочесть или перечесть написанное Беловым, понять, живо, свежо осмыслить и прочувствовать.

Книга Дмитрия Ермакова – живое и критическое осмысление, книга-путеводитель, очень ценная в современном мире, где море изданий порой не даёт возможности сразу найти своё, настоящее, корневое, русское.

Прежде чем рассказать о вехах жизненного пути Белова, Дмитрий Ермаков говорит о том, кем является Василий Иванович в русской литературе, в чём его особенность:

«Впервые в русской литературе голосом Белова заговорил не добрый барин, не горожанин-интеллигент, любящий

и пытающийся показать деревню, а сам крестьянин – униженный, замордованный, но остающийся красивым и сильным, непокорным и терпеливым – русский человек».

«Василий Белов – ...Микула Селянинович русской литературы».

Книга наполнена авторскими впечатлениями, цитатами, воспоминаниями и дневниками современников. Это лирическая проза, когда биография пишется «изнутри» событий, книг, поездок, пейзажа – автор везде незримо присутствует рядом с героем.

Очень яркими получились описания авторских встреч с Беловым. И важно, что Василий Иванович был учителем для Дмитрия Ермакова на творческих семинарах. Описания этих встреч создают ощущение современности, сопричастности тому, что происходит на страницах повести.

Дмитрий Ермаков рассказывает о жизни своего героя с самого начала, а даже не с раннего детства начинает, а с земли, реки, ольховой рощи, с дома, построенного ещё до рождения Василия Белова. И не с чьих-то слов рассказывает, а предлагает свои впечатления от поездок в Тимонику – на родину Василия Ивановича.

И думается, это правильный подход именно для изображения, для рассказа о русском писателе. Вообще правильно начинать рассказывать о человеке не с момента рождения, а с места-времени, с родных, с «сохранения традиций, народной памяти».

Память – это, прежде всего, люди и время:

«Великий подвиг Белова – запечатлённые души, лица, будни и праздники русских тружеников: плотников и землелашцев, священнослужителей и учёных, солдатских вдов и ребятишек, заменивших в тяжкой мужской работе погибших на фронте отцов...»

«Судьба хранила его для подвига» – Дмитрий Ермаков истинное писательство

понимает как подвиг. Он подчёркивает, что Василий Белов всё время возвращается к главной волновавшей его теме: *«Человек на своей земле и человек, оторванный от земли; память; смысл жизни, её основы...»*

Василий Белов чувствовал свою миссию, говорит Дмитрий Ермаков: выжить и смочь рассказать о народе, *«выплакать всю горечь»*. *«Василий Белов собрал воедино осколки прежнего уклада, русский «лад»...»*

Автор книги ответственно подходит к чтению произведений Белова: много цитирует, делится своими впечатлениями, не анализирует как литературовед, а воспринимает книги Белова прежде всего как читатель – и передаёт своё восхищение, цитируя. Рассказывает о первых, ранних стихах Василия Белова (пристрастно, с сочувствием), знакомит с ними читателя. Позже предлагает своё прочтение стихов и прозы Белова – и это не просто анализ, а вчувствование в образы героев, в их художественный мир, пространство и время.

Рассказывая о прозе Василия Белова, автор книги говорит о «чуде творчества», воссоздаёт саму атмосферу писательства, и это замечательно, потому что понимаешь, как это было написано, что окружало Белова, что писательскую душу наполняло, от чего шла строка. И здесь интересно отметить, как Дмитрий Ермаков говорит о писательских предпочтениях Василия Ивановича, который шёл в своей прозе от языка, от его ритма, язык сам диктовал писателю остальное. И корни такого отношения к языку – тоже в детстве, в деревенской жизни.

Центральная глава «Эпопея крестьянской Голгофы» – о главных романах Василия Белова, о том, что привело его к их написанию, каковы были взгляды Белова и какого масштаба произведения создал писатель. По мнению Дмитрия Ермакова, роман «Час шестой» поднимается к летописи, к житию – по смыслу своему и слогу:

«Голгофа русского крестьянства, смерть, но воскрешение его и жизнь вечная – вот суть, пожалуй, и всего творчества Василия Белова».

Ценностно-важной становится глава «От земли». В этой главе Дмитрий Ермаков даёт определение традиции русской литературы, традиции деревенщиков.

«Так что же отличает именно деревенщиков? Все они, конечно же, от земли. Деревенская жизнь, все виды деревенских работ, ремёсел, говоры – всё это у них в крови, с молоком матери впитано».

«Познав мировую культуру, Белов сохранил в себе и для своих читателей культуру русской деревни... став профессиональным писателем, он оставался «человеком от земли».

В свете этой традиции творчество и жизнь Василия Белова органично вписаны в контекст отношений с другими писателями, с их творческими судьбами: Василием Шукшиным, Владимиром Крупиним, Сергеем Чухиним и другими. Особенно дневник Сергея Чухина интересен своей жизненностью. *«Характер Белова хорошо ощутим в этих записях. Ощутимо и его некое внутреннее раздражение тем, что происходит в обществе, в жизни страны, народа...»*

Именно это недовольство, желание изменить мир к лучшему и привели Белова к написанию публицистики. *«Василий Белов был человеком огненного темперамента, человеком действия, совмещавшим в себе художника и публициста. И если мы хотим понять Белова-художника, надо пытаться понять и Белова-публициста...»*

Писатель и в публицистике остаётся верен себе. Дмитрий Ермаков подчёркивает цельность его личности: Белов говорит о человеке, о памяти, о народе. И очевидно, что это был естественный творческий путь для Василия Ивановича – приход к публицистике, потому что в 90-е годы жить иначе и нельзя было для такого человека, как он.

Повесть состоит из трех частей: «Рождение художника», «Глазами народа» (и действительно его глазами, и очень хорошо, что свои заметки – личные воспоминания включая Дмитрий Ермаков в эту часть) и «Одинокий художник».

Третья часть необычна тем, что не соответствует традиционным представлениям о Белове только как о писателе-прозаике. Удивительно: Белов писал об Италии. Был в ней. Какая-то перекличка с Гоголем, его жизнью, его прозой (она и ещё раньше намечается в книге, но менее явно). О Гоголе потом вспоминает и сам Василий Иванович. Белов об Италии знает столько и настолько её понимает, насколько её может понимать гениальный русский человек, чутко воспринимающий мировое, иное – но не чуждое.

И ещё об одном неожиданном творческом аспекте жизни Василия Белова пишет Дмитрий Ермаков: Белов выступил автором предисловия и примечаний к тому избранному философам Ивану Ильину. Цитируя слова Ильина о писателе Иване Шмелёве, Дмитрий Ермаков отмечает, что эти же слова можно отнести и к автору «Русского лада».

Так в очередной раз приходится убеждаться в том, что русская литература – едина в своём развитии. И в книге Дмитрия Ермакова связующей

нитью становится ощущение целостности традиции и целостности личности. Именно их единство делает литературу литературой.

Единство литературы и жизни

Н.Ю. Леванина. Не роль, но жизнь: очерки, статьи, эссе / Наталья Леванина — Саратов: Издательство «Техно-декор, 2023—328 с.

Книга Н. Ю. Леваниной необычна по структуре и содержанию. Очень личная, пристрастная – и при этом объективно-глубокая, не признающая жанровых ограничений и привычной литературоведческой иерархии. Книга умная, добрая и душевно щедрая по отношению ко всем – от классиков до поэтов современных и просто любителей творчества.

Перед нами – литературная критика, равно присматривающаяся как к литературе прежних лет, так и к современникам: эссе, литературные портреты, очерки.

Прежде всего Н.Ю. Леванину интересует настоящая литература: *«Настоящий поэт – это точная мера весов, на которых взвешивается нетленное. К счастью, она, эта мера, от веку тоже не меняется, только всё реже и реже встречается, а потому ещё дороже ценится».*

Автор книги «Не роль, но жизнь» говорит о литературе как об основе мира, преобразующей жизнь, неотделимой от человеческой души, о существовании которой без литературы люди ничего не знали бы. Это книга о сути творчества, напоминание о том, что художественное слово – всегда источник духовной силы и правды.

Открывается сборник статьёй о Пушкине, который придал литературе новый смысл, который сделал её концентрацией жизни человеческой и её постижением.

«...Не просто известность писателя, это какая-то феноменальная тайна, замешанная на благодарной любви народа к своему Выразителю, Одухотворителю и Осмыслителю».

«...Вот и получается, что Пушкин – это больше, чем поэт, это наша национальная память. Это то, что не отменимо ничем... Пушкин нашёл нужные слова для выра-

жения самого важного и необходимого: любви, дружбы, чувства Родины...»

Творчество Пушкина – та мера в отношении оценки литературы, классической и современной, которой Н.Ю. Леванина руководствуется в дальнейшем. Все сюжетные линии – Родина, любовь, дружба, вера в преобразующую силу слова, которые в статье о Пушкине дают о себе знать, – реализуются и в других главах книги. Потому что в настоящей литературе всё взаимосвязано, всё проникнуто общим духом – добра и света, который, воплощаясь на бумаге, и порождает такое удивительное явление, как художественность: чудо изображения Божьего мира таким, каким он должен быть.

Художественное изображение мира преобразует его в красоту.

«Красота как воплощённая идея» – вторая статья в книге Н.Ю. Леваниной. Теперь критик обращается к Достоевскому, к его идее красоты.

«Тайна красоты не могла не волновать Достоевского как истинно христианского мыслителя. Ведь красота в этой системе координат располагается на пересечении самых существенных категорий – идеала, любви, духовности. Она соединяет реальное бытие с идеальным долженствованием и самим фактом своего существования побуждает к совершенству, укрепляя человека в мысли о возможности земного осуществления идеала».

Думаю, эта статья будет близка многим читателям, любящим творчество Достоевского. В ней автор книги расставляет нравственно-художественные акценты в романе «Идиот». Это такая литературная «графика», где чёрное логично контрастирует

с белым, нравственно ясное – с неприемлемым, тёмным. Вот и статья «Быть своим» чётко и ясно рассказывает о публицистическом произведении Ф. М. Достоевского (статья «О деле Корниловой» в «Дневнике писателя»), в котором так же ясно составлены нравственные акценты в жизни и литературе: *«Быть своим для Достоевского значит любить и ненавидеть то, что любит и ненавидит твой народ, верить в его святых и чтить их, разделять с ним всё, что составляет национальную его судьбу...»*

Один из любимых писателей автора книги – Чехов, о нём она пишет вдохновенно, и это чувство передаётся читателю. Статья о Чехове («Человеку положено знать не всё») глубока и сложна, потому что касается самого главного вопроса в литературе – вопроса жизни и смерти человека, смысла его жизни: *«Как ни тривиально это звучит, но только труд на общее благо есть гарантия личного бессмертия, только его результаты не могут быть устранены фактом физической смерти. И другого пути спастись нет.»*

Эта статья – философская, подкреплённая тонким знанием творчества и биографии Чехова. И здесь, как и в статье о романе Ф. М. Достоевского, звучит сквозная мысль книги – о любви к жизни, о её смысле.

Н. Ю. Леванина говорит о красоте и вечной актуальности русской литературы, о том, что действительно важно для человека всегда, о том, что классика – современна. *«В долгом путешествии во времени человечество, как известно, берёт с собой лишь самое необходимое»* – это о классике, столь необходимой нам, не дающей ответы на вечные вопросы, но ставящей их перед читателем. И необходимая ему литература – это не журналистика, передающая только современное (или не-современное) и прагматический текст, который «функционеры от литературы» считают единственно полезным.

Да, за последние годы литература (или то, что литературу имитирует) стала стилистически богаче, изощрённее, техничнее. Она словно бы приспосабливается к нуждам современного человека. Но на самом деле в литературе нет прогресса. Всё настоящее заложено в ней изначально.

После того, как познакомишься с первой частью книги («Спроси у классика»), понимаешь, что у автора сборника – редкий дар: она пишет о классических произведениях скорее как критик, чем как литературовед. И пишет так, что интересно, увлекательно это не только для «посвящённых» филологов, но и для обычно-

го человека, интересующегося литературой. Думаю, не ошибусь, если скажу, что книга Н. Ю. Леваниной может сподвигнуть к перечитыванию, переосмыслению классических произведений, многие из которых для читателя так и остались в рамках школьной программы.

Композиционно неожиданной для меня оказалась вторая часть книги, «Думы с волнением», потому что здесь следом за «классической» частью возникают литературные портреты современников и даже земляков Натальи Юрьевны. Но неожиданно такое продолжение книги только на первый взгляд. Оно вовсе не разрушает иерархию литературы и её историческое понимание, а говорит о продолжении традиции в современности, о том, что литература для создающих её – *«не роль, но жизнь»*.

Именно в этой части книги автор ближе всего подходит к осознанию творческого одиночества поэта, к феномену его особости, той, которая является единственным условием существования поэзии.

В выборе современных поэтов Н. Ю. Леванина руководствуется своим вкусом, она пристрастна в своём выборе, и это мне очень импонирует как читателю. Это не просто биографические очерки, а понимание сути созданного, сути художественного мира каждого писателя, что очень ценно. Во многих случаях «литературные портреты» становятся открытием новых художественных миров – и для читателя, и для самих поэтов, которые не всегда до конца понимают, что, собственно, они создали. Критика – это искусство понимания, и творчество Н. Ю. Леваниной в полной мере соответствует этому определению.

Среди «литературных портретов» – статьи, посвящённые Сергею Кабакову, Владимиру Пыркову, Валерию Кремеру, приomyкает к ним и статья о книге И. В. Пыркова «Полёт над обрывом». Наталья Юрьевна пишет о них, не только освещая особенности их творчества, включая их в контекст современной эпохи, в определённую традицию, в её историю, но и соотнося с литературными предшественниками (так, предшественником, «двойником» Сергея Кабакова Н. Ю. Леванина видит Максимилиана Волошина).

Каждая статья – путь к творчеству этих поэтов, своеобразный «ключ». Прочтёт читатель эту статью и, дай Бог, захочет познакомиться с книгами этих поэтов. По крайней мере, хотя бы надежда на это появляется...

Благодарна Н. Ю. Леваниной за понимание, за то, как она написала и обо мне, о моих стихах. Я, как и другие писатели,

живущие в Саратове, вниманием литературных критиков не избалована. И дело не в том, что вот, «о тебе написали». А в том, что поняли. Писатель нуждается не в похвалах, а в понимании.

В этом же разделе находится эссе «Поэт», в котором представлен собирательный образ писателя, описан сам процесс творчества. Любопытно было прочесть, как критик представляет себе процесс написания стихов, но главное всё же в этом тексте иное: осознание трагичности существования поэта в современном русском литературном пространстве (ни для кого не секрет, что любой писатель в нынешнем обществе – маргинал, профессии «писатель» не существует, и возможности зарабатывать литературным трудом почти ни у кого из современных писателей нет) и художественное изображение экзистенциальной трагедии творческого человека.

В смысле воплощения в жизнь своего героя эссе «Последняя ночь» мне кажется даже более трагически-напряжённым, чем эссе о поэте. В нём оживает единство мироощущения человека, который чувствует поэзию, но поэтом специально не именован. В тексте появляется поэтическая музыка, которая живёт сама по себе, независимо от рефлексии автора.

Эссе о «человеке пишущем» – своеобразный «мостик», перекинутый от литера-

туры классической к современной, и мостик собственно к прозе – путевым очеркам («Люди и смыслы», «Галич и галичане»).

«Планета Крым» (путевые записки, замечательный свободный жанр) перекликается со статьями, потому что это путешествие – тоже жизнь, оно тоже стихийно и поэтично. Тот Крым, который видит Н.Ю. Леванина, представляет собой поэтическую, мифологическую реальность, сродни мирам тех поэтов, о которых Н.Ю. Леванина говорила прежде.

Образ Галича – это корневое, родовое, русское, родное не только для автора, но и для всех нас. А Крым – поэтическая реальность, куда герои попадают из унылой будничности.

И «Планета Крым», и проникновенный очерк о Елене Андреевне Сапоговой, и чудесные литературные портреты Сергея Потехина, Елены Балашовой, рассказы о других галичских поэтах и их книгах – всё это создаёт необходимый творческий объём книги, литературный мир Натальи Леваниной.

В очерковом разделе происходит плавный переход от литературы к естественности жизни, некий выход из мира художественного, высокая планка которого была задана эссе о Пушкине. И в то же время присутствие этих очерков в книге говорит о единстве литературы и жизни, об их неразрывности.

Татьяна
САБЛИНА

Дорога к свету

Алексей Бусс. Великая мечта: роман. — Саратов, изд-во «Саратовский источник», 2023.

Роман Алексея Бусса «Великая мечта» — об одном из тех людей, которые составляют славу нашего Отечества: о гениальном изобретателе Павле Яблочкове. К этому роману можно было взять эпиграф: «Несть пророка в своём Отечестве». Так в романе говорит Кюи во время разговора о профессоре Петрове, открывшем вольтову дугу задолго до Гемфри Дэви. Павел Николаевич был достойным сыном своего Отечества, но горько, что Родина была по отношению к нему не матерью, а мачехой.

Человек, который хотел осветить мглу России, весь в долгах, вынужден был бежать из России как преступник и с помощью преступников. Его, бессребреника, не ценят, не поддерживают, его мысль отдать бесплатно свечу русской армии наталкивается на косность военных чинов. И свеча Яблочкова, русский свет, впервые зажигается во Франции.

Автор романа проводит параллель с книгой Герберта Уэллса «Россия во мгле». И там, и там вековая тьма и мечтатель, который хочет эту тьму рассеять. Один человек науки, другой — политик. Образ тьмы у Бусса — образ чудовища: «В городах малых ночью к окнам дешёвых гостиниц подступала тьма такая непроглядная, что она казалась не просто отсутствием света, но неким колоссальным зверем, непонятным, беспощадным и древним, на какое-то время поглощавшим всё вокруг — городок, поля и леса, сонную речку, церковные колокольни... Тяжкая и беспросветная, наваливалась тьма на Россию».

И вот появляется мечтатель, который пытается свершить невозможное: «Он интуитивно нащупал её — свою дорогу. Дорогу к свету, который он сам зажжёт, не зная ещё, как, но непременно! Свет этот рассеет не только тьму ночей — куда как важнее, что он рассеет тьму невежества — наглого, пресытившегося, вездесу-

щего. Ведь там, где свет, не может быть ничего плохого — зло прячется в темноте».

Образ света у Бусса главенствующий. Он существует в трёх ипостасях — свет электрический, свет просвещения и свет свободы. На первой же странице мы встречаем слово «свет», а маленького Павла Яблочкова, который читает крестьянским друзьям при лучине Пушкина, называют просветителем. Этот образ проходит красной нитью через всю книгу.

Снова об Уэллсе: его мечтатель впал в утопию электрификации.

«Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной, равнинной, покрытой лесами стране, населённой неграмотными крестьянами, лишённой источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасла торговля и промышленность? Осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего».

Павел Яблочков это будущее видит, причём использует тот же образ: «Россия во мгле». В разговоре с Лавровым он говорит: «Я могу сделать так, что на просторы нашего Отечества, доселе пребывающее во мгле, придёт свет — пока не свет мысли, но свет настоящий, яркий, общедоступный. Засветятся в ночи окна не только дворцов, но и дешёвых квартир Санкт-Петербурга, в которых живут персонажи господина Достоевского, засияют как звёздочки окна крестьянских изб, светлыми станут улицы древних Москвы и Киева, по железным дорогам помчатся сияющие прожекторами паровозы. Свет, электрический свет, беспощадный в своей небесной правоте, не только позволит шире, да что там шире — и вовсе без границ распространить по русской земле уже другой, метафорический свет — свет просвещения».

Весь жизненный путь Яблочкова – борьба с тьмой невежества, косности и рабства. С ним дружат революционеры, он привечает их и во Франции, но приходит к убеждению, что главная революция в России – революция мысли.

Бертло, французский учёный, в разговоре с Яблочковым говорит: «Наука – это мощнейший инструмент преобразования действительности! Она может открыть дорогу к освобождению и социальным благам для стран и народов, как революция, но без тех чудовищных потрясений, которые ведёт с собой насильственная смена власти. Революция – меч, наука – скальпель. И тем и другим можно удалить больную конечность, но равно ли будет чувствовать себя пациент в обоих случаях?» И Яблочков соглашается: «Мне тоже кажется, что наука может сделать многое, если не всё, для освобождения человека. Я вот пока пытаюсь с её помощью бороться против тьмы. Для меня электричество – лучезарная надежда на будущее».

Много образов и сравнений, если можно так сказать, «световых» и «электрических»: в Техническом гальваническом заведении преподаватель Баулер называл фотографов ловцами света. Селянки оставляют на фотопластинках свет своих улыбок. Вот Александр Второй на Литейном мосту, который должен быть освещён свечами Яблочкова: «Первым по мосту прошёл император. Вспыхнувшие электрические свечи будто бы разбудили его – в глазах появился блеск, осанка выпрямилась, в шаге появилась упругость. Это снова был освободитель Болгарии, победитель турок, глава славянского мира, а не тот напуганный, усталый человек, что стоял на трибуне. Он шёл впереди, на некотором удалении от всех, за ним величаво двигался великий князь, семенили свитские».

Яблочков усмехнулся вслед Александру Второму – ему почудилось, будто и до царя долетели какие-то невидимые токи от генератора Сименса, дающего

энергию мосту, заряжая главу государства».

Или такое электрическое сравнение в разговоре с первой женой:

«– Ты прости меня, Люба! Пойми – я полюбил. Ничего уже не поделать».

По руке жены прошла резкая дрожь, похожая на ту, что часто испытывал Павел от ударов током во время опытов. Она резко открыла глаза, оторвала голову от спинки кресла, наклонилась вперёд к лицу мужа и выпалила:

– Полюбил?! Он полюбил! А мне что теперь? Мне – как?»

Сравнения и образы в книге разнообразны. Вот Яблочков смотрит на трещину в штукатурке и размышляет. И в его воображении эта трещина расширяется и превращается в каньон мысли. Или Яблочков вспоминает, как Эдисон сказал: «Мы сделаем электричество настолько дешёвым, что только богатые будут жечь свечи». «Яблочков тогда не обратил внимания на использованное американцем слово «свеча», а не «керосин», «масло» и «газ». Сказанное тогда теперь обретало зловещий смысл – похожая на маковку православной церкви колба лампы Эдисона казалась поминальной часовней на кладбище именно дугового света, свечи Яблочкова».

И впоследствии – вновь электрическое сравнение: «Деревянный православный крест был виден издали, и Яблочкова тянуло к нему, как притягивало железные стружки к его первым московским электромагнитам». А русский крест-голубец смотрелся среди французских надгробий невесть как залетевшей в чужие края одинокой птицей».

В сцене смерти Яблочкова опять появляется образ тьмы, которая поглощает избретателя. А эпилог полон света, и вновь появляется мечтатель с другой великой мечтой – его сын, Борис Яблочков. Поэтому роман заканчивается на оптимистической ноте».

Павел Варфоломеевич Кузнецов

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 1 декабря 2023 года.

Дата выхода в свет 15 декабря 2023 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/15123

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2023.

© «Волга–XXI век», 2023.

В ДОМЕ-МУЗЕЕ ПАВЛА КУЗНЕЦОВА

«На постерах поколение не вырастить...»
Интервью Анны Морковиной с Ольгой Бельской. Стр. 150

Дом-музей Павла Кузнецова

